

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2026 Том 26
ISSN 1817-7115 (Print)
ISSN 2541-898X (Online)
Издается с 2005 года

Серия Филология. Журналистика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Минор А. Я. Основные источники формирования терминологической лексики поволжских немцев в условиях языкового острова 128

Крылатова А. Ф. Функции фразеологических единиц в немецкоязычных рэп-текстах 136

Ahmad H. A. Cognitive and pragmatic characteristics of Kamila Shamsie's novel "Home Fire"
[Ахмад Х. А. Когнитивно-прагматические характеристики романа Камилы Шамси «Пожар в доме»] 143

Заалишвили И. В. Идеологемы чилийского президентского дискурса (на примере публичных речей Мишель Бачелет) 149

Сивова Т. В. Цвет лимона в системе цветообозначения русского языка: от стереотипного желтого к цвету лимон с лузгой 159

Литературоведение

Дубинина Т. Г. «Скучная история» А. П. Чехова: тургеневский контекст 168

Минц Б. А. Поэт и заговорщики: к истории интерпретаций стихотворения О. Мандельштама «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922) 174

Черепанов Д. Д. Проблема личности в творчестве Дж. Оруэлл 183

Лю Юэ. Анализ произведений Андрея Платонова с точки зрения даосизма 193

Кириченко В. В. Трансфигурационный метаперсонаж Жан-Батист Ботюль 200

Рясов Д. Л., Шеленок М. А. Мотивы игры в пьесах А. О. Ремеза «Счастливый конец» и «Проклятие» 210

Журналистика

Мухина О. С. Анализ востребованности творческих компетенций в современной журналистике 220

Проблемы высшей школы

Суркова М. В. Пространственный код культуры в учебном дискурсе: на материале текстов учебников русского языка 228

Приложение

Хроника научной жизни

Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Международная научная конференция «Язык и общество в синхронии и диахронии» 238

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия "Филология. Журналистика"» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76639 от 26 августа 2019 года. Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.9.1; 5.9.2; 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9).

Журнал входит в ЕГПНИ (Белый список), DOAJ

Подписной индекс издания 36011. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (bonjour.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 21.05.2026.

Подписано в свет 01.06.2026.

Выход в свет 01.06.2026.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 13,95 (15,0).

Тираж 100 экз. Заказ 37-Т

Отпечатано в типографии

Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи по направлениям *Лингвистика, Литературоведение, Журналистика* (специальности 5.9.1, 5.9.2, 5.9.5, 5.9.6, 5.9.8, 5.9.9), а также материалы в разделы *Проблемы высшей школы, Представляем книгу, Хроника научной жизни*.

К рассмотрению не принимаются материалы, представленные в другие журналы или ранее опубликованные.

Объем публикации – 25000–40000 знаков с пробелами (для разделов Критика и библиография, Хроника научной жизни – 15000–20000), список литературы – 15–25 наименований. Статья должна содержать аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (не более 15), сведения об авторе (место работы, ученая степень, должность, e-mail, ORCID) на русском и английском языках. Текст необходимо тщательно отредактировать и оформить в соответствии с требованиями журнала: формат MS Word для Windows, через один интервал, с полями (левое – 3,5 см, правое – 1,5 см, верхнее и нижнее – 2, 5 см), шрифт Times New Roman, кегль 14 для основного текста, 12 – для вспомогательного. Для цитирования используются внутритекстовые ссылки, список литературы составляется в порядке упоминания источников в тексте.

Статьи проходят проверку на оригинальность в системе Антиплагиат.ВУЗ и на соответствие техническим требованиям (см. *Правила для авторов*), затем они подлежат обязательному рецензированию (см. *Порядок рецензирования*) и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию.

Подача заявки на публикацию осуществляется через сайт журнала: <https://bonjour.sgu.ru>

После принятия редколлегией решения о публикации статьи автор обязан загрузить на сайт PDF-файлы подписанного Лицензионного договора, Экспертного заключения о возможности открытого опубликования статьи, Соглашения на обработку персональных данных, а также прислать их оригиналы по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Институт филологии и журналистики, редакция журнала.

Опубликованный номер размещается на сайте журнала, в российских и международных базах данных. Рассылка авторских экземпляров не предусмотрена.

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

Minor A. Ya.

The main sources of formation of the terminological vocabulary of the Volga Germans in the conditions of a language island 128

Krylatova A. F.

Functions of phraseological units in German-language rap texts 136

Ahmad H. A.

Cognitive and pragmatic characteristics of Kamila Shamsie's novel "Home Fire" 143

Zalishvili I. V.

Ideologemes of Chilean presidential discourse (based on the public speeches of Michelle Bachelet) 149

Sivova T. V.

The color of lemon in the Russian language color notation system: From the stereotyped yellow to the color of lemon with peel 159

Literary Criticism

Dubinina T. G.

A Boring Story by A. P. Chekhov: Turgenev's context 168

Mints B. A.

The poet and the conspirators: Towards the history of interpretations of O. Mandelstam's poem "For Some the Winter Means Arak and Blue-Eyed Sparkling Punches..." (1922) 174

Cherepanov D. D.

The concept of human being in George Orwell's oeuvre 183

Liu Yue

Analysis of Andrey Platonov's works from the point of view of Taoism 193

Kirichenko V. V.

The transfictional meta-character Jean-Baptiste Botul 200

Ryasov D. L., Shelenok M. A.

Motives of game in A. O. Remez's plays *Happy Ending* and *Curse* 210

Journalism

Mukhina O. S.

Assessing the value of creative skills in modern journalism 220

Higher School Problems

Surkova M. V.

Cultural spatial coding in educational discourse: A cross-examination of the Russian language textbooks 228

Appendix

Chronicle of Scholarly Activities

Dmitrieva O. I., Kryuchkova O. Yu.

International scientific conference "Language and Society in Synchrony and Diachrony" 238

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА»**

Главный редактор

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Павлова Светлана Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аликаев Рашид Султанович, доктор филол. наук, профессор (Нальчик, Россия)
Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филол. наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)
Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)
Байкулова Алла Николаевна, доктор филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Бакиров Поян Уралович, доктор филол. наук, профессор (Термез, Узбекистан)
Вартанова Елена Леонидовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Голубков Андрей Васильевич, доктор филол. наук, профессор РАН (Москва, Россия)
Горбунов Юрий Иванович, доктор филол. наук, доцент (Тольятти, Россия)
Дементьев Вадим Викторович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Долинин Александр Алексеевич, Ph.D. (Мэдисон, штат Висконсин, США)
Елина Елена Генриховна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кабанова Ирина Валерьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Котелевская Вера Владимировна, кандидат филол. наук (Ростов-на-Дону, Россия)
Крысин Леонид Петрович, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Майга Абубакар Абдулвахиду, кандидат филол. наук (Бамако, Мали)
Маслова Валентина Авраамовна, доктор филол. наук, профессор (Витебск, Беларусь)
Мних Роман Владимирович, доктор гуманитарн. наук (славянские литературы), доцент (Варшава, Польша)
Мохаммед Газван Аднан Мохаммед, Ph.D., доцент (Баакуба, Республика Ирак)
Панова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Пахсарьян Наталья Тиграновна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)
Разумова Лина Васильевна, доктор филол. наук, доцент (Москва, Россия)
Ратмайр Ренате Фелисите, Ph.D. (Вена, Австрия)
Се Чуньянь, доктор филол. наук (Харбин, Китай)
Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Харламова Татьяна Валериевна, кандидат филол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, профессор (Пекин, Китай)
Чекалов Кирилл Александрович, доктор филол. наук (Москва, Россия)
Шамне Николай Леонидович, доктор филол. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Шевченко Вячеслав Дмитриевич, доктор филол. наук, доцент (Самара, Россия)
Шестеркина Людмила Петровна, доктор филол. наук, доцент (Челябинск, Россия)
Щепилова Галина Германовна, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOLOGY. JOURNALISM”**

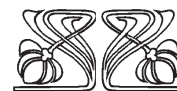
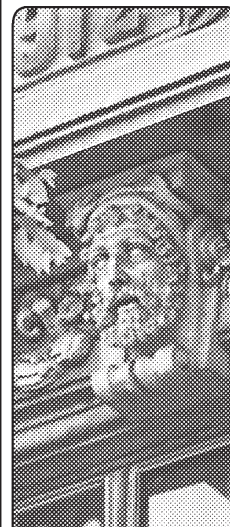
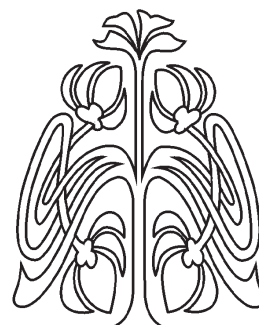
Editor-in-Chief – Valeriy V. Prozorov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Irina Yu. Ivanyushina (Saratov, Russia)

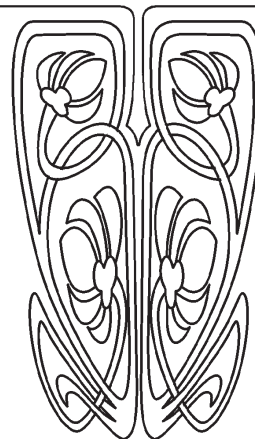
Executive Secretary – Svetlana Yu. Pavlova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Rashid S. Alikhaev (Nalchik, Russia)	Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus)
Veronika D. Altashina (St. Petersburg, Russia)	Roman V. Mnich (Warsaw, Poland)
Olga Yu. Anzyferova (St. Petersburg, Russia)	Ghazwan Adnan Mohammed (Baqubah, Republic of Iraq)
Alla N. Baikulova (Saratov, Russia)	Olga Yu. Panova (Moscow, Russia)
Poyon U. Bakirov (Termez, Uzbekistan)	Natalia T. Pakhsaryan (Moscow, Russia)
Elena L. Vartanova (Moscow, Russia)	Lina V. Razumova (Moscow, Russia)
Andrey V. Golubkov (Moscow, Russia)	Renate F. Rathmayr (Vienna, Austria)
Yuri I. Gorbunov (Togliatti, Russia)	Xie Chunyan (Harbin, China)
Vadim V. Dementiev (Saratov, Russia)	Irina A. Tarasova (Saratov, Russia)
Alexandr A. Dolinin (Madison, Wisconsin, USA)	Tatyana V. Kharlamova (Saratov, Russia)
Elena G. Elina (Saratov, Russia)	Huan May (Beijing, China)
Irina V. Kabanova (Saratov, Russia)	Kirill A. Chekalov (Moscow, Russia)
Vera V. Kotelevskaya (Rostov-on-Don, Russia)	Nikolay L. Shamne (Volgograd, Russia)
Leonid P. Krysin (Moscow, Russia)	Vyacheslav D. Shevchenko (Samara, Russia)
Olga Yu. Kryuchkova (Saratov, Russia)	Lyudmila P. Shesterkina (Chelyabinsk, Russia)
Aboubacar Abdoulwahidou Maiga (Bamako, Mali)	Galina G. Schepilova (Moscow, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 128–135

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 128–135

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-128-135>

EDN: ALOWXB

Научная статья

УДК 811.112.2'373(470.44/.47)

Основные источники формирования терминологической лексики поволжских немцев в условиях языкового острова

А. Я. Минор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

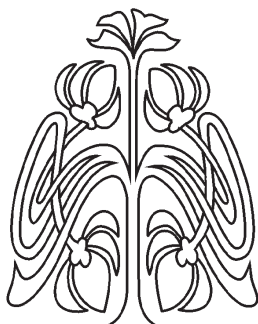
Минор Александр Яковлевич, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкого и французского языков и методики их преподавания, a-minor27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9871-9069>

Аннотация. В статье предлагаются краткий обзор формирования аллохтонной этнической группы поволжских немцев и основные направления формирования корпуса терминологической лексики данного этноса в условиях языкового острова. Целью исследования является определение основных источников, из которых формировалась терминологическая лексика материальной этнографии немцев Поволжья. Одной из важных предпосылок формирования и развития полноценной терминологической системы поволжских немцев является наличие среди эмигрантов представителей более чем 150 профессий и родов деятельности, что гарантирует сохранение, развитие и передачу терминологической лексики следующим поколениям. В ходе анализа оригинального тематического корпуса текстов автор приходит к выводу, что подавляющее количество терминов образовано ресурсами родного языка. При этом следует различать термины в форме стандартного немецкого языка и термины в форме языковых вариантов, т. е. диалектов. В последнем случае необходимо учитывать наличие нескольких диалектных вариантов одного и того же термина, так как к моменту сбора лексического материала у немцев Поволжья еще не сложился единый язык общения. В населенных пунктах немецкой области на Волге население продолжало общаться на многочисленных диалектах. Еще одним источником пополнения корпуса терминологической лексики следует считать заимствования из языков окружения. В этом случае речь идет, главным образом, о русском языке, с носителями которого колонисты контактировали вне своих мест проживания, так как немецкие села были монолингвальными.

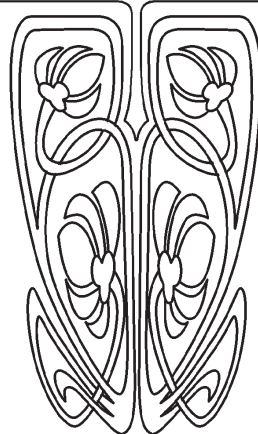
Ключевые слова: материальная этнография, терминологическая лексика, немцы Поволжья, языковые заимствования, ресурсы диалектной лексики и языков окружения

Для цитирования: Минор А. Я. Основные источники формирования терминологической лексики поволжских немцев в условиях языкового острова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 128–135. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-128-135>, EDN: ALOWXB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The main sources of formation of the terminological vocabulary of the Volga Germans in the conditions of a language island

A. Ya. Minor

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander Ya. Minor, a-minor27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9871-9069>

Abstract. The article offers a brief overview of the formation of the allochthonous ethnic group of the Volga Germans and the main directions of the formation of the corpus of terminological vocabulary of this ethnic group in the conditions of a language island. The purpose of the study is to determine the main sources from which the terminological vocabulary of the material ethnography of the Volga Germans was formed. One of the important prerequisites for the formation and development of a full-fledged terminological system of the Volga Germans is the existence of the representatives of more than 150 professions and types of activity among the emigrants, which guarantees the preservation, development and transmission of terminological vocabulary to future generations. In the course of the analysis of the original thematic corpus of texts, the author comes to the conclusion that the overwhelming majority of terms are formed by the resources of the native language. In this case, it is necessary to distinguish between terms in the form of standard German and terms in the form of language variants, that is, dialects. In the latter case, it is necessary to take into account the presence of several dialectal variants of the same term, since by the time the lexical material was collected, the Volga Germans had not yet developed a single language of communication. In the settlements of the German region on the Volga, the population continued to communicate in numerous dialects. Another source of replenishment of the corpus of terminological vocabulary should be considered borrowings from the languages of the environment. In this case, we are talking mainly about the Russian language, with whose speakers the colonists contacted outside of their places of residence, since the German villages were monolingual.

Keywords: material ethnography, terminological vocabulary, Volga Germans, language borrowings, resources of dialectal vocabulary and languages of the environment

For citation: Minor A. Ya. The main sources of formation of the terminological vocabulary of the Volga Germans in the conditions of a language island. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 128–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-128-135>, EDN: ALOWXB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1. К истории расселения немцев Поволжья

Причинами эмиграции значительного количества немцев в Россию в последней четверти XVIII в. стала, в первую очередь, Семилетняя война, которая принесла обнищание и разорение населения многочисленных мелких немецких государств. Кроме того, давали себя знать острая нехватка земли, гонения на иноверцев и т. д.

Осознавая необходимость заселения пустующих земель, особенно в центре России, на Волге, российская императрица Екатерина II, верная сторонница теории Вольтера о необходимости преумножения населения, уже в 1763 г. издает манифест, в котором призывает иностранцев переселяться в Российскую империю и колонизировать пустующие земли на Средней Волге [1, S. 47]. Наибольший отклик манифест нашел у разоренных Семилетней войной крестьян центральных районов Германии в небольших немецких государствах и вольных имперских городах.

Переселяясь в другую страну, народ берет с собой всю совокупность материального и интеллектуального опыта и навыков, свои традиции и обычаи. Особенную роль в дальнейшей судьбе

данного этноса играет его готовность или отсутствие таковой интегрироваться в социально-политическую и экономическую констелляцию своей новой родины или дистанцироваться от иноязычной среды и сохранить свою идентичность. Большую роль играют и официальные условия, в которых происходила иммиграция колонистов и освоение всех объективных условий новой родины.

Что касается российских немцев и особенно поволжских немцев, то обстоятельства их иммиграции кратко могут быть представлены следующим образом. Очень важными для дальнейшей жизни колонистов были те гарантии, которые содержались в пригласительном манифесте российского правительства от 22 июля 1763 г. [1, S. 48]. Только на Волге в период с 1764 по 1770 г. приблизительно 3000 семей немецких колонистов основали 117 поселений [1, S. 76]. Таким образом, на пустующих землях Средней и Нижней Волги образовался довольно компактно расположенный немецкоязычный анклав, или остров, ставший основой формирования нового аллохтонного этноса в русскоязычном окружении. Манифест гарантировал иностранным поселенцам многочисленные права и обещал множество льгот и привиле-

гий, в частности внутреннее самоуправление, освобождение от военной службы, проведение церковных служб, обучение в школе и документооборот на немецком языке и др. [2, с. 50–51], поэтому немецкие колонисты смогли свободно развивать родную культуру в изоляции от своих соседей, говоривших на разных языках, а также сохранить родной язык и даже его основные функциональные стили.

Немаловажным условием формирования терминосистемы различных областей деятельности колонистов было наличие среди новых граждан России представителей свыше ста профессий. Большая часть колонистов, по данным безымянного автора краеведческих записок по Маркштадтскому кантону (району), были хлебопашцами (62%). Так, «к 1 мая 1798 года в 154 семьях насчитывалось 341 человек мужского пола и 265 человек женского пола, всего 606 человек» [2, с. 123]. Среди профессий, представленных в материалах по краеведению, упоминается 191 рабочий, из них 46 ремесленников и 145 крестьян. Автор перечисляет представителей следующих профессий: чулочники, крестьяне, пивовары, солдаты, один учитель, плотники, валяльщики, мельники, каменщики, сапожники, кузнецы, купцы, садовники, механики, медники, один золотых дел мастер, слесари, токари, стекольщики, один рыбак, несколько каретных мастеров, бондари, сапожники, портные и ткачи, а также другие менее известные профессии, например, мастер по производству перцев [3, S. 123–124]. Аналогичная картина наблюдалась и в других колониях. Свидетельством многообразия кустарных промыслов и ремесел является перечень инструментов и орудий производства, представленных в каталоге «Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.)» [4, с. 3–4]. Так, немецкие ремесленники изготавливали ткани, шили валяную и кожаную обувь, обрабатывали дерево и изготавливали из него мебель. Широко развито было производство курительных трубок, предметов декоративно-прикладного искусства, изготовление предметов из ивового прута, соломоплетение и изготовление предметов из соломенной плетенки, обработка металла, камня, гончарное производство и т.п.

На новой родине колонистам пришлось адаптировать свои технические знания и навыки к местным климатическим условиям. Кроме того, необходимо было изучить состав почвы и воды, опытным путем установить, какие культурные растения наиболее приспособлены к ха-

рактеру местной почвы. Крестьяне, привыкшие жить в гармонии с природой, учитывая веками сложившиеся в Германии народные приметы, вынуждены были многие из них пересмотреть.

Новым гражданам России также приходилось исследовать и опробовать местные строительные материалы, необходимые для построения надежных домов и хозяйственных построек. Большое значение имело также приобретение опыта выращивания зерна и овощей в новых климатических условиях. Привезенные знания в области переработки мяса, овощей, фруктов и ягод пришлось апробировать и модифицировать под местные условия. Таким образом, колонисты приобретали новый опыт на их новой родине.

Полученный опыт необходимо было сохранить и передать следующему поколению, обмениваться им с другими соотечественниками. Это требовало формирования определенного терминологического словаря.

Таким образом, для формирования и развития терминологии на родном языке имелось достаточно емких оснований, в том числе использование в качестве основного коммуникативного средства немецкого языка в разных регистрах, наличие достаточного количества носителей терминологической лексики и достаточного количества специалистов, способных развивать и совершенствовать терминологическую лексику.

2. Терминологическая составляющая материальной этнографии немцев Поволжья

Вопросам изучения терминов посвящено множество трудов как отечественных, так и зарубежных авторов. В современном языкознании наиболее известны работы А. А. Реформатского [5], Г. О. Винокура [6], В. С. Виноградова [7], В. М. Лейчика [8], Б. Н. Головина, Р. Ю. Кобрина [9], И. С. Квитко [10], А. Я. Минора [11]. Однако, несмотря на то, что это понятие исследовано достаточно глубоко и основательно, некоторые основополагающие вопросы терминоведения остаются предметом дискуссий и по настоящее время. Так, вызывает дискуссии вопрос общепринятого определения термина. Кроме того, нет четкого определения роли терминологических единиц в системе языка, не решен вопрос о критериях выделения терминов, в то время как в настоящее время в языкознании насчитывается более сотни определений понятия «термин».

Основоположником отечественного терминоведения принято считать А. А. Реформатского. На наш взгляд, он сформулировал наиболее точное и полное определение термина: «...это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными, как точное выражение понятий и название вещей» [5, с. 115].

Согласно определению А. А. Реформатского, терминология – «это совокупность терминов определенной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочиванию» [5, с. 115]. Из данного определения следует, что термины могут функционировать только в составе специального языка, т. е. терминологии. А. А. Реформатский подчеркивает, что в общепотребительном языке слово может иметь несколько значений, однако, оказываясь в составе терминологии, оно становится однозначным. Ученый приходит к следующим выводам: термин может существовать вне контекста, так как его присутствие в терминологии выступает вместо контекста; термин может употребляться изолированно, к примеру в текстах инструкций или заказов в технике; термин однозначен не вообще в языке, а в пределах данной терминологии [5, с. 112].

Г. О. Винокур в свое время сделал вывод, что «в роли термина может выступать всякое слово... термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [6, с. 49]. То есть, согласно данному определению, термином может быть любое слово. Основное, что отличает термин от общепотребительного слова, – особая функция термина называть специальное понятие. Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин определяют термин как «отдельное слово или образованное на базе имени существительного, подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии (научной, технической, производственной, управленческой)» [9, с. 10].

Определенную сложность вызывает выделение и исследование терминологической лексики в такой области научного знания, как материальная этнография, поскольку этнография по своей сущности наука многослойная и

многоаспектная. Предмет ее интересов охватывает несколько основных сфер, связанных с жизнью и деятельностью человека.

В данном исследовании рассматриваются три основные области материальной этнографии: жилище, питание и одежда человека. Материалом исследования послужили: монография Августа Лонзингера *Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen* (Материальная этнография немцев Поволжья) [12], а также каталог Е. А. Арндт «Хозяйство и быт немцев Поволжья» [13]. Кроме того, для верификации примеров использовался Атлас языка поволжских немцев (*Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA)*) [14].

Исследование А. Лонзингера было закончено в середине 20-х гг. прошлого века, переведено на русский язык и введено в научный оборот в 2022 г. В каждом структурном блоке автор выделяет отдельные тематические группы. Так, в подгруппу одежда входят четыре большие тематические группы: женская, мужская и детская одежда, украшения и стирка одежды и белья. Таким же образом уточняются подразделы жилища и питания. В целом в монографии насчитывается около 2000 слов, имеющих в данной области научного знания семантику терминов.

Каталог содержит семь разделов, в которых представлены предметы хозяйства и быта немцев Поволжья, выставленные в различных музеях. Название разделов отражают основные виды хозяйственной и культурной деятельности немцев: *Landwirtschaft und Tierhaltung* (Земледелие и животноводство); *Hausarbeiten, Gewerbe und Handwerk* (Домашние занятия. Промыслы. Ремесла); *Wohnung* (Жилище); *Kochutensilien* (Утварь); *Kostüm und Schmuck* (Костюм. Украшения); *Riten und Feiertage* (Обряды и праздники); *Kndererziehung* (Воспитание детей).

3. Факторы, определяющие особенность терминологической лексики поволжских немцев

При анализе терминов, характеризующих важнейшие сферы жизни немцев Поволжья, можно выделить следующие факторы, определяющие своеобразие терминологической лексики данного аллохтонного этноса.

Прежде всего, эти факторы можно разделить на три группы в зависимости от источников пополнения специальной лексики. Анализ структуры и семантики терминологической лексики обнаруживает три источника ее происхождения.

Во-первых, это неологизмы, которые базируруются на собственной творческой силе немецкого языка. В этой области можно выделить два направления: потенциал литературного языка и потенциал диалектов. Во-вторых, это заимствования из контактных языков, особенно из русского.

3.1. Терминологические образования на базе немецкого литературного языка

Этот фактор связан с пространственными отношениями. Часть эмигрировавших людей могут при определенных обстоятельствах потерять связь с родиной и родственниками, изолироваться от соотечественников. Изоляция эмигрирующей группы может принимать разные формы. Отношения эмигрантов со своей покинутой родиной могут быть временно активированными или полностью пассивными. Для этого могут быть разные причины. В большинстве случаев правительство хочет как можно быстрее интегрировать иммигрантов на их новой родине.

Изоляция от основной области функционирования родного языка может испытывать различные фазы усиления или ослабления контактов вплоть до их полного прерывания.

Названия новых устройств или машин могут попасть на этот языковой остров разными способами. Большую роль играет импорт новинок из Германии в район проживания эмигрантов. Но для немцев Поволжья этот маршрут не играл особой роли, поскольку колонисты вследствие большой удаленности от прежней родины и ограниченности контактов были более зависимы от продуктов из России, чем из прежней родины. Именно на Волге немцы стали строить дома и надворные постройки из самана (блоки немного больше по размеру, чем кирпич, изготовленные из смеси белой глины и соломы или мякины, высушенные на солнце в течение летних месяцев): *Lehmsteine* (в диалектной форме – *Backstaa*) (глиняные кирпичи), *die Form* (шаблон на четыре или шесть ячеек, в которые накладывают смесь глины с соломой и относят в этой форме к месту, где кирпичи будут все лето сохнуть).

Интересный неологизм поволжско-немецкого языка, возникший в результате дефицита леса и дров, это слово *Mistholz* (кизяки), буквально дрова из навоза, которые затем складывались в сарай и служили хозяйке всю зиму топливом. Вместо *Nachtschattenbeeren* (паслён) использовалось название *Schwarzbeeren* (черные ягоды,

паслён), которое, естественно, употреблялось и в диалектной форме *Schwarzabeera*. Название ягоды малины только в диалектах группы мennonитских колоний, которые были основаны гораздо позже основной группы колоний, в 1853–1871 гг. [14, S. 261], имело форму *Himbeeren*, *Hembirn*, *Embiere*. В старых материнских колониях эту ягоду называли *Maline* (*Mliine*, *Maliine*) [14, S. 261]. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что этот кустарник, эта ягода жителям старых колоний была не знакома до их переезда в Россию.

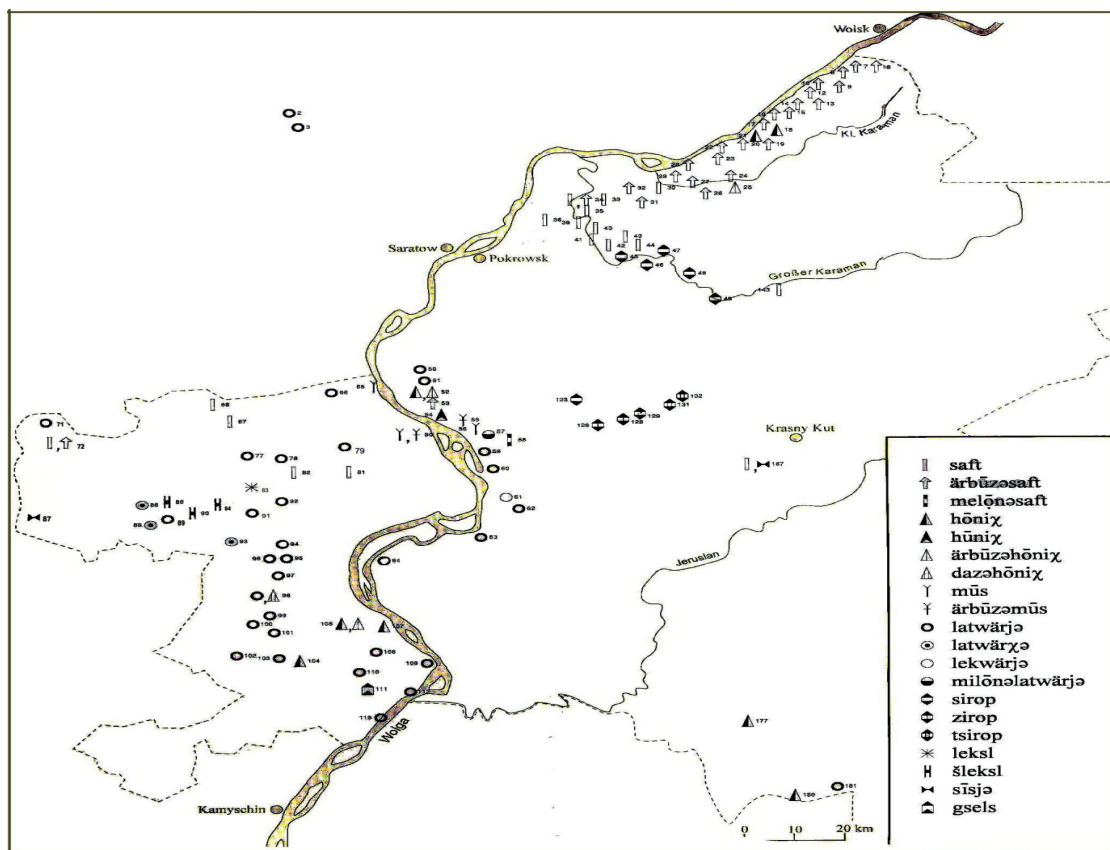
В одежде использовались, наряду с самоканными, также ткани российского фабричного производства. Так, в колониях научились производить легкую ткань сарпинку (*Sarpinkatuch*). В каждом селе были ткацкие станки, на которых изготавливались льняные ткани, трикотажные шерстяные полотна. Местные портнихи шили из них различные жакеты, юбки, фартуки, камзолы, чепчики и шарфы. Большую часть одежды и постельного белья колонисты шили сами на швейных машинах или вручную [15, S. 5].

На Волге колонисты стали шить полушубки (*Schappelz*, *Faltapelz*, *Gelapelz*, *Poluschubka*). Более бедные слои населения шили *gesteppte Pelze* (стеганные полушубки).

3.2. Терминологическая лексика на базе диалектов

Диалекты поставляют в систему языка значительную часть словарного запаса не только в условиях языкового острова, но и на основной территории немецкого языка. На сравнительно большом ареале расселения немцев Поволжья новые термины имели разную форму и различались не только фонетически, но и лексически (ср., например: [16]).

Творческую силу диалектов можно продемонстрировать на примере названий арбузной патоки. На карте из Атласа языка поволжских немцев для словосочетания *арбузный сок* можно увидеть около 20 вариантов этого термина, хотя среди существующих названий можно выделить некоторые группы, в которых доминирует один и тот же компонент. В целом группы слов можно идентифицировать по их основным компонентам: *мед* (*Arbusenhonig*), *сок* (*Arbusensaft*), *повидло* (*Melonenlatwerje*), *мусс* (*Arbusemus*), *cupon* (*Melonen-sirup*) и *кисель* (*Kisel*). На карте показаны и другие отдельные варианты этого продукта, которые изобрели поволжские немцы на своей новой родине [14, S. 219].

Карта № 219 Melonensirup из WDSA (переработана А. Минором)

Для номинации курительной трубки существует пять вариантов слова *Pfeife* (курительная трубка): *paif, paifə, paivə, faifə, faif*. Для объектов, созданных на новой родине, используются диалектные формы, например: *Samowardichle* (*Samowartüchlein*) (салфетка для самовара), *Tichilde* (носовой платок, салфетка), *Kamdasch* (сумочка для гребней), *Uhrschuh* (футляр в форме башмака для хранения часов [4, с. 27].

Особую группу составляют слова для номинации объектов, созданных на новой родине, на Волге. Наиболее интересным примером является *Ausreitstein* (*Ausreitstaa*) – молотильный камень, камень для обмолота зерна, каменный каток. В каталоге «Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.)» *Ausreitstein* описывается следующим образом: это семигранный цилиндр с острыми краями, двумя неглубокими отверстиями и железными прутьями у оснований. Место крепления заполнено раствором серы [4, с. 119]. Молотильный камень был изобретен немцами Поволжья для облегчения молотыбы.

Вот еще несколько примеров неологизмов, возникших в диалектах поволжских немцев для названия предметов, которые впервые вошли в

употребление в России: *Neuropper* (крюк для вытаскивания сена из стога), *Mistholz* (кизяки из навоза для отопления), *Schnitze* (ломтики сухофруктов) и т. д.

Поэтому можно утверждать, что анализ терминологической лексики позволил выявить термины, для обозначения которых поволжские немцы использовали либо лексику своих диалектов, либо литературный немецкий язык.

3.3. Заимствованная терминологическая лексика

Важным фактором, отразившимся на развитии языка и культуры, привезенных с собой иммигрантами, и в частности на их терминологическом словарном запасе, является воздействие языка и культуры народов, находящихся в непосредственном контакте с данной этнической группой. Их влияние на развитие терминологической лексики аллохтонного этноса нельзя отрицать, поскольку не всегда удавалось найти соответствующие средства в родном языке. По этой причине ресурсы контактных языков использовались для того, чтобы найти номинацию новому предмету или явлению при помощи заимствований из других языков.

При анализе языковых карт из Атласа диалектов немцев Поволжья (WDSA) особенно бросаются в глаза заимствования из русского языка: десять процентов языковых карт Атласа (из 285 карт) содержат русизмы разного рода. Обзор этих русизмов показывает, по мнению Н. Беренд и Р. Поста, что для адаптации языка к экономической и культурной ситуации использовались различные языковые стратегии [15, с. 6].

Так, в Атласе содержатся интересные примеры влияния русского языка на язык российских немцев. Следует заметить, что ко времени проведения анкетирования среди немецкого населения на Волге влияние русского языка было минимальным, немцы были в основном монолингвами [16]. Контактные языки могли стать источником новой лексики для островного варианта немецкого языка, по крайней мере, по двум причинам.

Априори можно утверждать, что заимствованные термины с заимствованными объектами прочно вошли в состав поволжско-немецкого языка. Это, например, *Samowar*, *Katerinka* (разновидность шарманки), *Kofta*, *Schwanzkoft* (кофта), *Winterjacke Schabasch* (зимняя куртка шабаш), *Sarafan* (сарафан), *Kartus* (картуз, фуражка), *Pinschak* (пиншак, беншак, мужская уличная куртка, пиджак), *Naprasna* (напрасна, прасна), *Kaftan* (длинная верхняя одежда), *Krylitz* (крыльцо), *Kwas* (слабый алкогольный напиток квас), *Samogon* (самогон), *Tulup* (тулуп, длинная шуба с большим воротником из длинноворсового меха), *Resinkaschuh* (резинки, туфли на резиновой подошве) и др.

При анализе терминологической лексики заметно, что наибольшее количество заимствований связано с одеждой. Причинами этого, конечно же, являются климат и погода, которые заставили колонистов подражать некоторым элементам одежды своих русских соседей.

Второй причиной заимствования из языка контактов могла быть необходимость дифференцировать значения схожих терминов или объектов. Так обстоит дело, например, со словом «мед». Так немцы Поволжья в большинстве колоний называли арбузную патоку *Honig*, *Arbusenhonig* (мед, арбузный мед), а не пчелиный мед. Среди хлебобулочных изделий различают толстые лепешки *dicke Kuchen* (хлеб) и *Dünnekuchen* (тонкие лепешки, т. е. пирог). Иногда пирог покрывали слоем теста и сверху, получая двойной пирог. Такой пирог получил

название по-русски *Pirog*, *Birock*. В этом случае вместе с заимствованным предметом было заимствовано и его название.

При заимствовании русских существительных с конечной полной гласной носители поволжских немецких диалектов следуют типичному для немецкого языка правилу, а именно ослаблению этих гласных в безударных слогах до редуцированного *-e*, как в немецком языке (например: русские *-я, -и, -ы* > немецкие *-e* [ə]). Ср.: баня > *Banje*; арбузы > *Arbuse*; кружка > *Kruschge*.

Другая группа, примечательная со структурно-формальной точки зрения, – это сложные существительные, состоящие из русской и немецкой частей. Примеры: *Sirenbäum* (сирень + дерево); *Saborawand* (забор + стена), *Kaleschewagen* (коляска + повозка), *Droschgewagen* (дрожки + повозка); *Tschuguntopf* (чугун + горшок); *Gasöl* (керосин: газ + масло). Эти немецко-русские слова-гибриды встречаются наряду с русскими корневыми словами. В целом, как показывает практический материал, это довольно распространенная модель русизмов. В отличие от русского языка, в котором определяющее слово в композите имеет, как правило, форму прилагательного, в немецком языке в сложных существительных определяющее слово является именем существительным, например: *Arbusehonig* (арбузная патока, букв. арбузный мед) [17].

Различия в произношении одной и той же лексемы порой очень заметны. Насколько можно судить по имеющейся фонетической транскрипции, их невозможно систематизировать по определенным правилам. Процесс фонетической интеграции русских слов в немецкую диалектную языковую систему (*Verdeutschung*), «германизация, онемечивание», ко времени сбора лексического диалектного материала в 30-х гг. XX в., по-видимому, еще не был завершен [18]. Поэтому в анкетах встречаются разные варианты произношения, например: *Schwantsgofte*, *Schwantsgofte*, *Schwantskofte*, *Schwanzkofte* (жакет с баской); *Jacke Naprasna*, *Prasna* (праздничная кофта). Однако в диалектах немцев Поволжья встречаются также устоявшиеся формы заимствованных из русского языка слов, например *Kaftan*, *Kartus*, *Schapka*.

Термины в диалектной форме также имеют несколько вариантов, например, *Wiege* (колыбель): *Wik*, *Wige*; *Puppe* (кукла): *Pob*, *Bop*; *Kinderhocker* (детский стульчик): *Taburethe*, *Daburethe* и др.

Заключение

В заключение необходимо определить два актуальных направления исследований в области обработки терминологической лексики поволжских немцев. Во-первых, это задача сбора, сортировки и классификации терминологической лексики, которая сложилась и утвердилась в процессе жизни и деятельности немцев на Волге и в России в целом. Очень важной задачей является определение источниковой базы для сбора терминологической лексики поволжских немцев. Прежде всего, это различные каталоги, содержащие специальную лексику по различным отраслям экономики и быта немецких колонистов.

Список литературы

1. *Kufeld J.* Deutsche Kolonien an der Wolga. Nürnberg ; München : Historischer Forschungsverein der Deutschen aus Russland (HFDR), 2000. 446 S.
2. *Дитц Я. Е.* История поволжских немцев колонистов. М. : Готика, 1997. 496 с.
3. Наш кантон. Материалы по краеведению. Маркштадтский кантон АССР НП = Unser Kanton. Materialien zur Heimatkunde. Kanton Marxstadt der ASSRdWD / пер. с нем. А. Я. Минора; ред. А. Я. Минор, Е. А. Арндт. Саратов, 2024. 240 с.
4. *Арндт Е. А.* Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.) : каталог = Wirtschaft und Alltag der Wolgadeutschen (XIX. und XX. Jahrhundert) : Katalog. Изд. 2-е, перераб.. Саратов : ИД «Волга», 2021. 296 с.
5. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение : учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. 5-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2004. 536 с.
6. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению / под ред. М. В. Сергиевского, Д. Н. Ушакова, Р. О. Шор. М. : Московский гос. ин-т истории, философии и лит-ры, 1939. С. 3–54. (Труды Московского института истории, философии и литературы, т. 5).
7. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
8. *Лейчик В. М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
9. *Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1987. 105 с.
10. *Квитко И. С.* Термин в научном документе. Львов : Вицца школа, 1976. 125 с.
11. *Minop A.* Fachwortschatz der sachlichen Volkskunde der Wolgadeutschen // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2023. № 1 (13). С. 137–143. [https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1\(13\)-137-143](https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1(13)-137-143)
12. *Lonsinger A.* Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen = Материальная этнография немцев Поволжья. Саратов : ИД «Волга», 2022. 248 с.
13. *Арндт Е. А.* Тайны и загадки костюмов поволжских немцев = Geheimnisse und Rätsel der wolgadeutschen Volkstrachten / пер. с нем. А. Минора. Саратов : ИД «Волга», 2022. 152 с.
14. *Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien / bearbeitet und herausgegeben von N. Berend unter Mitarbeit von R. Post.* Tübingen ; Basel : A. Francke, 1997. 320 S.
15. *Berend N., Post R.* Einführung // Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien / bearbeitet und herausgegeben von N. Berend unter Mitarbeit von R. Post. Tübingen ; Basel : A. Francke, 1997. S. 5–15.
16. *Шиллер Ф. П.* О влиянии войны и революции на язык немцев Поволжья // Ученые записки Института языка и литературы РАН ИОН. 1929. № 2. С. 67–87.
17. *Дингес Г. Г.* К изучению говоров поволжских немцев (результаты, задачи, методы) // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. 4, вып. 3. С. 12–20.
18. *Минор А. Я.* Предложения из анкеты Георга Венкера // Тенденции развития языковых вариантов поволжских немцев первой половине XX века / под ред. А. Я. Минора, Л. И. Тетюева. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 193–195.

Поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 136–142

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 136–142

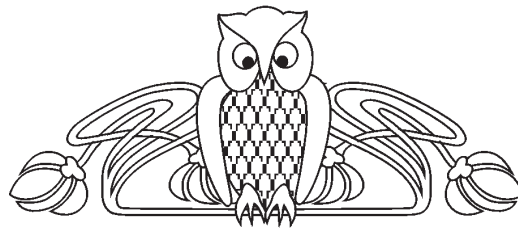
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-136-142>, EDN: CETMGS

Научная статья

УДК 821.112.2-1:811.112.2

Функции фразеологических единиц в немецкоязычных рэп-текстах

А. Ф. Крылатова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Крылатова Ангелина Филипповна, аспирант кафедры немецкого языкознания, angel.krylatowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1605-8634>

Аннотация. Настоящее исследование посвящено комплексному лингвистическому анализу функционирования фразеологических единиц в немецкоязычном рэп-дискурсе, рассматриваемом как специфический объект лингвистического исследования и жанр, представляющий собой уникальный и малоисследованный лингвистический материал. Особое внимание уделяется прагматической и ситуативной обусловленности употребления фразеологических единиц, что требует применения функционального подхода к их анализу. Исходя из функционального подхода, фразеологические единицы интерпретируются не просто как лексические единицы, а как динамические коммуникативные инструменты, способствующие достижению стилистической выразительности и реализации коммуникативных целей в художественном тексте. В теоретической части статьи анализируются различные позиции исследователей, рассматривающих немецкоязычный рэп как сложное семиотическое образование, художественный и поэтический текст с высоким уровнем языкового мастерства и культурной референции. Эмпирический корпус исследования включает тексты современных немецкоязычных рэп-исполнителей и музыкальных коллективов, таких как Kollegah, Bushido, Shindy, K.I.Z., Farid Bang и других, отобранные на платформе Genius.com. Обсуждается двойственная природа ФЕ в данном дискурсе – наличие константных функций, характерных для всех контекстов употребления, и вариативных функций, проявляющихся в конкретных случаях употребления. В работе приводится вывод, что фразеологические единицы в немецкоязычном рэп-дискурсе используются мотивированно и целенаправленно, выполняя как константные, так и вариативные функции, что обеспечивает их высокую коммуникативную и экспрессивно-стилистическую эффективность, усиливает перлокутивный эффект высказывания и способствует формированию индивидуального авторского стиля. Результаты исследования способствуют более глубокому пониманию лингвистических и культурных особенностей немецкоязычного рэп-дискурса, а также уточнению лингвистической типологии фразеологических единиц в условиях рэп-дискурса, выявлению их роли как механизмов языковой преемственности и культурной интертекстуальности, а также расширяют понимание специфики функционирования их в жанровой системе современного немецкоязычного рэпа.

Ключевые слова: фразеология, немецкоязычный рэп-дискурс, функции фразеологических единиц, функциональные характеристики фразеологических единиц, фразеологическая вариативность, лингвистика музыкальных жанров

Для цитирования: Крылатова А. Ф. Функции фразеологических единиц в немецкоязычных рэп-текстах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 136–142. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-136-142>, EDN: CETMGS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Functions of phraseological units in German-language rap texts

A. F. Krylatova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russia

Angelina F. Krylatova, angel.krylatowa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1605-8634>

Abstract. This study presents a comprehensive linguistic analysis of the functioning of phraseological units in German-language rap discourse, which is examined as a specific object of linguistic inquiry and as a genre representing unique and underexplored linguistic material. Special attention is given to the pragmatic and situational conditioning of phraseological units usage, which necessitates the application of the functional approach to their analysis. From this perspective, PUs are interpreted not merely as lexical items but as dynamic communicative tools that contribute to stylistic expressiveness and the realization of communicative goals within the literary text. The theoretical section of the article reviews various scholarly opinions that conceptualize German-language rap as a complex semiotic formation, as well as a literary and poetic text characterized by a high degree of linguistic mastery and cultural reference. The empirical corpus of the study consists of lyrics by contemporary German-speaking rap artists and music groups, such as Kollegah, Bushido, Shindy, K.I.Z., Farid Bang, among others, selected from the Genius.com platform. The article discusses the dual nature of PUs in this discourse – encompassing both constant functions, inherent across all contexts, and variable functions that emerge depending on the specific discursive situation. The findings indicate that phraseological units in German-language

rap are used purposefully and in a motivated manner, performing both constant and variable functions, which ensures their high communicative and expressive-stylistic effectiveness, enhances the perlocutionary effect of utterances, and contributes to the formation of an individual author's style. The results of the study facilitate a deeper understanding of the linguistic and cultural features of German-language rap discourse, refine the linguistic typology of phraseological units within this genre, reveal their role as mechanisms of linguistic continuity and cultural intertextuality, and broaden insights into the specific nature of phraseological units functioning in the genre system of contemporary German-language rap. **Keywords:** phraseology, German-language rap discourse, functions of phraseological units, functional characteristics of phraseological units, phraseological variability, linguistics of musical genres

For citation: Krylatova A. F. Functions of phraseological units in German-language rap texts. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 136–142 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-136-142>, EDN: CETMGS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Немецкоязычный рэп-дискурс являет собой уникальный материал для лингвистических исследований. Вопрос о процессе функционирования фразеологических единиц в ходе построения определённого дискурса давно интересует исследователей, тогда как вопрос их функционирования в песенном жанре, в частности в рэп-дискурсе, является относительно новым.

Большое количество работ исследователей посвящено вопросу о статусе рэп-текста как художественного произведения и объекта лингвистического анализа. Е. С. Гриценко и Л. Г. Дунышева относят тексты рэп-композиций к песенным текстам [1, с. 141–142], что, по наблюдениям Е. В. Грудевой и А. А. Дивеевой, является менее актуальным подходом для научного описания [2, с. 85]. Последние рассматривают рэп как отдельный жанр, представляющий собой сложное семиотическое образование вербального и музыкального [2, с. 83]. В свою очередь рэп-текст авторы определяют как художественный текст. Аргументация в данном случае опирается на предположение о доминирующем влиянии паронимической аттракции в текстопорождении рэп-композиции [2, с. 82]. Е. В. Грудева и А. А. Дивеева также подчёркивают дискуссионность вопроса об эстетическом статусе рэп-текста [2, с. 84], что находит отражение, в частности, в позиции В. А. Есакова и И. В. Логиновой, определяющих композиции в стиле рэп как «аудионаркотик» и «деструктивную музыку» [3, с. 102], а также соотносящих их с клиповой культурой как доминирующим основанием жанра [3, с. 105]. Однако современные исследовательские подходы демонстрируют, что рэп нельзя сводить исключительно к аудиовизуальному феномену массовой культуры: он выступает как форма поэтической практики, обладающая риторической сложностью и культурной значимостью, что подробнее рассматривается далее.

Й. Грубер трактует рэп как риторическую игру, подчиняющуюся установленным традициям и процедурным нормам данного жанра, акцентируя внимание на необходимости комплексного анализа произведений, способствующего формированию «поэтики рэпа» [4, р. 10]. Эта поэтика, как подчёркивает автор, систематизирует процессы литературного производства и механизмы поэтического конструирования, обеспечивая глубокое понимание художественной специфики жанра [4, р. 11]. Вместе с тем Грубер утверждает, что «рэп существует не на бумаге» [4, р. 10] – иначе говоря, он не может быть адекватно осмыслен исключительно как письменный текст, поскольку его сущность реализуется в акте звучащего исполнения, где задействованы как вербальные, так и паравербальные и акустические параметры. Вопрос о целостном и объективном интерпретационном охвате смыслов в рэп-композициях как разновидности художественного текста остаётся предметом научной дискуссии. Так, В. Г. Карпушкин подчёркивает значимость восприятия рэп-текста в концертной среде, где слушатель не всегда способен оперативно декодировать заложенные смыслы, в отличие от альбомной записи, предполагающей возможность повторного обращения к материалу [5, с. 128]. Существенным элементом аналитической процедуры в данном контексте становится поэтико-риторический анализ, позволяющий выявить функциональность лексических, синтаксических и тропологических средств, через которые артисты артикулируют идентичность, выстраивают иерархию смыслов и взаимодействуют с аудиторией.

В этом ракурсе показательно и суждение С. Верлана, рассматривающего рэп-текст как поэтическую форму, отличающуюся высоким уровнем языкового мастерства [6, р. 143–144], а также насыщенностью культурными аллюзи-

ями и отсылками к литературным традициям. По мнению исследователя, подобные элементы не только усложняют структуру высказывания, но и способствуют поддержанию интереса аудитории к классическим стихотворным формам [6, р. 145].

В контексте обращения рэперов к культурному пласту в их творчестве заслуживает внимание активное использование фразеологических единиц (ФЕ), глубоко укоренённых в истории немецкого языка и представляющих собой механизм языковой преемственности и культурной референции. ФЕ в рэп-текстах являются не только средствами усиления эмоций и обогащения ритма и рифмы, но и объектами стилистической игры.

Тексты данного жанра характеризуются высокой степенью прагматической и ситуативной обусловленности. Следовательно, целесообразно рассматривать ФЕ не просто как лексические конструкции, а как функциональные элементы, выполняющие определённые коммуникативные задачи в художественном тексте для достижения стилистической выразительности [7, с. 105]. Это обуславливает необходимость применения функционального подхода к анализу ФЕ в рэп-текстах.

Прослеживаемые в рэп-текстах ФЕ могут соответствовать по своим характеристикам как константным, т. е. свойственным для ФЕ во всех условиях их употребления, так и вариативным функциям ФЕ в современных типологиях.

Целью данного исследования выступает комплексный социолингвистический анализ некоторых константных и вариативных функций ФЕ в немецкоязычных рэп-текстах.

Материалом для исследования послужил корпус немецкоязычных текстов композиций в стиле рэп современных исполнителей и групп, таких как Kollegah, Bushido, Shindy, K.I.Z., Farid Bang, Gzuz, Haftbefehl, Apache 207, Capital Bra, Boney MC, Sido, Sun Diego, RAF Camora, Eko Fresh, Frauenarzt, Aschkobar, Asche, Azad, Vega, отобранные на сайте <https://genius.com>.

В работах, посвящённых вопросу о типологии функций ФЕ в художественном тексте, выделяются различные классификационные основания в соответствии с жанровой спецификой произведения, как, например, в труде В. М. Савицкого [8, с. 176–181], и особенностями языковой реализации, как в работе И. И. Чернышевой [9, с. 40–45]. Среди факторов определения функциональных характеристик

ФЕ также следует выделить контекстуальные условия, коммуникативную установку высказывания и стилистическую задачу текста. Существенное значение в данном контексте приобретает разграничение функций ФЕ, предложенное А. В. Куниным, на **константные**, или универсальные, постоянные, и **вариативные**, иначе – контекстуально-обусловленные [10, с. 58]. По нашим наблюдениям, такая классификация позволяет рассматривать фразеологизм не только как лексическую единицу с устойчивой семантикой, но и как динамический компонент речевой практики, способный адаптироваться к интенциям автора и требованиям речевой ситуации.

Как и А. В. Кунин, М. Н. Николаева относит к константным функциям ФЕ коммуникативную, когнитивную, номинативную и прагматическую функции [11, с. 234]. Данные функции реализуются независимо от жанра, стиля или контекста и связаны с самой природой ФЕ как языковой единицы. В свою очередь, вариативные функции обуславливаются контекстуальной ситуацией и не являются применимыми ко всем ФЕ. Из этого можно заключить, что константные функции ФЕ являются частью системных языковых характеристик, в то время как вариативные функции проявляются только при употреблении ФЕ в определённой коммуникативной ситуации. Однако, по справедливому замечанию О. В. Ломакиной, «учёные ставят задачу не полного представления типологии функций ФЕ, а выявления конкретной роли фразеоресурсов языка в тексте» [12, с. 73] – иными словами, необходимо отдать приоритет прагматико-дискурсивному и контекстуальному анализу, а не составлению обобщённой функциональной типологии.

Е. В. Суворова акцентирует внимание на том, что ФЕ могут рассматриваться в тексте не только с точки зрения их номинативной функции (языковой процесс), но и «в качестве или в составе предикативных единиц» (речевой процесс) [13, с. 132]. Учитывая, что функциональный потенциал ФЕ определяется их семантикой, анализ функциональных особенностей данных единиц требует обязательного контекстуального рассмотрения. Данной позиции придерживается и О. В. Ломакина, подчёркивая, что набор вариативных функций «зависит от авторской интенции, коммуникативной ситуации, прагматических установок» [12, с. 76]. Следовательно, именно контекст выступает ключевым элемен-

том в осмыслении и переосмыслении значения ФЕ, определении их стилистической окраски, а также в выявлении функциональной роли данных единиц в тексте.

Таким образом, можно говорить об инференции, активирующей взаимодействие разных структур знаний при восприятии ФЕ в текстах рэп-композиций. Согласно И. В. Одинцовой, под инференцией понимается когнитивный механизм восстановления скрытого смысла при восприятии адресатом информации [14, с. 94]. При этом отметим, что в отношении ФЕ механизм инференции реализуется за счёт актуализации узуального фразеологического значения, восприятия смысла в конкретном контекстуальном поле и сопряжения первоначального смысла с контекстуальным. Как подчёркивает Е. С. Кубрякова, инференция позволяет «выходить за пределы буквального значения единиц» и извлекать из них смысл, не представленный в тексте непосредственно [15, с. 411]. Такой способ смыслообразования, основанный на переходе от буквального значения к скрытому, актуализирует взаимодействие лингвистического выражения и фоновых знаний реципиента. Это, в свою очередь, позволяет обратиться к конкретным случаям реализации инференциального механизма и функционирования ФЕ в рэп-дискурсе.

Так, к примеру, в композиции «Angst» исполнителя Apache 207 (настоящее имя – Волкан Яман) можно проследить следующий скрытый компонент, не только связывающий метатекстуальный контекст, но и передающий реципиенту авторскую интенцию:

(1) *Ich blick' auf die nächsten Jahre voller
Höhen und Tiefen
Seh' dich und mich **Arm in Arm** auf
wunderschönen Wiesen*

[Apache 207, «Angst»].

Реализация номинативной функции ФЕ *Arm in Arm* (рус. *рука об руку*) в отрывке (1) заключается в вербализации конкретной ситуации межличностной близости: представленная соматическая ФЕ, а именно содержащая компонент, обозначающий часть тела, и репрезентирующая связанный с ним символизм, несёт в себе идею единения, близости, сплочения людей. В данном случае ФЕ служит средством языковой репрезентации устойчивого социально-коммуникативного сценария, закреплённого в коллективном языковом сознании, и тем самым способствует формированию когнитив-

ного образа взаимодействия героев. Однако употребление ФЕ в художественном контексте обеспечивает переосмысление ситуации на семантическом уровне. Тем самым ФЕ выполняет прагматическую функцию: актуализированный концепт переосмысливается как выражение романтических чувств и надежды на совместное будущее, раскрывая эмоциональное состояние лирического героя. Данное усиление выразительности и метафоризация образа за счёт ФЕ позволяет также выявить вариативную художественно-изобразительную функцию.

Зачастую номинативная функция ФЕ в текстах рэп-композиций тесно сопряжена с их экспрессивно-образной функцией. Это связано с жанровыми особенностями, в рамках которых выражение субъективного опыта и эмоциональных состояний артиста достигается посредством использования выразительных художественных средств. В таких текстах ФЕ выполняют не только функцию обозначения конкретных ситуаций или понятий, но и способствуют созданию ярких метафорических образов, усиливающих эмоциональное воздействие и формирующих у слушателя визуальные и когнитивные представления. Данная тенденция наглядно иллюстрируется в следующем примере:

(2) *Meine Fußstapfen zu groß auf dem Weg,
den ich beschreite
Im Kampf gegen Hyänen ist ein Wolf an meiner
Seite.*

В композиции «Alphagenetik» исполнителя Kollegah (настоящее имя – Феликс Антуан Блюм) содержится идиома *in jemandes Fußstapfen treten* (рус. *пойти по чьим-то стопам*), модифицированная за счёт сокращения числа компонентов. Благодаря узнаваемости образного компонента сохраняется его номинативная функция, актуализирующая узуальное значение в восприятии реципиента, в то время как как варьирование формы в данном контекстуальном поле усиливает экспрессивность текста (экспрессивно-образная функция). Тем самым ФЕ акцентирует авторскую интенцию, включающую и положительную самооценку: лирическое «Я» постулирует, что его «следы» (нем. *Fußstapfen*), иначе говоря, достижения и влияние, настолько значимы, что путь, по которому он идёт (нем. *auf dem Weg, den ich beschreite*), не предназначен для кого-либо ещё, кто захотел бы повторить успех исполнителя. Автор имплицитно утверждает самоуверенность

и масштаб личности, подчёркивая при этом уникальность лирического героя. Данная интенция во многом обуславливается имиджем Феликса Блюма, чьи тексты демонстрируют высокую степень интертекстуальности и языковой игры и сочетают многоступенчатые рифмы, лексическую многослойность, включающую элементы сатиры. Эксплицитно исполнитель таким образом постулирует центральные темы своего творчества, как самовосхваление, превосходство и демонстрация успеха (например, *Kollegah der Boss, erster Kanzler mit Bizeps* [Kollegah, «Bosshafte Massaker» (2023)]).

В отрывке другой композиции «Magnum Opus» данного исполнителя (фрагмент (3)) ФЕ *die Seele zerreißen* (рус. *Душа рвётся на куски*) выполняет значимую функцию в актуализации событийного концепта:

(3) *Seit circa sechzehn Jahr'n einfach nur langsam, langsam, doch sicher die Seele in Fetzen zerreißt.*

Повышенный эмоциогенный характер интенсифицируется за счёт включения словосочетания *in Fetzen* (рус. *в клочья*), которое усиливает экспрессивный компонент и способствует более яркой репрезентации внутренних страданий лирического субъекта. ФЕ акцентирует внимание на постепенной, но неотвратимой психоэмоциональной деструкции, обусловленной многолетним напряжением и внутренней борьбой героя композиции. Прецедентность экспрессивно-образной функции ФЕ говорит о желании автора рэп-текста оказать эмоциональное воздействие на реципиента, подчеркнув драматизм жизненного пути и внутренних конфликтов. Данный фрагмент репрезентативен для всей рэп-композиции, в которой Феликс Блюм (Kollegah) осуществляет ретроспективную рефлекссию собственной биографии, переосмысляя профессиональный и личностный опыт в контексте экзистенциальных переживаний. Указанный мотив прослеживается в других фрагментах композиции с идиоматичными фразами:

(4) *Weil du früh lernst: „Lass dir nicht in die Karten schau'n“, kombinier' smartes deutsches Gehirn.*

(5) *Denn hast du Money und Fame, bist du immer der, den man im Fadenkreuz attackiert.*

Устойчивое выражение *sich nicht in die Karten schauen lassen* (рус. *досл. не позволять заглядывать себе в карты*) в фрагменте (4), имеющее значение «не раскрывать свои намерения/

замыслы», подчёркивает стратегический подход лирического «Я» к жизни и имплицитно стратегическую установку лирического субъекта на сдержанность, рациональность и высокий уровень самоконтроля. ФЕ подчёркивает рациональный подход к жизненным обстоятельствам лирического героя, о чём свидетельствует сочетание с образом *smartes deutsches Gehirn* (рус. *острый немецкий ум*). В свою очередь, выражение *im Fadenkreuz* (фрагмент (5)) указывает на уязвимость героя, находящегося «под прицелом» публики и критиков ввиду своей популярности. Таким образом, формируется интертекстуальная система ФЕ, конструирующая эмоционально насыщенный художественный текст и целостную авторскую позицию.

Не менее ярко в немецкоязычных рэп-текстах прослеживается кумулятивная функция ФЕ (по А. В. Кунину, относится к прагматической [9, с. 243]), заключающаяся в способности таких единиц фиксировать и отражать социальные, культурные и исторические реалии общества и личный опыт носителей языка (*Wir müssen in den sauren Apfel beißen, abreißen und neu machen* [Sido], *Doch ihr seht, dass nicht alles Gold ist, was glänzt* [Bonez MC], *Sie sagen aller Anfang ist schwer, Bruder wart' bis das Ende kommt* [Vega]). Тем самым ФЕ становятся своего рода «культурными знаками», инкорпорирующими знания, традиции, нормы, характерные для определённого этносоциума.

Нередко для ФЕ с кумулятивной функцией свойственна директивная функция, как её определяют Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, выражающая «общественную природу языка» [16, с. 11], характеризующаяся прескриптивной категоризацией, приписывающая определённые правила поведения или закрепляющая моральные установки. ФЕ, обладающие данной функцией, «максимально авторитетны», так как выражают общественное мнение и не оспариваются собеседником [16, с. 80]. К примеру, в композиции «Ein Junge weint hier nicht» за авторством исполнителей Kollegah (Феликс Антуан Блюм), Slick One (Элвир Омербегович) и Tarek K.I.Z (Тарек Эбене) содержится вариация ФЕ *Ein Junge weint doch nicht*, обладающая директивной функцией:

(6) *Die Sonne scheint hier nicht, ein Junge weint hier nicht.*

Jeden Morgen zieren Sorgenfalten mein Gesicht. Es kann nicht sein, wo ist mein Heim?

Ich schließe die Augen, alles zieht an mir vorbei.

В тексте прослеживается отчётливо выраженное чувство внутреннего конфликта, которое транслируется от имени обобщённого лирического героя, идентифицируемого с юношей, выступающим как лирическое «Я». В фрагменте куплета (6) Тарека Эбене (Tarek K.I.Z) вариативная форма ФЕ постулирует социальную норму о том, что мужчине в данной культурной среде предписано сдерживать свои чувства, даже в трудных ситуациях. Таким образом, формируется двойственная оппозиция: отсутствие света как метафора эмоциональной и социальной отстранённости и запрет на проявление уязвимости, зафиксированный в форме категоричного отрицания. Особого внимания заслуживает компонент *hier*, который обозначает пространственную локализацию, т. е. выступает в качестве дейктического знака, не неся, однако, признаков конкретной географической привязки, что делает данное место для слушателя универсальным.

Нередко директивная функция прослеживается в вариациях глагольных форм фразем, выражающих побуждение в виде императива. Подобные ФЕ используются в качестве наставлений, советов, как поступать или воспринимать обстоятельства:

(7) *Zeig es allen, keiner hält dich mehr auf
Komm, lass dich fall'n, heb den Kopf und blick
einfach nach vorn
und jetzt versuch's.*

Лирическое «Я» исполнителя Bushido (настоящее имя – Анис Мохаммед Юсеф Ферчици) в композиции «Alles wird gut» обращается к адресату с ободрением и призывом преодолеть уныние. Лексика данной композиции характеризуется высокой степенью эмоциональности и диалогичностью, что можно проследить в других образных и идиоматичных фразах (*Sei dein'n Freunden nah, doch dein'n Feinden noch näher, Und dieser Weg ist ein verdamntes Labyrinth, du hast Träume, obwohl Schlafwandeln dir nix bringt*). Примечательной особенностью примера (7) является диалогичность контекста, выражающаяся в прямом обращении к собеседнику, что создаёт эффект непосредственной коммуникации с реципиентом. Употребление словосочетаний с призывом к действию, как директивных форм *Zeig es allen, Komm, lass dich fall'n, versuch's*, усиливает эмоциональную вовлечённость и повышает интенсивность восприятия. Тем самым автор актуализирует возможность вовлечения потенциального адресата «на территорию единого коммуникативно-

го пространства» посредством использования императивной формы [17, с. 33]. Таким же образом, через модификацию грамматической структуры и преобразование конструкции в форму императива, реализуется директивный характер ФЕ *den Kopf heben*, эксплицирующей персонализацию и побуждение к действию и имплицитной мотивации за счёт создания авторитетной позиции. Подобная прецедентность подтверждает предположение, что ФЕ в текстах рэп-композиций позволяют создать эффект спонтанного устного повествования и неформальной коммуникации.

На основе проведённого анализа можно сделать вывод, что ФЕ используются в немецкоязычных рэп-текстах мотивированно и выполняют комплексную коммуникативную задачу: они не только отражают субъективное восприятие действительности, но и усиливают экспрессивно-стилистическую насыщенность рэп-текста, способствуют формированию положительной самооценки лирических героев и в некоторых случаях реализуют механизм суггестивного воздействия через персонализированную интерпретацию событий.

Анализ рэп-текстов таких немецкоязычных исполнителей, как Kollegah, Bushido, Sido, позволяет зафиксировать самую высокую частотность употребления ФЕ, что свидетельствует о целенаправленном использовании таких единиц с целью интенсификации эмоциональности высказывания.

В рассмотренных рэп-текстах спектр функций ФЕ включает как константные (номинативную, когнитивную, коммуникативную и прагматическую), так и вариативные функции, проявившиеся в зависимости от жанрово-дискурсивной ситуации (экспрессивно-образную, художественно-изобразительную, директивную). Варьирование формы и контекстуального поля употребления ФЕ обуславливает их повышенную коммуникативную эффективность в рамках рэп-дискурса: здесь ФЕ функционируют не как стилистически нейтральные элементы, а как смысловые и прагматические маркеры, способные усилить перлокутивный эффект высказывания и формировать стилистическую индивидуальность автора рэп-текста.

Список литературы

1. Гриценко Е. С., Дуняшева Л. Г. Языковые особенности рэпа в аспекте глобализации // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 141–147. EDN: QBNHXT

2. Грудева Е. В., Дивеева А. А. Лингвистические и экстралингвистические аспекты изучения современных русскоязычных рэп-текстов // Научный диалог. 2021. № 9. С. 74–97. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-74-97>, EDN: RYXWHW
3. Есаков В. А., Логвинова И. В. Воздействие музыки в стиле рэп на сознание современной молодёжи // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1 (69). С. 102–106. EDN: VWDKGR
4. Gruber J. Performative Lyrik und lyrische Performance (Profilbildung im deutschen Rap). Bielefeld : transcript Verlag, 2017. 392 p. <https://doi.org/10.1515/9783839436202>
5. Карпушкин В. Г., Шмелева Т. В. Не путай комическое и каноническое: креатив на ровном месте // Лингвистика креатива-4 / под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2018. С. 104–135. EDN: OUGIAB
6. Verlan S. HipHop als schöne Kunst betrachtet – oder: die kulturellen Wurzeln des Rap // HipHop. Globale Kultur – lokale Praktiken / J. Androutsopoulos (Hg.). Bielefeld : transcript Verlag, 2003. P. 138–146. <https://doi.org/10.1515/9783839401149-008>
7. Паршин А. А., Лаврова Н. А. Семантические, структурные и функциональные особенности фразеологии британского песенного дискурса (на материале творчества певицы Адель) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 5 (475). С. 100–107. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2023-475-5-100-107>, EDN: ETOQPM
8. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М. : Гнозис, 2006. 208 с.
9. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М. : Высшая школа, 1970. 200 с.
10. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высшая школа, 1986. 336 с.
11. Николаева М. Н. Прагматические функции фразеологических единиц в песенном дискурсе (на материале текстов песен рок-группы «Queen») // Актуальные проблемы филологии, переводоведения и лингводидактики в системе современного гуманитарного знания : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора О. В. Труновой (Барнаул, 15 апреля 2022 г.). Барнаул : Алтайский гос. пед. ун-т, 2022. С. 233–240. EDN: YVCSXHY
12. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М. : РУДН, 2018. 344 с. EDN: ZAXLUD
13. Суворова Е. В., Полякова Л. С. Инференция в процессах номинации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2016. Т. 2, № 4. С. 131–139.
14. Одинцова И. В. Импликация и инференция в лингводидактике // Мир русского слова. 2016. № 4. С. 91–96. EDN: XRHIII
15. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 556 с.
16. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1990. 246 с. (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного). EDN: PWFJUD
17. Шипова И. А. Метасемиотика художественного текста: на материале немецкого языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 41 с.

Поступила в редакцию 09.07.2025; одобрена после рецензирования 28.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 09.07.2025; approved after reviewing 28.09.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 143–148

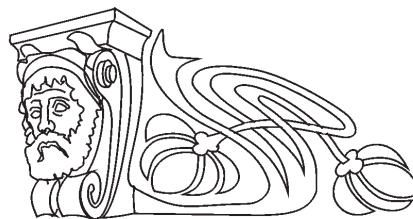
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 143–148

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-143-148>, EDN: GKZTYS

Article

Cognitive and pragmatic characteristics of Kamila Shamsie's novel "Home Fire"

H. A. Ahmad

Government Graduate College, Pasrur 51410, Sialkot, Pakistan

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Hafiz A. Ahmad, denubeamazon@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0008-8666-0398>

Abstract. The main aim of this research is to investigate the cognitive models and pragmatic aspects of the novel "Home Fire" by analyzing different lexical units in the novel which represent the themes of grievability and precarity. Kamila Shamsie's novel "Home Fire" recounts the experiences of one British Muslim family to examine, study and relive the themes of *Antigone*, a play by Sophocles. *Antigone* by Sophocles has been widely adapted in postcolonial contexts in recent decades. The novel tells how Britain's post-9/11 Islamophobic politics and media make Muslim lives miserable after September 11, 2001. The main characters of the novel "Home Fire" are struggling with this intolerance and re-establish their own dignity and that of their departed relatives. This paper uses affect theory to analyze how the materiality of grief reclaims grievability for those whose lives are in danger due to conflict with their country. This research paper has further examined the cognitive and pragmatic aspects and characteristics of the novel embedded in its dominant themes and concepts. The major components of the cognitive models of the situations actualized and represented by the concepts of GRIEVABILITY and PRECURITY are analyzed.

Keywords: cognitive model, GRIEVABILITY concept, PRECURITY concept, post-9/11 scenario, *Antigone*, language units

For citation: Ahmad H. A. Cognitive and pragmatic characteristics of Kamila Shamsie's novel "Home Fire". *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 143–148. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-143-148>, EDN: GKZTYS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 811.111'1'23'27:821.111.09-31+929Шамси

Когнитивно-прагматические характеристики романа Камилы Шамси «Пожар в доме»

Х. А. Ахмад^{1,2}

¹Государственный магистерский колледж, Пакистан, округ Сялкот, 51410, г. Пасрур

²Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Ахмад Хафиз Акил, ¹заведующий кафедрой английского языка; ²аспирант кафедры английской филологии, denubeamazon@gmail.com, <http://orcid.org/0009-0008-8666-0398>

Аннотация. Основной целью данного исследования является изучение когнитивных моделей и прагматических характеристик романа «Пожар в доме» путем анализа различных лексических единиц в романе, которые репрезентируют концепты «Скорбь» и «Нестабильность». В романе Камилы Шамси «Пожар в доме» рассказывается об опыте одной британской мусульманской семьи, которая изучает и заново переживает пьесу Софокла «Антигона». В романе рассказывается о том, как британская исламофобская политика и СМИ после 11 сентября 2001 г. сделали жизнь мусульман невыносимой. Главные герои романа «Пожар в доме» борются с этим неприятием и восстанавливают субъектность и человеческое достоинство себя и своих ушедших близких. В данной статье используется теория аффекта для анализа того, как материальность горя компенсирует тягостность для тех, чья жизнь находится в опасности. В данной исследовательской работе были дополнительно рассмотрены когнитивные и прагматические аспекты и характеристики романа, заложенные в его основных темах и концептах. Автор анализирует основные компоненты когнитивных моделей ситуаций, относящихся к концептам «Скорбь» и «Нестабильность».

Ключевые слова: когнитивная модель, концепт «Скорбь», концепт «Нестабильность», пост-9/11, «Антигона», языковые единицы

Для цитирования: Ahmad H. A. Cognitive and pragmatic characteristics of Kamila Shamsie's novel "Home Fire" [Ахмад Х. А. Когнитивно-прагматические характеристики романа Камилы Шамси «Пожар в доме»] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 143–148. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-143-148>, EDN: GKZTYS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Introduction

The Kamila Shamsie's magnum opus, "Home Fire", retells Sophocles' *Antigone* in the setting of Muslim families in Britain. Identity, loyalty, grievability, love, precarity and the effects of political fanaticism are among the topics it examines. Two families are at the heart of the narrative: the Lones, whose father is a well-known politician with a reputation for opposing terrorism, and the Pashas, whose father was a terrorist. The story tracks the siblings' entwined lives as they deal with grief, love, and the consequences of their ancestry. Tragically, Parvaiz is killed while trying to flee the terrorist organization, and his sisters and Eamonn are attacked by terrorists as they go to recover his remains.

While Isma's younger twin siblings, Aneeka and Parvaiz, stay in London, Isma Pasha departs for the United States to continue her education. In an attempt to establish himself, Parvaiz joins the terrorist organization in Syria, a choice that has a significant effect on the family. When Isma finds out about his behavior, she scrambles to balance her obligations to her siblings with her own goals. In the meantime, Aneeka starts dating Eamonn Lone, a British Home Secretary's son, who is well-known for taking a tough stand against terrorism. Because of this link, there is direct tension between the two families' opposing views and allegiances. A complicated dynamic results from Eamonn's attraction to Aneeka and her family's hardships despite his father's position. Disillusioned after joining the terrorist organization, Parvaiz makes an attempt to flee before being slain. While traveling to Pakistan to retrieve his remains, Aneeka and Eamonn become caught up in a terrorist strike. The tragic deaths of Aneeka and Eamonn at the book's end underscore the lasting strength of familial ties and the disastrous effects of political radicalism.

Discussion

The mental processes and talents that facilitate learning, reasoning, and problem-solving are referred to as cognitive characteristics. These traits cover a broad spectrum of abilities, such as executive functions including working memory, inhibition, and attention shifting, as well as attention, memory, and reasoning. In essence, they are the brain-based mechanisms that affect how people interact with their surroundings, process information, and make decisions.

It takes empirical evidence to support the theoretical assumption about how closely the meanings intended by the writer accurately reflect the cognitive processes and knowledge structures. Weir pinpoints that understanding outcomes alone cannot provide a complete understanding of cognitive processes. Varied texts and reading objectives place varied cognitive demands on cognitive processes during comprehension circumstances [1, p. 51]. More direct observations of real processes occurring while the reader interacts with the text are necessary for such interactive processes.

Contextual elements impact learners' cognitive processes. Reading texts, including texts of novels, texts of plays and texts of poetry, with various rhetorical organizational patterns, for instance, triggers various processing styles. According to Jang, different reading abilities are elicited by the same item types based on the textual structures [2, p. 210]. This suggests that textual factors and processing skills interact in a complicated way. According to Alderson et al., reading proficiency comprises the capacity to identify the ways in which concepts are conveyed within the text and to comprehend the author's objectives behind the order of the ideas. These results have significant ramifications on understanding. The skills specification must take into account how various textual variables evoke various cognitive abilities [3, p. 423].

Cohen and Upton, and Jang indicate that reading of different type of texts can influence and change higher-order cognitive abilities like summarizing and inferencing [4, 2]. High-proficient readers accumulate enough textual knowledge, while the low-proficient readers claim not to have enough time to consult the text. Similarly, because they were not required to locate or produce main claims in the text, Cohen and Upton found that readers employed different methods in understanding texts. These research results strongly show that different text types invoke diverse cognitive processing, which is further differentiated by readers at different proficiency levels. To completely comprehend these three-way interactions based on a huge number of objects demanding the full range of cognitive processes from learners with different language competence levels, more research is required [4].

Research questions

This study will address the following research questions:

I. How are the cognitive models regarding precarity and grievability, referred to as a theme, surfaced in the novel "Home Fire"?

II. What language units are used for representing the cognitive models referring to "PRECARITY" and "GRIEVABILITY" concepts and what are their peculiarities?

III. Are the cognitive models willful or inadvertent?

Literature review

Judith Butler in her book, "Precarious Life", examines and explores grievability in the wake of the global spiral of violence in the wake of 9/11, posing the questions, "Who counts as human? Whose lives are considered lives? Lastly, what is a grievable life?" [5]. Butler challenges us by posing these robust questions, which make us think about how certain lives are considerably dehumanized and put in a position of rejection because not all lives are thought to be valuable. As a result, the death of a miserable life is not felt by the general people and is viewed as useless to grieve – in other words, it is ungrievable. Through its portrayal of the lives and deaths of the Pashas, a British-Muslim family residing in modern-day London, Kamila Shamsie's book "Home Fire" addresses this problem.

The father of Pasha Family, Adil Pasha, a jihadi, was incarcerated and was slayed during the transfer from Bagram Airfield in Afghanistan to Guantanamo Bay. Near the end of the book, Adil's son, Parvaiz Pasha, is killed while attempting to return home after joining the terrorist organization and becoming appalled by the horrors he sees. The British public views Adil and Parvaiz's deaths as undeserving of grieving because of their involvement in terrorist operations; that is only their loved ones who find their lives and personality valuable. The depiction of the political and familial responses to these deaths highlights the distinction between ungrievable and grievable life, as well as how this distinction contributes to the continuation of precarity for individuals whose lives are considered ungrievable.

"Home Fire" is inspired by Sophocles' *Antigone*, which highlights how post-9/11 geopolitics mirror a timeless violence that still erupts between "kinship and the state", or fragile life [6]. *Antigone* has been widely adapted within postcolonial contexts, having long been "an inspiration for those fighting for freedom in the midst of injustice" [7, p. 22]. *Antigone* herself has come to represent the

oppressed in situations ranging from apartheid in South Africa to "political crises" in Argentina [7, p. 23]. In order to counter the authority of a law that disregards all human dignity, Shamsie's adaptation of *Antigone* thus pulls not only from Sophocles' tragedy but also from the postcolonial legacy it has established.

Chambers asks, "Can the oppressor listen?" as he explores how sound functions as an "embodied experience in the novel" [8]. While Ahmed's paper also addresses whether "Home Fire" permits an "ethical reading" across difference in terms of portraying British Muslim lives to an assumed white public, her work centers on the issue of hearing across difference [9]. Although Burns is also interested in "what we as readers and critics can do with a text", she focuses more on what "Home Fire" reveals about inequality and how it serves as a work of dissent and resistance in her work than on what it reveals about difference [10].

Cognitive and pragmatic analysis of the text of "Home Fire"

In the novel, "Home Fire", the siblings of Pasha express their grief in a practical form that highlights their loss and the significance of admitting it, recovering grievability, after being denied the opportunity to grieve for Adil and Parvaiz in an appropriate manner. In order to grieve for his father, Adil, who passed away in British captivity during the journey from Bagram Airfield to Guantanamo Bay, Parvaiz first experiences bodily suffering in the novel. A British Special Branch officer took away Parvaiz's father's photo album when he was a child, thus "removing ... Adil Pasha from his son's life" [11, p. 127]. The Pasha siblings were "forbidden to talk about" their father or his death by their family [11, p. 52].

The usage of such proper nouns *Guantanamo Bay* and *Special Branch* heralds something sinister and macabre in the mind of the reader; along with bringing grievability for Pasha's family. According to Wiktionary, *grievability* is a noun and "it means the quality of being, or extent to which someone or something is, grievable: able or worthy to be grieved." Guantanamo Bay is an American Detention Camp, based in Cuba, where terrorism suspects were detained. The placing of Adil in Guantanamo Bay refers to theme of grievability and that grievability will be met by the relatives of Adil. Here the proper noun *Guantanamo Bay* denotes the PLACE component of the cognitive model, in addi-

tion to that, it also evokes in the reader's mind such characteristics of the place as infliction, torture, perdition, severity and punishment, which actualizes the theme of grievability. In addition to that mentioning of Special Branch is also a dominant component of the cognitive model which represents the theme of grievability.

Special Branch of any country deals with crimes of gargantuan nature and those crimes which pose serious threat to the security of the relevant country. If an individual is singled out, for reasons unknown, by Special Branch of any country, the concerned individual and the relatives of that individual, will plunge into feeling of grievability. Here CHARACTERISTICS of the PARTICIPANT is incarceration and investigation, hence it represents the theme of grievability.

In the first chapter of the novel, when Isma Pasha, a British citizen, was going to board the plane to start her study in Massachusetts, she was accosted by an officer at the airport for interrogation:

"A man entered the office, carrying Isma's passport, laptop and phone, She allowed herself to hope, but he sat down, gestured for her to do the same, a placed a voice recorder between them.

'Do you consider yourself British? The man said.

'I am British.'

'But do you consider yourself British?'

'I've lived here all my life.' She meant there was no other country of which she could feel herself a part, but the words came out sounding evasive.

The interrogation continued for nearly two hours" [11, p. 5].

In the above dialogue between the interrogation officer and Isma reveals the theme of precarity. When Isma says to the interrogation officer that "I am British", the officer again asks "*But do you consider yourself British?*", having a touch of irony and underlying meaning. Here the sentence "*Do you consider yourself British*" represents the CHARACTERISTIC of the PARTICIPANT (not British), which is rendered implicitly: *do you consider yourself British à Isma is not a British*. When Isma being a British citizen is asked such a question at Heathrow Airport, fusillade of such questions will make her liable to precarity and will undermine her British character. It seems that for representation of concept of PRECARITY the dominant component of the represented cognitive models is important. Why? The author's intention is to represent PRECARITY concept and by foregrounding the represented cognitive models.

In the novel, "Home Fire", when Isma's brother joins the proscribed organization, Aneeka Pasha (Antigone), the twin sister of Parvaiz (Polynices) and a British Muslim woman residing in Wembley, frantically attempts to persuade him to go back to London. Aneeka starts a covert relationship with Eamonn (Haimon), the son of the British Home Secretary, after he shows up at her door with a keen interest in her after seeing her picture in her sister Isma's (Ismene) room. Aneeka hopes to use Eamonn to help her brother get back to Britain. The two, however, fall in love, and even after Eamonn finds out about Aneeka's scheme to aid her brother, he decides to stay with her and consents to approach his father on her behalf, imploring him to think about letting Parvaiz go back home. This request is turned down by Eamonn's father, Karamat Lone (Creon), who also prohibits Eamonn from communicating with Aneeka in the future. The author has drawn several parallels between Sophocles' play, *Antigone*. The PARALLEL between the characters of both works – "Home Fire" and *Antigone* – foreground the theme of precarity. Here the participants implicitly represent the themes of precarity and grievability.

Karamat erodes Muslim lives by endorsing policies and discourse that further distance British Muslims from their fellow citizens, turning them into symbols of the possible enemy and escalating Islamophobia in his nation. His claims, such as "I hate Muslims who make people hate Muslims" [11, p. 243]. Such expressions project his abhorrence towards dogmatic and extremist Muslims. The noun, Islamophobia, is gaining grounds in Europe particularly in the UK and Germany.

According to Cambridge Online dictionary: "Islamophobia is the unreasonable dislike or fear of, and prejudice against, Muslims or Islam"¹. According to Paul, "Islamophobia is primarily a form of religious or cultural bigotry; and people who harbour such sentiments often stereotype Muslims as a geopolitical threat or a source of terrorism" [12]. According to Becker: "Muslims, with diverse ethnic and cultural backgrounds, are often inaccurately portrayed by Islamophobes as a single homogeneous racial group" [13]. Through the noun *Islamophobia*, the author guides the reader in making his mind from a pragmatic point of view, the author's goal is to make the reader know about the repercussions of the rampant *Islamophobic* elements in the United Kingdom by foregrounding the theme of precarity

¹ Cambridge Online Dictionary. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/islamophobia> (accessed July 25, 2025).

and CONSEQUENCES components of the cognitive model. The language means in the text of the novel actualize "PRECARITY" and "GRIEVABILITY" concepts. There is also a parallel realization of two diametrically opposite cognitive models which make the reader to know: the UK with *Islamophobia* and the UK without *Islamophobia*.

In "Home Fire", Shamsie used the media's portrayal of Aneeka to highlight the hypocrisy of Britain's criticisms of Muslim women's physical rights. When Karamat debunks Aneeka and Eamonn's relationship, and explains that Aneeka intended to use his son to make a plea on behalf of her brother, this incident is published by a magazine having a title: "*Ho-Jabi! Pervy Pasha's Twin Sister Engineered Sex Trysts with Home Secretary's Son*". According to Shamsie, Aneeka is referred to as "*Knickers*" and "[s]he hunted down the Home Secretary's son, twenty-four-years old Eamonn, and used sex to try and brainwash him into convincing his father to allow her terrorist brother back into England" [11, p. 67]. Aneeka is dehumanized and shown as only a sexual object when she is called *Knickers*.

The lexical unit *knickers* has definite cognitive model; and this cognitive model is intertwined invariably with debauchery when employed metaphorically, and usage of such word leads to Aneeka's precarity in the society; in addition to that, the hurling of such slang word *knickers* on a female individual who hails from Muslim background tends to bring her to grievability and notoriety. Her family will grieve such comments hurled upon Aneeka. The noun *knickers* indicate the action of the PARTICIPANT through its frequent usage to stigmatize Aneeka, and it becomes the dominant component of cognitive model which represents the theme of precarity and grievability. These are the linguistic units which interact with the contextual factors to give or interpret the sentence or the statement.

Additionally, the title's "*Ho-jabi*" juxtaposes the image of the hijab, a type of Islamic veil that is stigmatized in many western countries, including the United Kingdom. Even in 2018, British Prime Minister, Boris Johnson, was accused of stoking Islamophobia in the United Kingdom, when he said that *burqa* clad Muslim women "resemble letterboxes and bank robbers"². So, in the same vein, title "*Ho-jabi*" became a source of bodily oppression,

² *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/politics/2018/aug/07/boris-johnsons-burqa-remarks-offensive-foreign-office-minister-alistair-burt> (accessed August 3, 2025).

with the disparaging term "*ho*", a western slang term for whore, which is used to compare Aneeka to a prostitute. In doing so, the headline of the piece vilifies Aneeka as an accomplice to Parvaiz and simultaneously makes fun of her for being both sexually oppressed and promiscuous.

The coined term "*Ho-jabi*" is used as a jibe against Muslim women, it also carries *double entendre* effect. The cognitive characteristics of this term represents the theme of grievability and precarity simultaneously. If a Muslim woman is passing through a street in the UK and anyone hurls the slang "*Ho-jabi*" on her, she will feel herself precarious when she is under such situation. Precarity for Muslim women was gaining grounds in the British Society. In the novel, the term "*Ho-jabi*" is shown as one of the minor feature of British Society (PARTICIPANT) which represents the concept of grievability and precarity. Precarity and grievability are the part and parcel of each other, one phenomenon is the concomitant of other.

When Isma arrived in Boston, USA, she was expecting same treatment as she met at London Heathrow Airport, that she might be grilled, she might be deported to London but here the situation was antithesis to London. Isma was just questioned that where she was going to study and about "*university basketball team*". When Isma exited Logan Airport, she texted the message: "*Arrived safely. Through security – no problems. Dr. Shah here*". The dispersed thought and precarity of Isma's mind is reflected through phrases in the text of the message, like: "*Arrived safely*", "*through security*" and "*no problems*". Here the preceding phrases represent the CHARACTERISTICS of the PARTICIPANT (Isma), which is rendered implicitly: *through security – no problems* à *I have cleared the security and precarity has come to end*. It seems that for representation of "PRECARITY" concept the CHARACTERISTICS component of the represented cognitive models is important. Why? The author's intention is to represent "PRECARITY" concept; and by underscoring the dominant component of the represented cognitive models the author shows people's precarious situation in which they find themselves.

Conclusion

In the paper we have deeply analyzed the text of the novel, "Home Fire", and have ferreted out the cognitive models which represent and actualize the concepts of PRECARITY and GRIEVABILITY; in

addition to that we also explored which lexical units are used to foreground these concepts. The phrases, adjectives, sentences, adverbs present in the novel were analyzed and investigated by the author. We also explored the pragmatic and cognitive aspects of representation of precarity and grievability in the novel, “Home Fire”, while having a specific focus on cognitive model actualized in the text of the novel that reflected the structure of several situations connected with the prominent themes

The dominant components of the cognitive models, which include PARTICIPANTS, ACTIONS, and CHARACTERISTICS, invariably refer to precarity and grievability. The language units which are employed to represent the dominant components are verbs which denote concept of precarity; the usage of *double entendre* suggests and refers to acute precarity of characters; metaphors which indirectly refer to grievability; adverbs which refer to the propensity of corrupt practices; semiotic presence also highlights the ambiance of precarity.

References

1. Weir C. J. *Language testing and validation: An evidenced-based approach*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2005. 300 p. <https://doi.org/10.1057/9780230514577>
2. Jang E. E. Demystifying a Q-matrix for making diagnostic inferences about L2 reading skills. *Language Assessment Quarterly*, 2009, vol. 6, iss. 3, pp. 210–238. <https://doi.org/10.1080/15434300903071817>
3. Alderson J. C., Percsich R., Szabo G. Sequencing as an item type. *Language Testing*, 2000, vol. 17, no. 4, pp. 423–447. <https://doi.org/10.1191/02655320069868>
4. Cohen A. D., Upton T. A. “I want to go back to the text”: Response strategies on the reading subtests of the new TOEFL. *Language Testing*, 2007, vol. 24, no. 2, pp. 209–250. <https://doi.org/10.1177/0265532207076364>
5. Butler J. *Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence*. London, Verso, 2006. 168 p.
6. Butler J. *Antigone’s Claim: Kinship Between Life and Death*. New York, Columbia University Press, 2002. 104 p.
7. Chanter T. *Whose Antigone? The Tragic Marginalization of Slavery*. Albany, NY, State University of New York Press, 2011. 275 p. <https://doi.org/10.1353/book2585>
8. Chambers C. Sound and Fury: Kamila Shamsie’s Home Fire. *The Massachusetts Review*, 2018, vol. 59 no. 2, pp. 202–219. <https://doi.org/10.1353/mar.2018.0029>
9. Ahmed S. Affective Economies. *Social Text*, 2004, vol. 22, no. 2, pp. 117–139. https://doi.org/10.1215/01642472-22-2_79-117
10. Burns L. *Postcolonialism after World Literature*. New York, Bloomsbury Academic, 2019. 255 p. <https://doi.org/10.5040/9781350053052>
11. Shamsie K. *Home Fire*. New York, Riverhead Books, 2017. 260 p.
12. Hedges P. *Religious Hatred: Prejudice, Islamophobia and Antisemitism in Global Context*. London, Bloomsbury Academic, 2021. 312 p. <https://doi.org/10.5040/9781350162907>
13. Becker E., Rinado R., Guhin J. Classifying Muslims: Contextualizing Religion and Race in the United Kingdom and Germany, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2023, vol. 62, iss. 4, pp. 749–769. <https://doi.org/10.1111/jssr.12865>

Поступила в редакцию 06.10.2025; одобрена после рецензирования 25.10.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 25.10.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 149–158

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 149–158

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-149-158>, EDN: GZUMTG

Научная статья

УДК 811.134.2(83)'42:32+929Бачелет

Идеологемы чилийского президентского дискурса (на примере публичных речей Мишель Бачелет)

И. В. Заалишвили

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Заалишвили Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков, selivanova-irina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Аннотация. В условиях усиливающейся роли женщин в политике и иных сферах общественной жизни закономерно возрастает научный интерес к специфике их коммуникации. Одновременно латиноамериканский политический дискурс в его многообразных проявлениях (президентский, дипломатический, популистский, оппозиционный, гендерный и др.) привлекает внимание лингвистов, политологов, социологов и философов благодаря своей высокой экспрессивности и идеологической полярности. В этой связи представляется актуальным провести анализ публичных речей Мишель Бачелет в период ее второго президентского срока (2014–2017 гг.). Одним из ключевых средств речевого воздействия в текстовом пространстве ее дискурса являются идеологемы, изучение которых активно ведется в современной отечественной лингвистике. В настоящей статье анализируются особенности функционирования идеологем в дискурсе Мишель Бачелет с учетом прагматического контекста, включающего политические позиции оратора, характеристики адресата и социокультурные условия. В ходе исследования была предложена их классификация по тематическому критерию: идеологемы основ государственности; идеологемы интегративной семантики; идеологемы ценностно-культурного кода; идеологемы образа нации; идеологемы репрезентации текущей ситуации в стране. Особое значение имеют идеологемы с негативным аксиологическим модусом, отражающие социальное неравенство и несправедливость современного чилийского общества. Их использование подчеркивает высокую социальную ангажированность дискурса Мишель Бачелет, нацеленного на поддержку наиболее уязвимых слоев населения (женщин, детей, пенсионеров и этнических меньшинств) и одновременно на укрепление их политической лояльности.

Ключевые слова: политический дискурс, президентский дискурс, идеологема, публичная речь, чилийский президент, Мишель Бачелет

Для цитирования: Заалишвили И. В. Идеологемы чилийского президентского дискурса (на примере публичных речей Мишель Бачелет) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 149–158. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-149-158>, EDN: GZUMTG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Ideologemes of Chilean presidential discourse (based on the public speeches of Michelle Bachelet)

I. V. Zaalishvili

Higher School of Economics – National Research University, 20 Myasnitckaya St., Moscow 101000, Russia

Irina V. Zaalishvili, selivanova-irina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1578-0620>

Abstract. With the growing role of women in politics and other spheres of public life, scholarly interest in the specific features of their communication has been steadily increasing. At the same time, Latin American political discourse, in its diverse forms (presidential, diplomatic, populist, opposition, gendered, etc.), continues to attract the attention of linguists, political scientists, sociologists, and philosophers owing to its pronounced expressiveness and ideological polarization. Against this backdrop, an analysis of Michelle Bachelet's public speeches during her second presidential term (2014–2017) appears particularly relevant. A central means of rhetorical influence in Bachelet's discourse is the use of ideologemes, whose study has become an important focus in contemporary Russian linguistics. This article examines the functioning of ideologemes in her discourse within a pragmatic framework that takes into account the speaker's political positions, the characteristics of the audience, and the broader sociopolitical context. The study proposes a thematic classification of ideologemes: ideologemes of the foundations of statehood; ideologemes of integrative semantics; ideologemes of the value-cultural code; ideologemes of the image of the nation; ideologemes of the representation of the current domestic situation. Particular attention is paid to ideologemes with a negative axiological

mode, which highlight social inequality and injustice in contemporary Chilean society. Their use underscores the strong social engagement of Bachelet's discourse, aimed at supporting the most vulnerable sectors of the population (women, children, pensioners, and ethnic minorities) while at the same time strengthening their political loyalty.

Keywords: political discourse, presidential discourse, ideologue, public speech, Chilean president, Michelle Bachelet

For citation: Zaalishvili I. V. Ideologemes of Chilean presidential discourse (based on the public speeches of Michelle Bachelet). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 149–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-149-158>, EDN: GZUMTG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современном мире в связи с усилением роли женщин в политике, в том числе и в Латинской Америке, возрастает интерес к изучению особенностей женского политического дискурса [1–7]. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть дискурсивные особенности публичных речей бывшего чилийского президента Мишель Бачелет с 2014 по 2017 г. Одним из ключевых инструментов воздействия в ее дискурсе выступают идеологемы, которые активно изучаются в современной отечественной лингвистике [8–13]. Их использование обусловлено семантической емкостью, эмоциональной составляющей и возможностью транслировать ценности, способствующие сплочению/разобщению общества и структурирующие политическую реальность. В настоящей статье мы придерживаемся определения, данного О. Д. Плетневой, согласно которому **идеологема** – это «языковая единица с ярко выраженным идеологическим денотатом и контекстуально детерминированной коннотацией, смысловое содержание которой обуславливается субъективностью оценки, отражающей картину мира говорящего в процессе идеологического кодирования» [14, с. 65]. При этом ее можно считать «отражением политической эпохи», а также языковых и социокультурных особенностей общества [15]. В работе Б. Пионтек раскрываются базовые признаки идеологем (устойчивость формы, эффективность, воспроизводимость, транспарентность, целостное идеологическое значение, историческая значимость для этноязыкового сообщества и пр.), с помощью которых их возможно вычлениить из текстового пространства [16, с. 87].

Семантическим ядром идеологемы выступает идеологически нагруженная *лексема*, содержательная специфика и оценочные смыслы которой определяются *прагматической рамкой*, подразумевающей коммуникативную ситуацию, особенности существующего общественно-политического порядка, а также политические взгляды участников коммуникации.

Методология исследования

Для проведения настоящего исследования применялись следующие дисциплинарные лингвистические методы: метод сплошной выборки (формирование и систематизация фактического материала, а также вычленение в текстах речей Мишель Бачелет основных идеологем); контекстуальный анализ (изучение в рамках социополитического контекста специфики реализации отобранных идеологем); описательный метод (интерпретация и презентация хода исследования и результатов анализа языкового материала); лингвопрагматический анализ (рассмотрение содержания отобранных языковых единиц и изучение цели их использования с учетом экстралингвистических факторов).

Целью статьи является описание идеологем публичного дискурса бывшего чилийского президента Мишель Бачелет в лингвопрагматическом ракурсе. Материалом исследования выступили 150 публичных речей политика, произнесенные во время ее второго президентского срока с 2014 по 2017 г.

В отечественной лингвистике подход к классификации идеологем зачастую носит междисциплинарный характер. Критериями деления могут выступать семантический компонент, прагматические функции, степень эксплицитности, структурная форма, а также особенности их употребления. В настоящей работе идеологемы в публичных выступлениях М. Бачелет рассматриваются с учетом их тематико-семантического наполнения [13].

Дискурсивные особенности публичных выступлений Мишель Бачелет: общие замечания

В своих публичных выступлениях Мишель Бачелет создает образ доброжелательного, солидарного и понимающего политика с помощью нескольких инструментов. Во-первых, явно прослеживается тенденция к сближению со слушателями за счет обращения к ним в доверительной форме (*amigas y amigos, queridas amigas y amigos, queridos compatriotas*) [6, p. 71].

Кроме того, в дискурсе политика есть место выражению своих чувств (благодарность, радость, горечь, эмпатия и пр.): *¡Quiero agradecerles el gran cariño que siempre me han demostrado, su apoyo constante y, sobre todo, la confianza que han depositado en mí!* (11.04.2014) (Я хочу **поблагодарить** вас за огромную любовь, которую вы всегда мне демонстрировали, вашу постоянную поддержку и, прежде всего, за доверие, которое вы мне оказали!) (здесь и далее перевод наш. – И. З.). Во-вторых, риторика Бачелет лишена прямой агрессии в отношении своих политических противников и недоброжелателей. Ей свойственно сознательное избегание конфликтов: ее основная задача сводится к примирению противоборствующих политических сил и укреплению единства Чили. В частности, в своих официальных выступлениях и в интервью прессе политик неоднократно заявляла, что стремилась стать «президентом всех чилийцев» («*Chile para todos*»). А созданный в начале 2000-х образ женщины-политика, деловой, активной, успешно справляющейся со своими обязанностями, без гендерных и религиозных стереотипов, помог ей привлечь на свою сторону многих избирателей уже в ходе второй президентской кампании [17]. В-третьих, в речах М. Бачелет акцент делается на социально-экономической проблематике (насилие в семье, неравенство, проблемы материнства и детства), что располагает к себе наиболее уязвимые слои населения. Так, главным врагом в ее дискурсе, характеризующимся относительной стилистической нейтральностью, становится тема неравенства, выраженная идеологемами с отрицательным аксиологическим модусом *desigualdad/inequidad* и призванная, однако, создать положительный образ политика. Как отмечает Д. А. Кушнерева, с ее помощью Мишель Бачелет удается выгодно презентовать действия своего правительства, которое борется с текущими проблемами [4, с. 81]. Кроме того, данная идеологема является инструментом реализации тактики кооперации в рамках призыва к сплочению в борьбе с различными формами неравенства в чилийском обществе и тактики предупреждения с целью описания негативных последствий в случае отказа от данного сплочения.

Идеологемы основ государственности в публичном дискурсе Мишель Бачелет

К идеологемам основ государственности относятся языковые единицы, транслирующие особенности современного государственного

строения: *igualdad ante la ley* («равенство перед законом»), *democracia* («демократия»), *Estado de Derecho* («правовое государство»), *derechos* («права»), *libertades* («свободы»):

*Chile ha cambiado y, efectivamente, parte de nuestra **democracia** es que las comunidades tienen mayor conciencia de sus **derechos*** (09.04.2014) (Чили изменилась, и, действительно, частью нашей **демократии** является то, что люди стали лучше осведомлены о своих **правах**);

*La más importante de todas las bases de nuestra convivencia y desarrollo es la **democracia*** (01.06.2017) (Важнейшей из всех основ нашего сосуществования и развития является **демократия**);

*Necesitamos transitar hacia una economía renovada, con capacidades para innovar, más productiva, con más fuentes de riqueza, que respeta la dignidad de las comunidades, los **derechos** de los trabajadores y de las personas que pagan por un bien y por un servicio* (01.06.2017) (Нам необходимо продвигаться к обновленной экономике, способной к инновациям, более продуктивной, с большим количеством источников благосостояния, уважающей достоинство общин, **права** работников и потребителей товаров и услуг);

*Hemos avanzado también en la ampliación de las **libertades** personales y el **derecho** a que se respeten nuestras decisiones afectivas y familiares* (01.06.2017) (Мы также продвинулись в вопросах расширения личных **свобод** и **права** на уважение наших решений в отношении персональной и семейной жизни).

Таким образом, идеологемы основ государственности можно считать символическим каркасом президентской риторики Мишель Бачелет, задача которой сводится к созданию благоприятного имиджа Чили как внутри страны, так и за ее пределами. Консолидация общества происходит на основе прокламации базовых принципов демократии (равенство, всеобщее благо, право на образование, свободомыслие и пр.) и отказа от авторитарности.

Идеологемы интегративной семантики в публичном дискурсе Мишель Бачелет

В дискурсе власти **идеологемы интегративной семантики**, особенно в условиях социально-экономического или политического кризиса, служат для конструирования внутреннего единства нации, устранения социальных разломов и формирования образа сплоченного сообщества вокруг универсальных ценностей [13]. В частности, в речах М. Бачелет звучит

тезис об общности судеб и необходимости сохранить единство многокультурной, многонациональной и многопартийной страны во избежание повторения ошибок прошлого (отсылка к диктатуре А. Пиночета) через идеологемы *convivencia* («мирное сосуществование») и *cohesión* («сплоченность»):

Éste es un momento histórico. Estamos reunidos, de cara a los ciudadanos y ciudadanas de Chile, para dar un paso decisivo en nuestra convivencia común (24.04.2015) (Мы переживаем исторический момент. Мы собрались, в присутствии граждан Чили, чтобы сделать решающий шаг в вопросах **нашего мирного сосуществования**);

Podemos comenzar ahora una nueva etapa en nuestra historia, la etapa en que políticos y ciudadanos reconstruyamos las confianzas mutuas, que son la base de nuestra cohesión, nuestra convivencia y nuestra gobernabilidad (27.04.2015) (Теперь мы можем начать новый этап нашей истории, во время которого политики и граждане восстановят взаимное доверие, являющееся основой нашей **сплоченности**, нашего **сосуществования** и нашего правления).

Включение всех членов общества в решение стоящих перед государством задач является важным политическим нарративом дискурса Мишель Бачелет (предвыборного и президентского) и выражается с помощью неопределенного местоимения *todos* («все») или лексем *gente* («люди») и *pueblo* («народ»):

Porque cuando estamos hablando de esto, estamos hablando del Chile que queremos, ese Chile en que queremos vivir, ese Chile de todos, como hemos dicho, ese Chile mejor, el Chile en el que todos tenemos el mismo derecho a jugar, a competir, a disfrutar, un Chile que, por usar la terminología de algunos de estos deportes, “no deja a nadie en la banca”, y donde el bienestar de cada uno de nuestros niños, niñas y jóvenes es nuestro mejor triunfo y nuestra mejor medalla (18.03.2014) (Потому что, когда мы говорим об этом, мы говорим о Чили, которую мы хотим, о Чили, в которой мы хотим жить, о Чили для **всех**, как мы уже говорили, о лучшей Чили, о Чили, в которой **мы все** имеем равное право играть, соревноваться, наслаждаться, о Чили, которая, если использовать терминологию некоторых видов спорта, «не оставляет никого на скамейке запасных», о Чили, где благополучие наших детей и молодежи является нашим лучшим триумфом и нашей лучшей медалью);

Sobre todo, los invito a ustedes, ciudadanos y ciudadanas, a que sean parte de esta reforma, en este momento de oportunidad histórica para construir un mejor país para todos y todas (28.04.2015) (Прежде всего, я приглашаю вас, граждане, принять участие в этой реформе, в этом историческом моменте, который позволит нам построить лучшую страну для **всех и каждого**);

Tengo plena confianza en que no defraudarán a los ciudadanos, en que sabrán escuchar y que todos terminarán por empujar en la misma dirección, la del Chile de todos y para todos (03.04.2017) (Я абсолютно уверена в том, что вы не подведете граждан, что сумеете выслушать их и что в конечном итоге все будут двигаться в одном направлении: Чили для **всех и каждого**);

Gobernamos para que nuestros niños y niñas tengan más oportunidades y mejores condiciones de vida, y me refiero a todos los niños, niñas y adolescentes, especialmente, por cierto, a aquellos que hemos dejado de mirar y proteger como corresponde (01.06.2017) (Мы правим, чтобы наши дети имели больше возможностей и лучшие условия жизни, и я имею в виду **всех** детей и подростков, в особенности тех, на кого мы перестали смотреть и кого мы перестали защищать как полагается).

Обращение к народу является важной характеристикой латиноамериканского популистского дискурса, который, по словам Л. В. Моисеенко, характеризуется антиимпериалистической и антиэлитарной направленностью. Политические лидеры с помощью этого приема предстают воплощением народа, спасителями нации, выразителями интересов народа [18, с. 109]:

Apuestas como éstas son las que le pueden cambiar el rostro al país, son las que en verdad le pueden abrir oportunidades verdaderas y contundentes de desarrollo a toda nuestra gente, a todo nuestro pueblo (14.03.2014) (Именно такие меры способны изменить облик страны, именно они способны по-настоящему открыть реальные и прочные возможности для развития **всех наших людей**, всего нашего **народа**).

Структурные изменения в чилийском обществе в связи с увеличивающимся потоком мигрантов из соседних, менее благополучных стран (Венесуэлы, Перу, Колумбии) не могли не найти своего отражения в речах президента. В этом случае задача оратора – предотвратить ксенофобские настроения и создать благоприятный психологический климат:

*Chile es un buen país para vivir, trabajar o estudiar. Por eso es que va a seguir llegando gente que anhela realizar sus proyectos en nuestra tierra, ya sea porque su país atraviesa por una situación crítica, ya sea por motivos personales. Y son migrantes que, en su abrumadora mayoría, vienen a sumarse al **proyecto colectivo** llamado Chile, a aportar con su esfuerzo y su honestidad (21.08.2017) (Чили – прекрасная страна для жизни, работы и учебы. Именно поэтому люди, стремящиеся осуществить свои мечты на нашей земле, будут продолжать приезжать сюда либо из-за критической ситуации в своей стране, либо по личным причинам. И это мигранты, которые в подавляющем большинстве приезжают, чтобы присоединиться к **коллективному проекту** под названием «Чили», внести свой вклад в развитие страны своим честным и усердным трудом).*

В речах внешней адресации главная задача М. Бачелет – вписать Чили в глобальный контекст и убедить международную аудиторию в выгоды и перспективности сотрудничества с обновленной страной, которая смогла преодолеть ошибки прошлого и переосмыслить наследие диктатуры:

*Esto demuestra nuestro interés de impulsar una **estrecha relación** con economías con las que tenemos y seguiremos teniendo **lazos profundos y beneficiosos** para todas las partes (06.05.2014) (Это демонстрирует нашу заинтересованность в развитии **тесных отношений** с экономиками мира, с которыми мы имеем и продолжим иметь **глубокое и взаимовыгодное** для всех сторон **сотрудничество**).*

Также, будучи актуальной в международной политической повестке XXI в., делается ставка на устойчивое развитие (*desarrollo sustentable*), без которого невозможно сотрудничество с другими мировыми державами:

*Chile es un reconocido y respetado país por su estabilidad, sus instituciones, bajos niveles de corrupción y una sólida y creciente economía. Sin embargo, no podemos dejar afuera lo que es evidente, Chile todavía tiene desafíos, todavía es un país con una gran desigualdad para el mundo desarrollado, y éste es un gran desafío que tenemos que afrontar si queremos lograr un **desarrollo sustentable** (06.05.2014) (Чили – известная и уважаемая страна благодаря своей стабильности, развитым институтам, низкому уровню коррупции и устойчивой, растущей экономике. Однако нельзя игнорировать очевидное: Чили по-прежнему сталкивается с трудностями. В*

*стране по-прежнему наблюдается значительное неравенство по сравнению с развитыми странами, и это серьезная проблема, которую нам необходимо решить, если мы хотим добиться **устойчивого развития**).*

Еще один важный политический нарратив в речах внешней адресации – это идея тесного сотрудничества стран Латинской Америки, выраженная с помощью домашней метафоры и идеологем *intercambio* («обмен»), *cooperación* («кооперация»), *colaboración* («сотрудничество»), при этом Чили играет в этом процессе незаменимую роль:

*Hoy es el momento de recuperar esa visión: América Latina es **nuestra casa**, y el Océano Pacífico nuestro espacio natural de **intercambio y cooperación** (06.05.2014) (Сегодня самое время вернуться к этой позиции: Латинская Америка – это **наш дом**, а Тихий океан – наше естественное пространство для **обмена и сотрудничества**).*

Таким образом, идеологемы интегративной семантики в речах внутренней адресации создают иллюзию сплоченности общества на основе патриотической патетики, а перед международной аудиторией – создают образ современной Чили как полноценного участника глобальных процессов, вписывая ее в глобальный контекст.

Идеологемы ценностно-культурного кода в публичном дискурсе Мишель Бачелет

Обозначение базовых ценностей социума в дискурсе первых лиц государства служит своеобразным ориентиром, особенно в условиях социально-политической нестабильности [13, с. 56]. В дискурсе чилийского лидера идея демократического развития страны и неприемлемости возврата к диктатуре описывается с помощью следующих идеологем: *democracia*, *equidad*, *justicia social* и пр.:

*Hablamos aquí de promover las condiciones imprescindibles del desarrollo de una **democracia** moderna y estable: me refiero a la **equidad**, la **cohesión social**, la **justicia social** y, por cierto, la **creación de riqueza** (06.05.2014) (Мы говорим здесь о содействии созданию необходимых условий для развития современной и стабильной **демократии**: я имею в виду **равенство, социальную сплоченность, социальную справедливость** и, конечно же, **создание богатства**);*

*...Chile no tolerará más las prácticas que hemos conocido, y como gobierno no descansaremos hasta dejar establecidos cimientos más sólidos y legítimos para nuestra **democracia** (21.05.2015) (...Чили*

больше не будет терпеть прежние методы управления, и мы, как руководство страны, не успокоимся, пока не создадим более прочную и законную основу для нашей **демократии**);

*Porque ésta es nuestra tarea: gobernar para responder a la confianza que la sociedad depositó en nuestra propuesta, mejorar la **equidad** en nuestra patria, resolver los problemas que llevamos arrastrando por mucho tiempo* (24.03.2017) (Потому что в этом и заключается наша задача: управлять, чтобы оправдать доверие, которое общество оказало нам, продвигать **равенство** в нашей стране, решить проблемы, которые сопровождают нас уже долгое время).

Важной и вместе с тем болезненной темой является выстраивание диалога с коренными народами, населяющими страну и придающими ей культурное разнообразие:

*Pero también sé que tenemos tareas pendientes en el reconocimiento de la **diversidad cultural** que existe en Chile. Lo dije durante toda la campaña y lo repito aquí: para Chile es imprescindible un nuevo trato con sus pueblos indígenas* (04.06.2014) (Но я также знаю, что нам предстоит работа по признанию **культурного разнообразия**, существующего в Чили. Я говорила об этом на протяжении всей предвыборной кампании и повторяю это здесь: для Чили крайне необходим новый подход в отношении коренных народов);

*Reconocer la gran **diversidad** de la que está hecha nuestra herencia cultural, la **pluriculturalidad** y el sello de los pueblos indígenas en nuestra historia nos hace entender muy bien lo que nos une y también lo específico, lo propio de cada pueblo, y eso creo que nos hace mejor como sociedad, como país* (24.06.2014) (Признание огромного **разнообразия** нашего культурного наследия, **мультикультурализма** и вклада коренных народов в нашу историю позволяет нам очень хорошо понять, что нас объединяет, а также что является специфическим, уникальным для каждого народа, и я верю, что это делает нас лучше как общество, как страну).

Кроме того, за идеологемой *diversidad* («разнообразие») стоит также идея политического плюрализма и возможности быть услышанным в современной Чили (ниже приведенный пример произнесен в рамках чествования президента Сальвадора Альенде):

*Es bueno escuchar **distintas voces**, porque cada una de ellas porta una mirada. Y con esa lógica de **diversidad** de voces, sin embargo, hemos*

*logrado **consensos** relevantes sobre lo ocurrido, sobre quiénes son las víctimas y quiénes los victimarios, y no podemos admitir justificaciones de lo injustificable, verdades a medias o pactos de silencio que agravan el dolor y el daño* (11.09.2017) (Нужно слышать **разные голоса**, ведь каждый из них предлагает свою точку зрения. И благодаря этому **разнообразию** голосов мы достигли значительного **консенсуса** относительно произошедшего, кто был жертвой, а кто виновником, и мы не можем допустить оправдания того, что не подлежит оправданию, согласиться на полуправду или замалчивать правду, что лишь усугубляет боль и причиненный вред).

Таким образом, идеологемы ценностно-культурного кода используются для сплочения общества на основе единых ценностных установок и ориентиров (демократические ценности, а также признание культурного разнообразия) и подтверждают тезис о неконфликтности риторики и поведения Мишель Бачелет.

Идеологемы образа нации в публичном дискурсе Мишель Бачелет

Следует отметить высокую социальную ангажированность президентского дискурса М. Бачелет. В частности, в ее речах на постоянной основе освещаются проблемы образования, материнства и детства. Кроме того, зачастую делается ставка не столько на рост экономических показателей, сколько на рост благосостояния всех членов общества (*desarrollo humano, oportunidades, bienestar, bienestar social*):

*Hoy, a través de todas estas iniciativas, y las que vamos a llevar adelante, estamos comprometiéndonos, como Estado de Chile, con los derechos, las libertades, las **oportunidades** y el **bienestar** de todos nuestros compatriotas, en cada lugar de nuestra tierra, tal como cada uno y cada una de nosotros anhela* (07.10.2014) (Сегодня посредством всех этих инициатив и тех, которые мы будем реализовывать в будущем, мы, как государство Чили, обязуемся защищать права, свободы, **возможности** и **благополучие** всех наших сограждан, во всех уголках нашей земли, как желает того каждый из нас);

*Sí, Chile necesita ponerse al día, y debe hacerlo desde la perspectiva del desarrollo económico y productivo, pero también desde la perspectiva del **desarrollo humano*** (19.12.2014) (Да, Чили необходимо наверстать упущенное, и сделать это следует как с точки зрения экономического и производственного развития, так и с точки зрения **развития человеческого потенциала**);

*Por eso, para alcanzar tal **desarrollo humano** es indispensable escuchar y dialogar con las necesidades objetivas de la población, pero también con las subjetivas: sus inquietudes, sus opiniones, sus esperanzas, sus sueños, sus anhelos (21.04.2015) (Поэтому для достижения этого развития **человеческого потенциала** крайне важно прислушиваться к объективным потребностям населения и вести диалог с ними, но также и с их субъективными потребностями: их переживаниями, их мнениями, их надеждами, их мечтами, их желаниями);*

*Transformar, para que todas las mujeres, los niños y los adolescentes logren el pleno ejercicio de sus derechos y alcancen el grado más alto posible de salud y **bienestar**. Y esto, a su vez, va a redundar en beneficios sociales, demográficos y económicos (03.07.2017) (Преобразования, позволяющие всем женщинам, детям и подросткам в полной мере реализовывать свои права и достигать максимально возможного уровня здоровья и **благополучия**. А это, в свою очередь, принесет социальные, демографические и экономические плоды).*

Одним из ключевых нарративов риторики бывшего президента Чили является продвижение идеи необходимости уважения достоинства другого (*dignidad*). Ее принятие является важным условием для построения процветающего, справедливого и прогрессивного общества:

*En esta situación, la mujer o niña resultó embarazada por un acto realizado contra su voluntad. Es una agresión brutal de su **dignidad**. Por ello, no podemos exigirle la continuación del embarazo si es que ella no quiere mantenerlo debido a su origen (31.01.2015) (В данной ситуации женщина или девочка забеременела в результате действий, совершенных против ее воли. Это грубое посягательство на ее **достоинство**. Поэтому мы не можем требовать от нее сохранения беременности, если она не желает этого в силу произошедшего);*

*Hoy Chile elige no apartar la vista y hacerse cargo de los retos impostergables que la **dignidad** de nuestra gente y el bienestar de las familias requieren, en todas las circunstancias posibles (24.03.2017) (Сегодня Чили предпочитает решать неотложные вызовы по укреплению **достоинства** нашего народа и благополучия семей при любых возможных обстоятельствах).*

Еще одной важной чертой риторики Мишель Бачелет является похвала и признание заслуг граждан перед страной – прием, который

безоговорочно располагает к себе собеседника в любом типе коммуникации. В частности, речь идет о сложности и необходимости для развития страны преподавательской деятельности:

*Son un **pilar insustituible** de ese largo y complejo proceso de la educación y, por tanto, merecen **nuestro homenaje** y **nuestro reconocimiento** (16.10.2014) (Вы – **незаменимая опора** столь долгого и сложного процесса воспитания и, следовательно, **заслуживаете нашего уважения** и **нашего признания**).*

В публичном дискурсе Мишель Бачелет закономерно продвигается **идея величия страны и нации** (*país hermoso, tremendo triunfo, tremendo potencial*):

*Chile es un **país hermoso** que nos pertenece a todos. Nuestra fauna, nuestros bosques, nuestros desiertos, nuestros ríos, nuestros lagos, nuestros glaciares y nuestros senderos ocupan un lugar central en nuestra cultura e identidad (12.12.2014) (Чили – **красивая страна**, принадлежащая всем нам. Наша фауна, наши леса, наши пустыни, наши реки, наши озера, наши ледники и наши тропы играют важную роль в нашей культуре и идентичности);*

*...no podemos perder el **tremendo potencial** que tenemos en nuestro país. Y ustedes son parte de ese **tremendo potencial** (07.01.2016) (...мы не можем потерять **огромный потенциал** нашей страны. И вы – часть этого **огромного потенциала**);*

*...yo creo que este momento es un **tremendo triunfo** de Chile... (11.04.2016) (...я считаю, что этот момент – **величайший триумф** Чили...)*

Таким образом, идеологемы образа нации способствуют единению с аудиторией и создают с ней психологическое созвучие. Выражение похвалы и благодарности согражданам является эффективным приемом сближения с адресатом и характерной чертой стиля политической коммуникации Мишель Бачелет.

Идеологемы образа современной ситуации в стране в публичном дискурсе Мишель Бачелет

Данная группа идеологем обладает ярко выраженным отрицательным аксиологическим модусом, поскольку призвана отметить существующие (внутренние или внешние) угрозы благополучию нации [13]. Обозначение проблем (*pobreza, corrupción, violencia, desigualdad, discriminación, cohecho* и пр.) помогает выстраивать открытый диалог со слушателями и выполняет функцию их мобилизации в вопросах поддержки выбранного курса реформ:

*Sabemos que contamos con ustedes porque son fundamentales en la generación de empleos, una de las áreas cruciales para luchar contra la **pobreza** (24.08.2014) (Мы знаем, что можем рассчитывать на вас, потому что вы играете ключевую роль в создании рабочих мест, что является одним из важнейших направлений борьбы с **бедностью**);*

*Por eso nos hemos comprometido a enfrentar con decisión y fuerza la **violencia** en los hogares, la **violencia contra la mujer** (27.03.2014) (Поэтому мы намерены уверенно и решительно противостоять **домашнему насилию, насилию в отношении женщин**);*

*Hemos combatido la **discriminación** y la **intolerancia**, permitiendo que la libertad sea real al momento de elegir el modo de vivir, la manera de pensar o a quién amar (01.06.2017) (Мы смогли преодолеть с **дискриминацию и нетерпимость**, обеспечивая реальную свободу при выборе образа жизни, образа мыслей и партнера).*

Идея необходимости восстановить доверие к властям – еще один важный политический нарратив в дискурсе М. Бачелет, создающий ей образ политика, трезво оценивающего существующую реальность:

*El primer gran desafío que hemos enfrentado está situado en el corazón de nuestro sistema democrático: se ha debilitado la **credibilidad** de la actividad política, y se ha debilitado también la de los negocios. Se ha herido la **confianza** en que se basa nuestra convivencia (21.05.2015) (Первая серьезная проблема, с которой мы столкнулись, лежит в основе нашей демократической системы: ослабло **доверие** к политической и предпринимательской деятельности. **Доверие**, на котором основано наше сосуществование, подорвано).*

В образе главных «врагов» существующего режима выступают централизм и социально-экономическое неравенство:

*¡Chile tiene un solo gran adversario y se llama **desigualdad**! Y sólo juntos podremos enfrentarla (11.03.2014) (У Чили есть только один серьезный враг, и это **неравенство**! И только вместе мы можем ему противостоять);*

*Lo he dicho en muchos sitios y lo seguiré diciendo: los desafíos de seguir creciendo y de reducir la **desigualdad** no se contraponen. Por el contrario, podemos y debemos hacerlos compatibles (09.04.2014) (Я говорила об этом много раз и продолжу говорить об этом: вызовы, связанные с обеспечением дальнейшего роста и сокращения*

***неравенства**, не являются взаимоисключающими. Напротив, мы можем и должны сделать их совместимыми);*

*Pero tenemos otros desafíos de nuestra democracia, y uno es el marcado **centralismo** en nuestro país, que también es un desafío importante (16.05.2014) (Но у нашей демократии есть и другие серьезные проблемы, одна из которых – это ярко выраженный в нашей стране **централизм**).*

Несмотря на то, что в стране продолжает сохраняться неравенство, в некоторых областях общественной жизни удалось достичь значительных успехов, что выражается идеологемами с положительным аксиологическим модусом *justicia* («справедливость»), *progreso* («прогресс»), *desarrollo* («развитие»), *equidad territorial* («территориальное равенство»), *estabilidad* («стабильность») и пр.:

*Hoy cumplimos con nuestra vocación de hacer de nuestro país un lugar de **progreso** y **justicia** para sus habitantes (26.09.2014) (Сегодня мы выполняем наше призвание превращать нашу страну в место **прогресса** и **справедливости** для ее жителей);*

*Esto también es un sello de mi gobierno: promover la **equidad territorial** en cada una de las políticas y de los programas que hemos impulsado (01.06.2017) (Это также отличительная черта моей администрации: содействие **территориальному равенству** в каждой из реализуемых нами программ);*

*Chile es un país del que estamos orgullosos. Pese a nuestra lejanía de los grandes centros políticos y económicos, hemos sabido insertarnos exitosamente en un mundo globalizado y conquistar progresivamente nuestro **desarrollo**. Hemos hecho la opción de salir al mundo, aceptando que hay oportunidades y desafíos en los múltiples intercambios políticos, sociales, culturales y económicos (21.08.2017) (Мы гордимся Чили. Несмотря на удаленность от крупных политических и экономических центров, мы успешно вписались в глобализованный мир, а также постепенно **продвигаемся вперед**. Мы сделали шаг навстречу миру, признавая, что многочисленные политические, социальные, культурные и экономические связи таят в себе как возможности, так и вызовы);*

*La historia de Chile es un largo recorrido de un camino de **progreso, reconocimiento** y **bienestar** para todos nuestros habitantes (28.08.2017) (История Чили – это долгий путь к **прогрессу, признанию** и **благополучию** всех наших жителей).*

Идея обновления страны (с помощью лексем *cambio/cambiar*) призвана показать внутренней и внешней аудитории произошедшую смену парадигмы (переход к демократии):

...con los cambios permanentes que estamos impulsando, vamos a seguir construyendo el mayor de los proyectos, que es un Chile inclusivo, justo y solidario para todos y todas (02.12.2016) (...благодаря непрерывным изменениям, которым мы способствуем, мы продолжим строить наш самый главный проект – Чили, страну инклюзивную, справедливую и солидарную).

В рамках модернизации страны 28 января 2015 г. был принят закон о гражданских союзах (легализация однополых браков была принята позже, уже при Себастьяне Пиньере в декабре 2021 г.):

Por eso, y tal como lo comprometí, hoy Chile da un paso histórico al firmar el proyecto de ley de Matrimonio Igualitario. Lo hacemos para garantizar un acto de justicia esencial: que quienes desean compartir su vida puedan hacerlo del modo en que ellos o ellas decidan, con plena libertad, orgullo y alegría. Lo hacemos cumpliendo con nuestra palabra ante Chile y también ante el mundo. Lo hacemos en la convicción de que la igualdad no admite matices ni prejuicios (28.08.2017) (Именно поэтому, как я и обещала, сегодня Чили делает исторический шаг, подписывая законопроект об однополых браках. Мы делаем это, чтобы гарантировать важнейший акт справедливости: чтобы люди, стремящиеся разделить свою жизнь друг с другом, могли сделать это так, как захотят, с полной свободой, гордостью и радостью. Мы делаем это, выполняя наше обещание, данное Чили и всему миру. Мы делаем это, убежденные в том, что равенство не терпит оттенков и предрассудков).

Таким образом, публичный дискурс бывшего чилийского президента Мишель Бачелет насыщен идеологически окрашенной лексикой. Идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом (*pobreza, desigualdad, inequidad, corrupción, violencia* и пр.) обозначают негативные явления социально-политической жизни современной Чили, с которыми необходимо совместно бороться; в то время как идеологемы с положительным аксиологическим модусом (*equidad, progreso, crecimiento* и пр.) подчеркивают достигнутые успехи (в первую очередь в социальном плане). С их помощью создается положительный образ президента, адекватно воспринимающего действительность и стремящегося к достижению благосостояния всех жителей страны.

Заключение

Возрастающий интерес к изучению латиноамериканского дискурса обусловлен его экспрессивностью и ярко выраженной идеологической окрашенностью [18–20]. Анализ публичных обращений Мишель Бачелет в период с 2014 по 2017 г. с точки зрения дискурсологии и лингвопрагматики показал, что важной особенностью ее риторики является активное использование идеологем, формирующих образ эмпатичного лидера, тем самым укрепляя ее популярность среди наиболее уязвимых социальных групп.

В ходе исследования были выделены **пять групп** идеологем. В речах внутренней адресации (инаугурационная речь, выступления на мероприятиях национального масштаба и др.) ключевыми принципами правления М. Бачелет выступают идеи национального единства, культурного многообразия, свободы и социальной справедливости. Эти ценности транслируются через такие идеологемы, как *convivencia, diversidad cultural, libertad, equidad* и др. К идеологемам с негативным аксиологическим модусом (*desigualdad, violencia, corrupción* и др.) политик обращается не с целью конфронтации, а с целью консолидации общества на основе общих ценностно-культурных установок и укрепления доверия граждан к действующей власти, особенно в условиях молодежных протестов и миграционного кризиса, что свидетельствует о высокой социальной ангажированности риторики президента и ориентации на разрешение социальных противоречий. В обращениях к международной аудитории идеологемы выполняют преимущественно репрезентативную функцию: с их помощью формируется образ прогрессивного политика, ориентированного на демократические принципы (равенство, законность, права и свободы граждан, справедливость и др.), а также транслируется идея обновленной Чили, преодолевшей травматичный опыт диктатуры и позиционирующей себя как надежного и перспективного партнера на мировой арене.

Список литературы

1. Киянова К. А. Коммуникативно-речевая структура публичной политической речи (на материале выступлений Ангелы Меркель) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 189 с.
2. Попова Т. Г., Кокорина К. А. Гендерный фактор женского политического дискурса (на материале

- публичных выступлений Т. Мэй) // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 103–109. <https://doi.org/10.26170/pl20-03-11>
3. Кушнерева Д. А. Национально-культурные и языковые особенности политического дискурса (на примере речей бывшего президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 3. С. 476–482. <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-3-476-482>
  4. Кушнерева Д. А. Метафора как языковой инструмент формирования образа врага в женском политическом дискурсе Аргентины // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 1. С. 80–86. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2025.1132>, EDN: GYCVOD
  5. Кушнерева Д. А. Особенности применения идеологемы «неравенство» в политическом дискурсе Мишель Бачелет // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4 (885). С. 75–81.
  6. Vitale M. A. ¿Ethos femenino y feminine style? El primer discurso público de dos presidentes mujeres, Michelle Bachelet (Chile) y Cristina Fernández de Kirchner (Argentina) // Lenguaje. 2016. Vol. 44, № 1. P. 61–82. <https://doi.org/10.25100/lenguaje.v44i1.4630>
  7. Quero Gervilla E. F., Kopylova T. R. Discursive strategies in the personal discourse of Ksenia Sobchak, candidate for the Presidency of the Russian Federation // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 16, № 7. P. 1177–1196. EDN: FSGHIU
  8. Купина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность : сб. науч. тр. / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2005. С. 90–104.
  9. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика, 2014. № 4 (50). С. 54–58.
  10. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32–40. EDN: LKFZKN
  11. Зененко Н. В. Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 28–34. <https://doi.org/10.26170/pl18-04-03>
  12. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. 120 с.
  13. Селиванова И. В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 3. С. 51–63. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63>
  14. Плетнева О. Д. Языковая репрезентация идеологической модальности в политическом дискурсе (на материале выступлений Макрона) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 195 с.
  15. Маркова О. А., Харламова Т. В. Лингвокультурологический анализ речей российских и американских президентов // Известия УрГПУ. Лингвистика. 2005. Вып. 16. С. 82–97.
  16. Пионткек Б. Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и в Польше // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 85–95.
  17. Дьякова Л. В. Эволюция демократии и формирование современной модели общественно-политического развития: опыт Чили : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2018. 575 с. EDN: IMWTQS
  18. Моусеенко Л. В. Популистский политический дискурс: диагностические признаки и лингвокогнитивные приемы создания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 2. С. 105–117. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.10>
  19. Давтян Ю. В., Крюкова Е. В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 51–59. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V204>
  20. Бочаров Е. В. Стратегия самопрезентации и речевые тактики в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений политиков Латинской Америки в ООН) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 1. С. 120–131. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2024-22-1-120-131>

Поступила в редакцию 09.08.2025; одобрена после рецензирования 28.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 09.08.2025; approved after reviewing 28.09.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 159–167

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 159–167

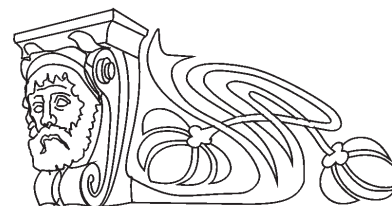
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-159-167>, EDN: ННРГКА

Научная статья

УДК 659:811.161.1'373.4

Цвет лимона в системе цветообозначения русского языка: от стереотипного желтого к цвету лимон с лузгой

Т. В. Сивова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Беларусь, 230023, г. Гродно, ул. Ожешко, д. 22

Сивова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, t.sivova@grsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

Аннотация. Представлены результаты выполненного в русле лингвистики цвета исследования, цель которого – описать сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на материале цветковых дескрипций лимона, функционирующих в текстах различных дискурсов (лексикографического, прозаического, поэтического, рекламного и др.). В результате носящего полидискурсивный характер исследования с применением комплекса методов, среди которых: метод сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, метод количественной обработки данных, направленного ассоциативного эксперимента, определен количественный и качественный состав актуализируемых в колористических описаниях растения терминов цвета (13 единиц); установлены демонстрирующие стереотип восприятия цвета растения доминанты цвета (желтый, золотой); выявлены уникальные цветковые описания лимона, эксплицирующие индивидуальную цветковую картину мира носителя языка; определены способы уточнения цветового значения (композициями, цепочками цвета) и расширения цветового спектра – вплоть до световой лексики. Описана сочетаемость искомых цветообозначений с фитонимической лексикой, а также параметрической, гастрономической, выявлена функциональность цветковых описаний лимона (преимущественно онтологическая, изобразительно-выразительная, прототипическая функция, функция создания цветового хронотопа). Отмечена высокая активность колористических описаний растения в продуцировании новых терминов цвета: выявлено 108 цветообозначений, основанных на цветовой дескрипции лимона, 77 из которых ранее не фиксировались в современных словарях цветообозначений; описана специфика их создания и актуального функционирования в художественном тексте, в рекламном тексте. Полученные результаты представляют как научно-исследовательский интерес – для лингвистов (когнитивная лингвистика, лингвокультурология, сопоставительное языкознание и др.), так и прикладной – для работающих в области рекламы и брендинга специалистов.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, цветовая концептосфера, корпусные исследования, рекламный дискурс

Благодарности: Автор выражает глубочайшую признательность студентам, профессорско-преподавательскому составу и руководству факультетов ГрГУ имени Янки Купалы за содействие в проведении ассоциативного эксперимента.

Для цитирования: Сивова Т. В. Цвет лимона в системе цветообозначения русского языка: от стереотипного желтого к цвету лимон с лузгой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 159–167. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-159-167>, EDN: ННРГКА

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The color of lemon in the Russian language color notation system: From the stereotyped yellow to the color of lemon with peel

T. V. Sivova

Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ozheshko St., Grodno 230023, Belarus

Tatyana V. Sivova, t.sivova@grsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-8800-9987>

Abstract. The article presents the results of a study carried out in the context of color linguistics, the purpose of which is to describe a segment of the color conceptual sphere of the Russian floristic space based on the material of color descriptions of lemon, functioning in the texts of various discourses (lexicographic, prosaic, poetic, advertising etc). The study was polydiscourse in nature and used a set of methods: continuous sampling, descriptive-analytical, contextual, quantitative data processing, and a directed association experiment among others. Based on the study: the composition of color terms actualized in descriptions of plants was determined (13 units); color dominants demonstrating the stereotype of plant perception (yellow, gold) were established; unique descriptions of lemon were identified, explicating the individual color picture of the world of a native speaker; methods for refining color meaning (composites, color chains) and expanding the color spectrum were determined; the compatibility of color terms was described – with phytonymic lexemes, as well as parametric, gastronomic; the functionality of

color descriptions of lemon was revealed (ontological, pictorial-expressive, prototypical function, the function of creating a color chronotope). A high activity of descriptions of the plant in producing new color terms was noted: 108 color terms based on the description of lemon were identified, 77 of which were not previously recorded in dictionaries of color terms; the specific nature of their creation and functioning in a literary or an advertising text were described. The obtained results are of both scientific research interest – for linguists (cognitive linguistics, linguacultural studies, comparative linguistics, etc.) and applied interest – for specialists working in the field of advertising and branding.

Keywords: linguistics of color, color term, phytonym, color conceptual sphere, corpus studies, advertising discourse

Acknowledgements: The author expresses her deepest gratitude to the students, teachers and management of the departments of Yanka Kupala State University of Grodno for their assistance in conducting the associative experiment.

For citation: Sivova T. V. The color of lemon in the Russian language color notation system: From the stereotyped yellow to the color of lemon with peel. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 159–167 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-159-167>, EDN: HHPGKA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Колористическая репрезентация растений представляет константный научно-исследовательский интерес для специалистов, работающих в области лингвистики цвета. «Антропоцентризм цветовых наименований очевиден, – отмечает В. Г. Кульпина, – но в то же время устанавливается его постоянная связь через имена цвета с окружающей человека природой» [1, с. 164]. М. В. Румянцева, осуществляя на материале текстов русской художественной литературы XX в. лингвокультурологический анализ метафорических сравнений с эталоном цвета, приходит к выводу о том, что «наибольшее количество агентов сравнений авторы художественных произведений черпают из богатого на краски мира растений. Фитоморфы <...> становятся основным эталоном красного, желтого, коричневого, синего и зеленого цвета» [2, с. 55].

Вопрос цветовой визуализации лимона, являющегося одним из эталонов-прототипов желтого цвета (ср.: *желтый как лимон; желто-лимонный*), казалось бы, больше не представляет исследовательского интереса для лингвистов. Вместе с тем даже стереотипное цветовое представление о растении может различаться в разных языках, например: «на Тайване (как и во многих других странах с жарким климатом) продаются и используются в пищу зеленые лимоны. <...> пожелтевший лимон – продукт уже второго сорта, в определенной степени некондиционный, стоит на порядок меньше “идеального” зеленого лимона и, естественно, в качестве типического, характерного образа (т.е. прототипа) выступать не может» [3, с. 157–158].

Значимы для нашего исследования рассуждения В. Г. Кульпиной, которая отмечает: «...цветовые ассоциации, вызываемые продук-

тами питания, являются базой для образования названий многих цветов (ср. ‘лимонный’), которые в свою очередь служат цветообозначению самых разнообразных объектов окружающей действительности» [1, с. 182].

Колористические дескрипции лимона становятся основой для создания новых терминов цвета (далее – ТЦ). Так, Н. А. Сидорова и М. Н. Федулова, исследуя способы вербализации категории цвета в английской ЯКМ, фиксируют функционирование в публицистическом тексте цветообозначения цв. *высохших старых лаймов*, акцентируя, помимо колористической, его экспрессивную составляющую: «...образ лимона, передаваемый визуальными средствами, традиционно оказывает сильное психическое и физиологическое воздействие на человека. Языковая визуализация сморщенного, высохшего и пожелтевшего плода, напоминающего лимон, провоцирует возникновение соответствующего эмоционального состояния у читателя <...>» [4, с. 186].

Материал и методы исследования

Изложенное определяет *актуальность* нашего носящего полидискурсивный характер исследования, цель которого – описать сегмент цветовой концептосферы флористического пространства русского языка на материале колористических дескрипций лимона, функционирующих в текстах различных дискурсов. Отсутствием комплексного описания данного сегмента цветовой концептосферы русского языка определяется новизна нашей работы.

Материалом выполненного в русле лингвистики цвета исследования служат лексикографические источники [5–9], также словари цветообозначений [10, 11], полученные в ходе проведения направленного ассоциативного эксперимента (здесь и далее – НАЭ) результаты (611

респондентов), проза К. Г. Паустовского, классика русской и советской литературы, мастера художественного слова [12], данные Национального корпуса русского языка – основного корпуса¹ и поэтического подкорпуса², рекламные тексты, размещенные на сайте «Авито»³.

Для достижения поставленной цели используется комплекс методов: метод сплошной выборки языкового материала, описательно-аналитический, контекстуальный метод, метод количественной обработки данных, направленного ассоциативного эксперимента.

Результаты исследования

К вопросу о классификации. Согласно исследованиям Е. В. Дзюбы, лимон относится к «малотипичным образцам категории ФРУКТЫ в разных вариантах и вариациях языковой картины мира» [13, с. 188]. Ср.: «Лексикографическая КМ – плод цитрусового дерева. Ботаническая КМ – гесперидий (помаранец), ягодовидный плод древесного растения семейства рутовых. Агрономическая КМ – цитрусовые (субтропические) культуры. Торгово-экономическая (ГОСТ / ОК) – фрукт / фрукты (плоды цитрусовых культур). Таможенная КМ – фрукт. Кулинарная КМ – фрукт» [13, с. 188–189].

Лексикографическая репрезентация (желтый, светло-желтый). Цветовое значение последовательно фиксируется в искомых дефинициях: *лимон* ‘цитрусовое дерево с крупными сочными плодами желтого цвета, имеющими кислый вкус’ [5, с. 497]; *лимон* ‘цитрусовое дерево с сочными ароматными кислыми светло-желтыми плодами’ [6, с. 525].

В. Г. Кульпина приводит подробное лексикографическое описание ТЦ *лимонный*: «ЛИМОННЫЙ (книжн.). С XVI в. (ИЭС I. С. 482). “Светло-желтый, цвета лимона” (СОШ. С. 326). “Светло-желтый, цвета кожуры лимона” (МАС II. С. 184). “Светло-желтый, имеющий цвет кожуры лимона” (БТС. С. 497). *Этимология*: от лимон. “Др.-русск. *лимонъ* <...> заимств. через нов.-греч. *λίμονι* или непосредственно из ит. *limone* <...> Источником ром. слова является

араб.-перс. *līmūn*, происходящее из Индии...” (Фасмер II. С. 497). “Прил. *лимонный* как обозначение цвета встр. в Описи имущества ц. Ив. Вас. 1582 – 1584 гг...” (ИЭС I. С. 482). *Сфера денотации*: природные явления: закат; растения: цветы, листья; артефакты: одежда» [14, с. 87–88].

Ассоциативное пространство (желтый). В ходе проведенного нами направленного ассоциативного эксперимента (2021 г.; 611 респондентов; студенты ГрГУ им. Янки Купалы; 314 жен., 297 муж.; возраст: 17–20 лет) респондентам было предложено привести «цветовую» реакцию на стимул-фитоним «лимон». В результате выявлено актуальное представление о цвете растения у носителей обыденного языкового сознания.

Статистика: всего цветовых реакций на стимул – 605, различных реакций – 19, одиночных реакций – 11, отказов – 6.

Результаты: желтый 556: 289 (ж), 267 (м); ярко-желтый 11: 8 (ж), 3 (м); зеленый 10: 4 (ж), 6 (м); светло-желтый 5: 2 (ж), 3 (м); белый 4: 2 (ж), 2 (м); лимонный 3: 2 (ж), 1 (м); оранжевый 3: 3 (м); салатный 2: 1 (ж), 1 (м); желто-зеленый 1: 1 (ж); желтый, зеленый 1: 1 (м); желтый, кислотный 1: 1 (ж); желтый, лимонный 1: 1 (м); (белор.) жоўты 1: 1 (ж); зелено-желтый 1: 1 (ж); зеленый, желтый 1: 1 (ж); кислотно-желтый 1: 1 (м); коричневый 1: 1 (м); фиолетовый 1: 1 (м); яркий желтый 1: 1 (ж); нет ответа 6: 6 (м).

Ср. с ассоциативными словарями: «лимон»: желтый 11, светло-желтый 1 [8]; «лимон»: желтый 21; желтое 5; желтый цвет 3; желтый фрукт 2; желтуха; ярко-зеленый 1 [9, с. 470]; «лимон»: желтый 16 [7, с. 367].

Таким образом, в спектр значимых в колористической визуализации растения входит 9 ТЦ (в алфавитном порядке): белый, желтый, зеленый, кислотный, коричневый, лимонный, оранжевый, салатный, фиолетовый. В качестве реакций выступают также призванные точно передать цветовое впечатление: 1) композиты различного состава (5), напр.: желто-зеленый, кислотно-желтый; *светло-желтый, ярко-желтый*; 2) двусоставные цепочки цвета (4), напр.: желтый, зеленый; желтый, лимонный. Спорадически респонденты используют другие способы передачи цветового значения, напр., яркий желтый.

Авторская цветовая концептосфера. Проза К. Г. Паустовского (золотой). Значимый в визуализации растения спектр включает

¹ ОК НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Основной корпус. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.02.2024).

² ПК НКРЯ – Национальный корпус русского языка. Поэтический подкорпус. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-poetic.html> (дата обращения: 26.02.2024).

³ Авито – Авито. Сайт рекламных объявлений. URL: <https://www.avito.ru> (дата обращения: 26.02.2024).

4 ТЦ: **золотой** 4 (бледно-золотой, золотеть, золото); **желтый** 2 (желтый); **белый** 1 (белый), **черный** 1 (черный). Например: Она <завязь> начала медленно наливать и превратилась в маленький – величиной с орех – лимон. Потом этот орех начал чуть-чуть золотеть [12, т. 6, с. 340].

Спектр расширяется лексемами со значением интенсивности окраски (бледный), со значением 'свет' (блеск, огонь, светлый): Я смотрел на бледный, выжатый ломтик лимона на блюдечке и молчал [12, т. 4, с. 8]; Невской показалось, что это не блеск огней, а гроздь необыкновенных, ослепивших ее лимонов [12, т. 1, с. 545]. Выявленные ТЦ коррелируют с фитонимом лимон, с другой фитонимической лексикой (гроздь, листва, орех, цветок), с параметрической (кружок, ломтик).

О значимости цветковых описаний растения в цветовой концептосфере произведений писателя свидетельствует их роль в конструировании пяти цветковых пространственных измерений текста и одного темпорального: 1) пространства природы: [флора] наконец он <лимон> зацвел только одним белым цветком [12, т. 6, с. 340]; 2) гастрономического пространства: поставил перед ним стакан красного чая с кружком бледно-золотого лимона [12, т. 1, с. 275]; 3) науки: [селекция] вспомнил сельскохозяйственную выставку в Батуме, ее залы, заваленные экзотическими плодами, среди которых золотели лимоны величиной с арбуз, изрытые узором глубоких и затейливых борозд [12, т. 7, с. 61]; 4) пространства творчества: [живопись] (о картине П. Гогена) Золото в лимонах, в мимозах, в вечерах и на бедрах женщин [12, т. 1, с. 69]; 5) страны: [Испания] с перевала открываются внизу громадные, как море, пространства разноцветной земли, то коричневой и сожженной небом, то черной от листвы лимонных деревьев [12, т. 3, с. 478]. Цветовые описания лимона актуализируются в создании цветкового темпорального измерения – темпоральной координаты (далее – ТК) «Время суток»: [заря] Лимоны, холодные, как бы облитые желтым цветом зари, лежали на подстилке из травы [12, т. 1, с. 580].

В текстах К. Г. Паустовского фиксируется функционирование расширяющего свою сочетаемость ТЦ лимонный (29) и цв. лимона (1), функциональный потенциал которых реализуется в создании цветкового 1) пространства природы: [флора] лимонные листья берез теряли сере-

бряный налет [12, т. 6, с. 236]; [фауна] Оперение ее <птицы> переливалось лимонным и розовым цветом [12, т. 6, с. 147]; [небесное пространство] Лимонное солнце горело в небе [12, т. 2, с. 483]; 2) пространства человека [соматический код] (свидетельство нездоровья) лицо красноармейца туго обтягивала на скулах лимонная нездоровая кожа [12, т. 5, с. 557]; [вестиальный код] из-под брюк виднелись клетчатые лимонного цвета носки [12, т. 1, с. 292]; 3) пространства города: Петербургские дома, выкрашенные в зеленоватый, лимонный и серый цвета, казались фарфоровыми [12, т. 3, с. 499]; 4) пространства страны, родины: понял, что все это – родина, родная земля, любимая до последней прожилки на лимонном листке осины [12, т. 8, с. 235]; а также темпорального измерения – ТК «Время года»: [осень] полюбил туманные дни, особенно осенью, когда они подсвечены вялым лимонным цветом палой листвы [12, т. 4, с. 686].

Основной корпус НКРЯ (желтый). Колористические дескрипции растения фиксируются в произведениях свыше 30 авторов, среди которых В. Аксенов, И. Бунин, А. Браво, А. Волков, В. Дадыкин, Е. Евтушенко, А. Ефремов, С. Логинов, Т. Орлова, М. Палей, В. Пелевин, В. Розов и др.

Цветовой спектр, значимый в описаниях лимона, включает 5 ТЦ: **желтый** 18 (желтенький, желтеть, желтизна, желтый, пожелтение, ярко-желтый); **зеленый** 5 (зеленый); **золотой** 5 (золотой); **белый** 2 (беловатый, белый); **красный** 1 (красный). В контексте: подносик <...> с хрустальными рюмками и блюдечком, на котором желтели дольки лимона (Прох.) (ОК НКРЯ).

Спектр расширяется лексемами: 1) со значением интенсивности окраски (бледный, яркий); 2) 'быть в цвету' (цвести, цвет); 3) 'свет', 'тьма' (глянцевый, поблескивать, солнечный, стеклянный; темный). Например: Под луной лимоны поблескивали своей бледной желтизной и казались стеклянными, как на новогодней елке (Роз.) (ОК НКРЯ).

Выявленные ТЦ проявляют сочетаемость с фитонимом лимон, с другой фитонимической лексикой (например, кожица, лист, плод, семечко, цветок), с параметрической (долька, колесико, половинка, спираль), гастрономической (цедра). В контекстах: уже не было видно ни подноса из чуть потемневшего серебра, ни золотой спирали лимона, ни хрустальных бокалов (Пал.) (ОК НКРЯ).

ОК НКРЯ фиксирует 19 ТЦ, основанных на колористической дескрипции лимона, включая 15 композитов: *кадмий лимонный, лимон, лимонный, незрелого лимона*, композиты: *бледно-лимонной, грязно-лимонный, желтовато-лимонный, желто-лимонный, лилово-лимонный, лимонно-желтый, лимонно-летний, лимонно-лиловый, лимонно-малиновый, лимонно-медовый, лунно-лимонный, нежно-лимонный, светло-лимонный, темно-лимонной, ярко-лимонный* (см. прототипическая функция).

Поэтический подкорпус НКРЯ (золотой). Колористические описания растения фиксируются в поэтических текстах свыше 20 авторов, среди которых А. Адалис, К. Батюшков, В. Жуковский, В. Луговской, А. Майков, В. Набоков, Б. Пастернак, Саша Черный, Д. Хармс и др.

Цветовые описания создаются на основе 3 ТЦ: *золотой* 11 (*златой, золотистый, золото, золотой*); *желтый* 8 (*желтеть, желтизна, желтый*); *рдяный* 1 (*рдеть*). В контексте: *Встречать зарю и в лавках покупать За медный мусор – золото лимонов* (Тих.) (ПК НКРЯ).

Спектр расширяется лексемами: со значением интенсивности окраски (*бледный*), со значением 'спелый' (*зрелый*), 'быть в цвету' (*цвести*), со значением 'свет', 'тьма' (*гореть, солнце; темнолистый*). В контексте: *Златой лимон горит во мгле древес, И ветерок жар неба холодит* (Жук.) (ПК НКРЯ).

Выявленные ТЦ коррелируют преимущественно с фитонимом *лимон*, а также (спорадически) с другой фитонимической лексикой (например, *ветвь, плод*). В контексте: *В темнолистных поникших ветвях золотистые, Разогретье солнцем, плоды благовонные!* (Мер.) (ПК НКРЯ).

На основе колористических дескрипций лимона создаются фиксируемые ПК НКРЯ 10 ТЦ, среди которых 8 композитов различной структуры: цв. *лимонный* (*лимонный, лимонно-крылый*), цв. *лимонов*, композиты: *апельсинно-лимонный, дынно-лимонно-оранжево-алый, желто-лимонный, лимонно-апельсинный, лимонно-желтый, лимонно-серый, лимонно-хрупкий, салативо-лимонный* (см. прототипическая функция).

Функциональный потенциал колористических дескрипций лимона, согласно НКРЯ, реализуется в:

1) онтологической функции: *плоды, те, что могли сохраниться с осени: яблоки, груши, желтые лимоны* (Лог.) (ОК НКРЯ);

2) изобразительно-выразительной: *когда мерещится вчерашний Лактионов умершее старание его к фактуре дерева, к срезанию с лимонов гриппозной желтизны – осталось вещество* (Крив.) (ПК НКРЯ);

3) создания цветового хронотопа (см. подробно в [15]):

цветового пространственного измерения:

– пространства природы: [*флора*] *понухла зеленую кожу лимона и, оторвав несколько листиков посветлее, вернулась к дому* (Орл.) (ОК НКРЯ); с установлением фитонимических параллелей на основе цвета: *есть яблони с желтыми продолговатыми плодами, похожими на крошечный лимон* (Домбр.) (ОК НКРЯ); [*фауна*]: *Лимонницы – бабочки заметные, и не только потому, что ярко раскрашены их самцы (у самок наряд более блеклый – беловато-желтый)* (Кон.) (ОК НКРЯ);

– пространства человека: [*соматический код*] *От лба к подбородку и дальше в ворот плаща потекла желтоватая, как лимонная изнанка, бледность* (Иван.) (ОК НКРЯ); *Он знал, что розовый застенчивый ребенок Давно уж сух и желт, как выжатый лимон* (Ант.) (ПК НКРЯ); [*вестиальный код*] *Вообразите: кожаное канотье с веткой цветущего лимонника за лентой...* (Акс.) (ОК НКРЯ);

– вещного мира: *крошечная желтая лампочка, похожая на ссохшийся лимон* (Домбр.) (ОК НКРЯ); а также: *в правой руке тусклой электрической желтизной засветился лимон* (Ефр.) (ОК НКРЯ);

– гастрономического пространства (сильная позиция): *выжимая сок из маленьких зеленых лимонов прямо в стаканы со льдом* (Бр.) (ОК НКРЯ); *выбрала мороженое из зеленого лимона с миндалем* (Гам.) (ОК НКРЯ);

– пространства страны (сильная позиция): *Где край лимонных роц в цвету* (Волк.) (ОК НКРЯ); *Ах, есть земля, где померанец зреет, Лимон в садах желтеет круглый год* (Майк.) (ПК НКРЯ);

цветового темпорального измерения:

– ТК «Время суток»: [*ночь*] *Лимон разрезанный на лунный свет походит* (Луг.) (ПК НКРЯ); *Висит в набухшей мгле лимон луны огромный* (Набок.) (ПК НКРЯ);

4) прототипической функции, которая «заключается в том, что ряд цветочных номинаций может служить основой для образования терминов цвета» [1, с. 271]. НКРЯ фиксирует 25 ТЦ, основанных на колористической дескрипции

лимона, включая 21 композит различной модификации: цв. *кадмий лимонный*, цв. *лимон / лимонов*, *лимонный*, *незрелого лимона*, композиты, которые могут быть сгруппированы следующим образом: а) желто-лимонный, лилово-лимонный, лимонно-желтый, лимонно-лиловый, лимонно-серый, салативо-лимонный; б) *апельсинно-лимонный*, *лимонно-апельсинный*, *лимонно-малиновый*; в) *желтовато-лимонный*; г) *бледно-лимонной*, *грязно-лимонный*, *нежно-лимонный*, *светло-лимонный*, *темно-лимонной*, *ярко-лимонный*; д) *лимонно-летний*; е) *лимонно-медовый*; ж) *лимонно-хрупкий*; з) *лунно-лимонный*; и) *дынно-лимонно-оранжево-алый*.

Основанные на колористической дескрипции лимона ТЦ принимают участие в конструировании цветового пространственного измерения (9):

– пространства природы [флора] *нежные сыроежки*, *точно цветы в семье грибов*: *зеленоватые*, *лимонные*, *сиреневые*, *красные* (Шар.) (ОК НКРЯ); с учетом темпоральной составляющей: *стерты с лица земли скверики*, *крыши*, *здания*, *лимонные на закате старые яблони* (Зав.) (ОК НКРЯ); [фауна] *любовался летающими лимонными рыбками* у Барбадоса (Куч.) (ОК НКРЯ); <морской конек> *буквально парит в воде*, *переливаясь всеми красками от оранжевой до сизо-голубой*, *от лимонно-желтой до огненно-красной* (Гол.) (ОК НКРЯ); [небесное пространство] *лимонного цвета луна* безраздельно *царствовала в небе* (Соб.) (ОК НКРЯ); *возникла ярчайшая лимонно-желтая вспышка* <шаровая молния>, *и одновременно с ней раздался чудовищной силы гром* (Тер.) (ОК НКРЯ); [водное пространство] *И над лимонной Невою под хруст сторублевый* Мне никогда, никогда не *плясала цыганка* (Манд.) (ПК НКРЯ);

– человека: [соматический код] *подкрадывающийся к нему с финским ножом человек с лимонным лицом* и *раскосыми глазами* (Булг.) (ОК НКРЯ); *лимонного цвета его моча* *смешивалась с еще быстрее от этого тающим снегом* (Сол.) (ОК НКРЯ); при передаче эмоционального состояния: *когда метрдотель вернулся – на его лице уже никакого цвета не наблюдалось, даже лимонного* (Евт.) (ОК НКРЯ); как свидетельство нездоровья: *поборов болевой приступ, она вытирала платком солба* и *висков лимонный пот*, *больше похожий на гной* (Елиз.) (ОК НКРЯ); смерти: *И венчик розовый лепили На костяной*

лимонный лоб (Бун.) (ПК НКРЯ); [вестиальный] *Мама приспособила для нее свое лимонного цвета платье* (Мож.) (ОК НКРЯ);

– пространства «вещного мира»: *Где я тебе лимонную скатерть возьму?* (Ем.) (ОК НКРЯ); *бросала открытым возле Cafe de Paris свой лимонный «ламборгини»* (Кар.) (ОК НКРЯ);

– гастрономического пространства: *Ярко-лимонные джины*, *густо-лиловые виски*, *сочно-зеленые ромы* (Гар.) (ОК НКРЯ); *впиваясь белыми зубками в лимонно-желтую мякоть кекса* (Мар.) (ОК НКРЯ);

– дома: [интерьер] *в большой комнате и коридоре стены лимонные* (форум) (ОК НКРЯ); *слова рядом с яркостью сиреневых ковров и лимонно-лиловых кресел кажутся какими-то тусклыми* («Домовой») (ОК НКРЯ);

– пространства города: *так день за днем, лимонные здания*, *темнота*, *сквозняки* (Зав.) (ОК НКРЯ);

– пространства науки: [лингвистика] *в русском языке формируется мощный пласт цветообозначений, которыми мы пользуемся и сейчас – «вишневый», «васильковый», «лимонный»* (Ерем.) (ОК НКРЯ); [растениеводство] *бархатцы Мари Хелен – высокорослые с крупными лимонно-желтыми махровыми соцветиями* (Урож.) (ОК НКРЯ);

– промышленности: [промышленное производство] *из шлама получают железистые пигменты, которые испытаны в качестве компонентов красок цветовой гаммы от черного до лимонно-желтого цвета* (Техн.) (ОК НКРЯ); [горная промышленность] *в Удачинском ГОКе компании «АПРОСА» был добыт ювелирный алмаз лимонного цвета* (Нов.) (ОК НКРЯ);

– пространства творчества: [живопись] *схема дает представление об оттенках различных цветов и соответствующих им акварельных красках: кадмий лимонный, кадмий желтый средний, охра желтая* (Баук.) (ОК НКРЯ); [песенное творчество] *до сих пор идут споры о том, какой смысл вкладывал автор этого романа в эпитет «лимонный»* (Овч.) (ОК НКРЯ); [ландшафтный дизайн] *Декоративную форму можно узнать по лимонно-желтой окраске листьев* (Каз.) (ОК НКРЯ); [архитектура] *Богоявленский храм, что в Китай-городе, с золотой луковицей смотрится с Москворецкого моста, как отекающий вниз шлепок лимонной краски* (Балд.) (ОК НКРЯ); а также в конструировании цветового темпорального измерения (2 ТК):

– ТК «Время суток»: [рассвет] **на востоке** возникла узкая **лимонная полоса света** (Мих.) (ОК НКРЯ); [заря] *Лишь улыбались дали Да наша жидкая / Лимонная заря* (Есен.) (ПК НКРЯ); [закат] **закат** в полнеба – розовый в середине и **бледно-лимонный по краям** (Мих.) (ОК НКРЯ); [вечерняя заря] (с учетом пространственной составляющей) **над Сингапуром круглый год в одно и то же время разгорается лимонно-малиновая тропическая заря** (Овч.) (ОК НКРЯ); [сумерки] (в пересечении ТК) **время моих любимых лимонно-летних сумерек** (Руб.) (ОК НКРЯ); [ночь] **Тонкий лимонный лунный свет. Сердцу приятно с тихою болью Что-нибудь вспомнить из ранних лет** (Есен.) (ПК НКРЯ);

– ТК «Время года»: [лето] **время моих любимых лимонно-летних сумерек** (Руб.) (ОК НКРЯ); [осень] **В осеннюю пору цвет листвы становится лимонно-желтым, багряным и лососевым** (обобщ.) (ОК НКРЯ).

Рекламный дискурс (Авито), согласно проведенному исследованию, фиксирует 76 ТЦ, основанных на цветовом описании лимона, включая 30 композитов (свыше 30 000 контекстов), лексикографирование которых, выявление специфики актуального функционирования значимы для создания комплексного описания цветовой концептосферы русского языка: цв. *Lemon Frost, Lemon Grass, Lemon Tonic, Lemon Yellow, Milk Lemon, Soft Lemon*, бананово-лимонный пунш, жаркий лимон, желтый лимон, желтый лимонный, зеленый лимон, лимон с горчицей, лимон на золоте, лимон с лузгой, цв. лимон / лимона / *lemon*, лимонная цедра / *Lemon Zest*, лимонное золото, лимонный желтый, лимонный зефир, лимонный лед, лимонный металл, лимонный неон, лимонный пунш, лимонный яркий, лимонный, лимончик, люминесцентный лимон, мякоть лимона, насыщенного лимона на ветке дерева, насыщенный лимон, насыщенный лимон-лайм, нежный лимон, незрелый лимон, неоновый лимон, неоновый лимонный, пастельный лимон, светлый лимон, солнечный лимон, сочный лимон, спелый лимон, узбекского лимона, флуоресцентный лимонный, холодный лимон, цитриновый, яркий желтый лимон, яркий лимон, ярко-желтый лимон, композиты различного состава, которые условно могут быть сгруппированы следующим образом: а) желто-лимонный, лимонно-желтый, лимонно-зеленый, лимонно-салатовый; б) золотисто-лимонный, лимонно-золотистый, лимонно-золотой, лимонно-бирюзовый; в) лимонно-горчичный,

сливочно-лимонный; г) серовато-лимонный; д) бледно-лимонный, лимонно-пастельный, нежно-лимонный, неоново-лимонный, приглушенно-лимонный, прозрачно-лимонный, разбеленно-лимонный, светло-лимонный, сочно-лимонный, темно-лимонный, ярко-лимонный; е) лимон-лайм, лимон-молоко; ж) желто-лимонно-горчичный, коричнево-медово-цитриновый; з) бледно-лимонно-лаймовый, приглушенно-желто-лимонный, сочно-лимонно-лаймовый; и) ярко-неоново-лимонный. Например: *Пряжа для вязания Lucky Star, цвет лимон на золоте* (Авито); *Кожаная сумочка Picard лимонно-бирюзового цвета* (Авито); *Платье-сарафан, легкое, цвет бледно-лимонно-лаймовый* (Авито).

Ср. с зафиксированными в словарях цветообозначений ТЦ (ЗЗ): *кожа лимона* [10, с. 129]; *лимонный каприз* [10, с. 152]; *лимонный, лимон, кожура лимона, мякоть лимона, корка нежного лимона, лимонная цедра, лимон в чае, дынно-лимонный, лимонное желе* [10, с. 204]; *бледно-золотисто-лимонный, бледно-лимонный* [11, с. 54–55]; *густо-лимонный* [11, с. 122]; *желтовато-лимонный* [11, с. 141]; *желто-лимонный* [11, с. 148]; *золотисто-лимонный* [11, с. 189]; *лимон, лимонно-багровый, лимонно-бирюзовый, лимонно-желтый, лимонно-зеленый, лимонно-красный, лимонно-летний, лимонно-пегий, лимонно-черный, лимонно-яркий, лимонный* [11, с. 270–271]; *нежно-лимонный* [11, с. 326]; *прозрачно-лимонный* [11, с. 398]; *светло-лимонный* [11, с. 457]; *серо-лимонный* [11, с. 492]; *темно-лимонный* [11, с. 562]; *цитриновый* [11, с. 601]; *ярко-лимонный* [11, с. 646]. Таким образом, в результате проведенного нами исследования состав искомым ТЦ расширен до 108 (!).

Выявленные ТЦ коррелируют с номинациями товаров, относимых, по нашим наблюдениям, к 28 категориям «Авито», среди которых, напр.: «Автомобили», «Аквариум», «Детская одежда и обувь», «Запчасти и аксессуары», «Красота и здоровье», «Мебель и интерьер», «Одежда, обувь, аксессуары», «Растения», «Ремонт и строительство», «Спорт и отдых», «Телефоны», «Фототехника», «Часы и украшения» и др. Например: *Балетки Respect, очень мягкие, цвет насыщенный лимон* (Авито); *Телефон iPhone 13, силиконовый чехол «Лимонная цедра»* (Авито).

Специфика создания и функционирования рекламных ТЦ реализуется:

1) в фиксации значимости корректной цветопередачи: *Чайная скатерть в нежном*

цвете лимончик. **Цвет не желтый, а лимонный пунш** (нежнее нежного) (Авито); также опосредованной: Змея (ручная). **Наконец-то у меня получилось передать настоящий цвет (лимонный по хребту и мандариновый по бокам)** (Авито); также фиксации роли освещения при восприятии цвета: **Эффектное платье Zara из хлопка. Цвет очень красивый, нежный лимон, фотографировала с разного освещения.** Цвет: желтый (Авито). Корректность цветопередачи достигается: а) подбором синонимов: **Сумка приглушенно-лимонного или дынного цвета.** (Авито); б) обращением к каталогу производителя, цифровому обозначению цвета: **Пряжа для вязания Weltus Iris, хлопок, цвет 37 неоновый лимонный** (Авито); в) попытками автора рекламного текста самостоятельно определить цвет: **Платье из тонкой шерсти фисташкового (светло-оливкового) цвета. Или, я бы сказала, цвет незрелого лимона** (Авито);

2) в вариативности толкования цветового значения, напр., цв. *нежный лимон*: а) 'желтый': **Натуральный сарафан H&M, цвет нежный лимон (желтый)** (Авито); б) 'зеленый': **Демисезонный комбинезон Reima, цвет нежный лимон.** Цвет: **зеленый** (Авито); в) 'бежевый': **Платье Zara, макси, бежевый цвет (нежный лимон)** (Авито);

3) в широчайшей оценочности (36 характеристик, напр.: актуальный, благородный, вкусный, волшебный, жизнерадостный, красивый, летний, насыщенный, неизбитый, освежающий, приглушенный, солнечный, универсальный, эксклюзивный, яркий и др.): **Пуховик. Интересный, неизбитый цвет – пастельный лимон** (Авито); **Пальто Concept Club шедеврального цвета, цвет яркий лимон, из натуральных тканей** (Авито); **Пальто стильное. Цвет бомба – лимонно-салатовое** (Авито);

4) в гендерной соотнесенности цвета: **Детский плед из пряжи Alize Puffy. Цвет светлый лимон, подойдет как для мальчика, так и для девочки** (Авито);

5) в актуализации других каналов восприятия: **Круизная накидка Arpigi. Цвет бананово-лимонный пунш и роскошные цветы в оттенке бордо** (Авито); **Хлопковый комплект из премиального футера в цвете лимонный лед** (Авито);

6) в обусловленности сферой функционирования ТЦ: [ювелирное дело] **Кабошон из натурального янтаря. Доступные цвета: коньяк, вишня, лимон, лимон с лузгой** (Авито);

7) в учете сочетаемости цветов: **Итальянское платье Patrizia Pepe. Цвет лимонный, яркий. На бежевой подкладке смотрится шикарно** (Авито); **Босоножки Vita. Цвет приглушенно-лимонный, ненавязчивый. Универсальный цвет, который сочетается с различными цветами** (Авито);

8) в апелляции к ассоциативному потенциалу цвета: **Колье из аметрина. Энергетика каждого оттенка оказывает воздействие на человека: цитриновый цвет ассоциируется со счастьем, восторгом, положительным настроением** (Авито);

9) в фиксации влияния, которое оказывает цвет: **Красивый кардиган в очень красивом цвете сочный лимон)). Добавит ярких красок в летнюю погоду к вашему образу)))** (Авито).

Заключение

Таким образом, в результате осуществленного на материале текстов различных дискурсов исследования:

1) выявлен состав ТЦ, значимых в колористической визуализации лимона (13): белый, желтый, зеленый, золотой, кислотный, коричневый, красный, лимонный, оранжевый, рдяный, салатовый, фиолетовый, черный;

2) выявлены доминанты цвета: *желтый* (словари, НАЭ, ОК НКРЯ), *золотой* (проза К. Г. Паустовского, ПК НКРЯ);

3) установлены уникальные (единичные) цветоописания лимона, демонстрирующие индивидуальную / индивидуально-авторскую цветовую картину мира, напр., *кислотно-желтый* (НАЭ), *рдяный* (ПК НКРЯ);

4) описан состав призванных уточнить цветовое значение композитов различного состава (7), двусоставных цепочек цвета (4), других способов передачи цветового впечатления;

5) выявлены способы расширения цветового спектра лексемами со значением интенсивности окраски, со значением 'быть в цвету', 'спелый', 'свет' и 'тьма';

6) описана сочетаемость ТЦ преимущественно с фитонимической лексикой, параметрической, гастрономической;

7) выявлен функциональный потенциал колористических дескрипций лимона, который реализуется в онтологической, изобразительно-выразительной, прототипической функциях, в функции создания цветового хронотопа

(5 цветовых пространственных измерений (преобладают гастрономическое и пространство страны), одного темпорального);

8) степень реализации прототипической функции охарактеризована как высокая: на материале данных НАЭ, прозы К. Г. Паустовского, НКРЯ, рекламных текстов, словарей цветообозначений выявлено 108 ТЦ, основных на колористическом описании лимона, 77 из них не фиксировались ранее в словарях цветообозначений. Выявлены особенности создания рекламных ТЦ, их актуального функционирования.

Полученные результаты вносят вклад в создание по возможности полной версии описания цветовой концептосферы флористического пространства русского языка; носят как научный, так и прикладной характер – могут быть использованы также специалистами, работающими в области рекламы и копирайтинга.

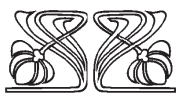
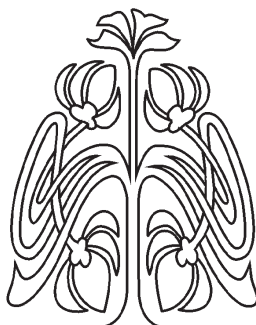
Список литературы

1. *Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М. : Московский Лицей, 2001. 470 с. EDN: RATMVZ
2. *Румянцева М. В.* Метафорические сравнения с эталоном цвета (на материале русского художественного дискурса) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 7, № 2 (26). С. 42–59. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2021-7-2-42-59>, EDN: JDDHNI
3. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М. : ЧеРо, 2003. 349 с. EDN: QVXNUB
4. *Сидорова Н. А., Федулова М. Н.* Вербализация категории цвета в английском языке (на материале публицистических текстов) // Вестник Московского государственного областного университета. 2019. № 2. С. 180–193. EDN: ELXJVC
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. и сост. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
6. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой : в 6 т. Т. 1. М. : Институт русского языка РАН, 2002. 807 с.
7. *Шапошникова И. В., Романенко А. А.* Русский региональный ассоциативный словарь: Сибирь и Дальний Восток (СИБАС 2) : в 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. 920 с.
8. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : АСТ-Астрель, 2002. Т. 1: От стимула к реакции. 784 с. Т. 2: От реакции к стимулу. 992 с.
9. Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы / под ред. Н. Д. Голева. Кемерово : Изд-во Кемеровского ун-та, 2011. 536 с.
10. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М. : КомКнига, 2005. 216 с.
11. *Харченко В. К.* Словарь цвета: полная версия. Белгород : ИД «БелГУ», 2021. 656 с. EDN: ARTZQS
12. *Паустовский К. Г.* Собр. соч. : в 9 т. М. : Художественная литература, 1981–1986.
13. *Дзюба Е. В.* Лингвокогнитивная категоризация в русском языковом сознании. Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2015. 286 с. EDN: UOKADR
14. *Кульпина В. Г.* Лингвистическая цветология: от истории к современности цветowych концептосфер. М. : МАКС Пресс, 2019. 288 с. EDN: AMDFKX
15. *Сивова Т. В.* Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К. Г. Паустовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018. 32 с.

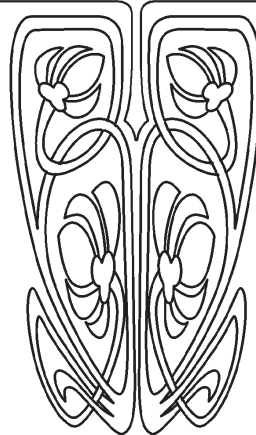
Поступила в редакцию 13.08.2025; одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 13.08.2025; approved after reviewing 16.09.2025; accepted for publication 10.02.2026

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 168–173

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 168–173

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-168-173>

EDN: OYLSUL

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Чехов+Тургенев]

«Скучная история» А. П. Чехова: тургеневский контекст

Т. Г. Дубинина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

Дубинина Татьяна Геннадьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Архива А. М. Горького, dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-2546-0164>

Аннотация. В статье на материале повестей «Дневник лишнего человека», «Скучная история», романа «Отцы и дети» рассмотрен вопрос о своеобразии художественного диалога И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Среди произведений Тургенева особенно выделяется повесть «Дневник лишнего человека», ставшая его большим художественным открытием. Писателю удается запечатлеть не только важные черты своего современника («обыкновенный» человек 1840-х гг.), но и создать типологически универсальный характер. И хотя в чеховскую эпоху тургеневская метафора приобретает расширительный смысл и ассоциируется с романским героем, Чехову на протяжении всего творчества был интересен именно тургеневский вариант «лишнего человека». К «Дневнику лишнего человека» у Чехова отсылают аллюзии в подзаголовке повести и в первых ее строках. Однако тургеневский контекст гораздо шире. Чехов, вслед за Тургеневым, исследует историю человеческой души, когда герой находится на пороге смерти. Противопоставляя безвестному Чулкатурину именитого профессора, писатель выводит на первый план дихотомию «мое имя – я». Но имя никак не описывает личность профессора, тогда как у Чулкатуринина есть важное для него открытие – он «лишний». Повести объединены темой экзистенциального одиночества, бренности человеческого бытия, остро переживаемого героями в ситуации «на пороге». Важным также оказывается противопоставление «вечная природа – смертный человек». Заметную роль играет повторяющийся мотив окна, через которое герой смотрит на внешний мир. Обоим персонажам удастся примириться со своей участью и уйти светло. Но если для Чулкатуринина отправной точкой станет его открытие самого себя, то для профессора – отцовская любовь к Кате. Родительская любовь как непреходящая ценность описана в романе «Отцы и дети», который также является претекстом к «Скучной истории».

Ключевые слова: Тургенев, Чехов, «Дневник лишнего человека», «Скучная история», творческий диалог, контекст

Для цитирования: Дубинина Т. Г. «Скучная история» А. П. Чехова: тургеневский контекст // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 168–173. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-168-173>, EDN: OYLSUL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

A Boring Story by A. P. Chekhov: Turgenev's context

T. G. Dubinina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 25a Povarskaya St., Moscow 121069, Russia

Tatiana G. Dubinina, Dubinina-tatyana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-002-2546-0164>

Abstract. The article examines the originality of I. S. Turgenev's and A. P. Chekhov's artistic dialogue based on the stories *The Diary of a Superfluous Man*, *A Boring Story*, and the novel *Fathers and Sons*. Among Turgenev's works, the story *The Diary of a Superfluous Man* stands out as a significant artistic discovery. Not only does Turgenev capture the important features of his contemporary ("the ordinary" man of the 1840s), but he also creates a typologically universal character. Although in Chekhov's era Turgenev's metaphor acquired a broader meaning and became associated with the novel's protagonist, Chekhov remained interested in Turgenev's version of the "superfluous man" throughout his entire career. Allusions to *The Diary of a Superfluous Man* by Turgenev can be found in the subtitle and opening lines of Chekhov's story. However, Turgenev's context is much broader. Following Turgenev's lead, Chekhov explores the history of the human soul when the protagonist is on the verge of death. By contrasting the unknown Chulkaturin with the famous professor, the writer highlights the dichotomy of "my name is me." The professor's name does not describe his personality, whereas Chulkaturin has a significant discovery: he is "superfluous." The stories are united by the theme of existential loneliness and transience of human existence, which the characters experience acutely in their "threshold" situations. The contrast between the "eternal nature" and "mortal man" also plays a significant role. The recurring motif of the window, through which the characters observe the outside world, also plays a prominent role. Both characters manage to come to terms with their fate and leave in a positive light. However, while Chulkaturin's journey begins with his discovery of himself, the professor's journey is marked by his fatherly love for Katya. This theme of parental love as a timeless value is further explored in the novel *Fathers and Sons* which serves as a prequel to *A Boring Story*.

Keywords: Turgenev, Chekhov, *The Diary of a Superfluous Man*, *A Boring Story*, creative dialogue, context

For citation: Dubinina T. G. *A Boring Story* by A. P. Chekhov: Turgenev's context. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 168–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-168-173>, EDN: OYLSUL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблема творческого диалога И. С. Тургенева и А. П. Чехова оставалась актуальной на протяжении всего XX в. [1–3]. Волнует она и современных ученых [4, 5]. Доказательством актуальности проблемы стал сборник материалов статей по результатам Шестых Скафтымовских чтений, увидевший свет в 2020 г. [6].

Повесть «Скучная история» в контексте изучения творческого диалога художников интересовала исследователей [7], однако находилась скорее на периферии исследовательского внимания. Между тем связь «Скучной истории» с тургеневским наследием очевидна еще и потому, что Чехова живо интересовали открытия Тургенева в сфере «сердеведения» [8, С, т. 12, с. 327], и влияние его художественной антропологии на представления Чехова о природе человека нельзя не учитывать. Важнейшим ключом для понимания одной из самых загадочных повестей Чехова является «Дневник лишнего человека». На это указывают аллюзии к тургеневскому тексту в заглавии («Из записок старого человека») и в самом начале повести («...шея, как у одной тургеневской героини, похожа на ручку контрабаса» [9, С, т. 7, с. 252]). Также к «Дневнику лишнего человека» читателя отсылает определение героя, которое

дает единственно близкий ему персонаж – Катя («Вы лишний» [9, С, т. 7, с. 283]), которое ужасает и возмущает старого профессора. Однако ограничиться только текстуальными переключками было бы большой ошибкой. Важно понимать, что увидел Чехов в тургеневском «лишнем человеке» и какие размышления предшественника были ему интересны.

«Дневник лишнего человека» стал этапным произведением Тургенева. В образе Чулкатурина ему удалось не только запечатлеть важные черты современника (обычный человек 1840-х гг.), но и создать типологически универсальный характер, о чем убедительно написал Ю. В. Манн [10]. Умирая, герой настойчиво ищет определение себе, пытаясь ответить на вопрос «Что я такое?». Найденное слово «лишний» оказывается наиболее точным и очень радует Чулкатурина. Для героя это определение самого себя – великое благо, которое позволяет ему утвердить себя в экзистенциальном смысле и уйти светло. И хотя в конце XIX столетия понятие «лишний человек» традиционно использовали по отношению или к романтическим героям, или как характеристику «нытиков» [11] и «гамлетиков» [12], Чехову, видимо, был интересен прежде всего тургеневский «истинно лишний человек» [13].

«Скучная история» – один из самых загадочных чеховских текстов, вокруг которого по сей день не умолкают споры [14,15]. Наиболее убедительной представляется концепция И. Н. Сухих [16], назвавшего «Скучную историю» повестью идеологической, экзистенциальной, «о бытии–на–пороге». В исследовании «бытия–на–пороге», человека в его отношении к неизбежности смерти, возможно, видел свою задачу автор, писавший о новизне сюжета [9, П, т. 3, с. 234] и определивший свой текст как «диссертацию» [9, П, т. 3, с. 250]. Такой интерес объясним и биографически – Чехов начинает работу над повестью после смерти брата Николая, первой потери близкого человека, произведшей на писателя тяжелое впечатление: «...во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни серого неба, ни слез на деревьях; говорю – не забыть, потому что утром приехал из Миргорода мужичонко и привез мокрую телеграмму: «Коля скончался». <...> Дома я застал горе. Наша семья еще не знала смерти, и гроб пришлось видеть у себя впервые» [9, П, т. 3, с. 227].

В статье И. Н. Сухих в качестве претекста «Скучной истории» названа «Смерть Ивана Ильича» Л. Н. Толстого. Соглашаясь с выводами ученого, отметим, однако, что между повестями есть существенное различие – в тексте Чехова изменения внутренней жизни героя фиксируются им самим в виде записей. Читатель наблюдает за рефлексией героя непосредственно, тогда как в произведении Толстого об изменениях в душе персонажа мы узнаем от рассказчика. С точки зрения формы повествования «Дневник лишнего человека» чеховской повести оказывается ближе. «Дневник» и «записки» – вариации «эго-документов», написанных для себя и не предполагающих чтения посторонними. Здесь авторы предельно искренни, вопросы, которые они ставят, на самом деле глубоко их волнуют. Повествование и в том, и другом случае представляет собой воспоминания и рефлексию героев. Настоящее и Чулкатурина, и Николая Степановича не богато событиями, сюжетный план в этом смысле составляют сугубо бытовые дела. Самое главное происходит внутри героев и становится достоянием личных записей. Их размышления и рефлексия являются центром повествования. Рождаются они из одного и того же события – оба ясно понимают, что земной путь подходит к концу. Художественное исследование состояния человека «на пороге» и стало предметом творческого диалога Чехова и Тургенева.

Самое главное, что объединяет героев, – ожидание скорой смерти и отсутствие надежды на выздоровление. В этот момент оба персонажа пытаются объяснить себе самих себя, найти свое место в мире. Чехов в какой-то мере отталкивается от Тургенева, и их персонажи оказываются во многом противопоставлены друг другу.

Чулкатурин – никому не известный обыватель, тихо умирающий в своем маленьком имени. Николай Степанович – профессор с общеевропейским именем. На пороге смерти Чулкатурин старается сам себе объяснить, что он такое, и находит определение – «лишний». Осознав свое место в мире, он светло прощается с жизнью, посылая благословение всему живому. Положение Николая Степановича едва ли не более трагично, поскольку у него конфликт с его собственным именем, которое не брэнно, в отличие от него самого: «Теперь мое имя безмятежно гуляет по Харькову; месяца через три оно, изображенное золотыми буквами на могильном памятнике, будет блеснуть, как самое солнце, – и это в то время, когда я буду уж покрыт мохом...» [9, С, т. 7, с. 308]. Имя героя вызывает у окружающих уважение и трепет, оно «путешествует» отдельно от него, на его адрес идут телеграммы, его печатают в газетах, но оно не имеет отношения к внутренней, духовной жизни профессора. А никакого другого описания себя он придумать не может. Дихотомия «имя – внутренний мир человека» в ее противоречивости становится одной из важнейших в повести, не зря ее первоначальное название – «Мое имя и я» [9, С, т. 7, с. 671].

Имени Чулкатурина мы не знаем, но у него есть определение, найденное им самим. Ситуация у Чехова зеркальна – мы не знаем фамилии знаменитого профессора, но у него есть имя. Однако на пороге смерти это лишь пустой звук, никак не характеризующий героя. Старый профессор пытается «познать самого себя» [9, С, т. 7, с. 306], но, увы, безуспешно. На последних страницах повести настойчиво повторяется слово «чужой»: «чужой город», «чужая кровать», «чужое серое одеяло» [9, С, т. 7, с. 306]. Семантически слова «чужой» и «лишний» близки, но принципиальная разница состоит в том, что Чулкатурин признает лишним себя, а Николай Степанович называет чужим окружающий его материальный мир. Окончательного определения себя, которое устроило бы героя, профессору найти не удастся. С некоторой долей условности таким определением можно считать слово «равнодушный». Николай Степанович думает,

что он «равнодушен» ко всему, с тоской вспоминает время, когда он «не был равнодушен», получив телеграмму о внезапной замужестве дочери, он пугается своего спокойствия. Герой так характеризует себя: «...равнодушие – это паралич души, преждевременная смерть» [9, С, т. 7, с. 306]. Как врач, Николай Степанович ставит диагноз своему нравственному состоянию, но, в отличие от Чулкатурина, его не радует это открытие. Да и слово «равнодушный» вряд ли точно описывает место профессора в мире.

Оба героя очень остро чувствуют свое одиночество. Чулкатурин пытается говорить о смерти со своей няней, Терентьевной, но та не слышит его. Все, что интересует добродушную старушку, – подарок Чулкатурина другой служанке, обидевший ее, и возможность лишней раз выпить чаю. На пороге смерти Чулкатурин жалуется на «страшную пустоту» вокруг. Это ощущение поддержано Тургеневым в финале повести – после смерти Чулкатурина его дневник читает некто господин Зудотешин, который содержания «сей рукописи не одобрил» [8, С, т. 4, с. 215]. Светлое прощание Чулкатурина с миром профанируется последними строками текста, подчеркивая абсолютное одиночество героя. Состояние пустоты переживает и профессор. Николай Степанович не раз говорит любимой воспитаннице Кате о скорой смерти. Но он не будет услышан. Семья же профессора, погруженная в бытовые проблемы, просто не замечает ни его худобы, ни болезненного вида. Чем ближе к смерти, тем сильнее раздражает Николая Степановича его знаменитое имя и его окружение, занятое исключительно собой и не понимающее переживаний и страхов профессора: жена требует от него серьезного отношения к будущему замужеству Лизы и жалуется на нехватку денег; коллега спешит «поделиться мыслями» и «пикантными» новостями из мира науки; Катя, искренне любящая приемного отца, переживает ту же разъедающую рефлексию и не может стать герою опорой. Мир живых с их повседневными заботами и радостями отдален и от Чулкатурина, и от чеховского профессора, герои уже не чувствуют себя органичной частью жизни. Тема экзистенциального одиночества человека становится важнейшим объединяющим звеном для текстов Тургенева и Чехова.

Особую роль играют отношения героев с природой и внешним миром, которые подчеркнуты повторяющимся мотивом – герой смотрит из окна. Чулкатурин, наблюдающий за приходом весны, видит воробья, каждое пе-

рышко которого «дышит здоровьем и силой», но не испытывает злости: воробей «имеет право кричать и ерошиться» [8, С, т. 4, с. 169] по закону самой жизни, молодости и здоровья. Чеховский герой из окна своей дачи любит детей, играющими на улице и смеющимися над его лысиной. Разность умирающего профессора и детей подчеркнута саркастически: Николай Степанович вспоминает цитату из Ветхого завета «гряди, плешивый!» [9, С, т. 7, с. 294]. Если учесть, что слово «гряди» в данном конкретном контексте может быть прочитано как «уходи», то отношения героя с миром становятся почти враждебными – природа избавляется от всего больного и отжившего, освобождая место молодому и здоровому. Тургеневское противопоставление «здоровый – больной» оказывается важной частью «Скучной истории».

Еще одна дихотомия, объединяющая повести, смертный человек – вечная природа. Если Чулкатурин наблюдает приход весны и горестно восклицает: «О природа! природа! Я так тебя люблю, а из твоих недр я вышел неспособным даже к жизни!» [8, С, т. 4, с. 169], то профессор, не потерявший способности наслаждаться красотой мира, отдает себе отчет, что «все эти сосны и ели, птицы и белые облака на небе <...> когда я умру, не заметят моего отсутствия» [9, С, т. 7, с. 298]. Повторяющийся мотив окна, через которое герой смотрит на равнодушный внешний мир, может быть прочитан трагически – течение жизни не останавливает одна частная смерть, природа и мир в целом равнодушны и к страданиям отдельного индивида, и к бренности всего земного в целом.

Универсальность проблем, поставленных в «Дневнике лишнего человека», становится понятной при анализе женских персонажей. Чулкатурин, вспоминая свою мать, использует точную метафору: она всю жизнь «копошилась и возилась, как муравей – и без всякой пользы» [8, С, т. 4, с. 166]. Лиза Ожогова, в которую влюблен Чулкатурин, пережив любовную драму, также почувствует вдруг «страшную пустоту». Из героинь Чехова подобные моменты переживут Лиза и Катя. У Лизы вдруг случается ночная истерика, объяснить которую она не может. Героиня лишь чувствует, что ей тяжело и старается найти защиту у отца. Катя же, пережив и разочарование в ремесле актрисы, и трагедию любви, и смерть ребенка, настойчиво просит Николая Степановича объяснить ей ее собственную жизнь. Еще на даче она обращается к нему с вопросом, правда ли, что она

«отрицательное явление», а в Харькове, рыдая, настойчиво задает вопрос: «Что мне делать?» [9, С, т. 7, с. 308–309]. Рыдания воспитанницы живо трогают профессора, и, не в силах помочь, он в отчаянии восклицает: «...душа этой бедняжки не знала и не будет знать приюта всю жизнь, всю жизнь!» [9, С, т. 7, с. 309]. Найденная Тургеневым метафора «человек-муравей, копошащийся без пользы» как нельзя лучше описывает ощущения и чеховского героя, размышляющего, что 62 года жизни прожиты зря, и его дочерей – родной и приемной.

На универсальность художественных открытий Тургенева указывает и аллюзия к «Дневнику лишнего человека» в начале «Скучной истории». Сравнивая себя с тургеневской героиней, шея которой похожа на ручку контрабаса, Николай Степанович отсылает читателя к второстепенной героине, саркастично описанной Чулкатуриным. Даму он случайно встретил на балу и назло Лизе пригласил ее на мазурку, доведя несчастную до отчаяния своими ядовитыми замечаниями. Случайность как одна из характернейших черт чеховской поэтики описана еще А. П. Чудаковым [17], однако мысль ученого можно и должно расширить [18]. Случайными оказываются не только характеристики героев, но и отношения между людьми носят характер призрачности, необязательности, иногда и лживости. Отсылка к тургеневской героине лишней раз подтверждает эту мысль.

Кроме того, такое описание внешности героини могло привлечь Чехова-художника. Его писательская манера подразумевает особое внимание к художественным деталям [19], иногда вместо характеристики персонажа читателю предлагается та или иная подробность, оказывающаяся исчерпывающей. Поэтика тургеневской повести в части создания образов Чехову была, видимо, понятна и художественно близка.

Важнейшим текстом, который также припоминается в «Скучной истории», является роман «Отцы и дети». На этот претекст чеховской повести справедливо указала Т. В. Коренькова, описав Николая Степановича как «постаревшего Базарова» [20]. Думается, однако, что этим переключки не ограничиваются. Как известно, Чехов восхищался «старичками Базаровыми», ставя в центр вопрос о детско-родительских отношениях. На них же акцентируется внимание и при авторской характеристике профессора: «...будь он [Николай Степанович] иного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли» [9, П, т. 3, с. 255].

В романе «Отцы и дети» Тургенев описывает родительскую любовь в высшем проявлении [21]. Именно молитвы старичков в финале романа дают Базарову надежду на «примирение и жизнь бесконечную» [22]. У Чехова ситуация иная – искренне любя обеих дочерей, герой, однако, слишком занят собой, чтобы заметить нюансы внутренней жизни даже самых близких людей. Но на пороге смерти герою все же удается светло попрощаться с жизнью благодаря истинному сокровищу – любви к Кате. В. Н. Чубарова [23] справедливо описала финал повести как надежду на прощение для старого профессора. В заключительных строках повести Чехов показывает, что герой напряженно ждет, что Катя обернется, но, не дождавшись, отпускает приемную дочь без гнева и обиды: «Прощай, мое сокровище!» [9, С, т. 7, с. 310]. Хотя разрыв между героями не будет преодолен, отцовская любовь и нежность дают надежду, что «смерть души» героя, о которой он так много размышляет на последних страницах повести, все же не окончательна.

Заключительные слова «Скучной истории» до некоторой степени перекликаются с последней фразой чулкатуринского дневника: «Я умираю... Живите, живые!» [8, С, т. 4, с. 215]. Однако если тургеневскому герою попрощаться с миром светло помогает открытие своего «я», то профессору, потерпевшему поражение в познании самого себя, надежду на прощение и примирение дарит как будто внезапно открытая им отцовская любовь.

Тургенев – один из важнейших предшественников Чехова, с которым он вел творческий диалог на протяжении всей жизни. Особенно внимательно Чехов относился к открытиям Тургенева в области «сердцеведения». Художественная антропология автора «Отцов и детей» живо интересовала писателя. «Скучная история» – не исключение. Творческий диалог с произведением Тургенева Чехов ведет на многих уровнях поэтики – от аллюзий до философской и экзистенциальной проблематики повести. Чехов вслед за Тургеневым исследует эволюцию духа человека на пороге смерти. Персонажи повестей «Дневник лишнего человека» и «Скучная история», находясь в конце земного пути, пытаются познать самое себя. Если Чулкатурину удастся найти важнейшее в его жизни определение, то Николай Степанович не сможет ответить на главный вопрос «Что я такое?». Чехов, отталкиваясь от тургеневской традиции,

делает своего героя знаменитым профессором, предлагая новую дихотомию «мое имя – я». Громкое имя оказывается пустым звуком, никак не описывая внутреннюю жизнь героя. Тургеневское противопоставление «смертный человек – вечная природа» оказывается важным и в пространстве «Скучной истории», герои, наблюдающие за миром из окна, болезненно осознают трагедию конечности и бренности человеческого бытия. Персонажи оказываются объединены и темой экзистенциального одиночества – в конце земного пути они не находят понимания и сочувствия даже у близких. Светло попрощаться с жизнью чеховскому герою, не нашедшему себе определения, позволяет отцовское чувство к Кате. Таким образом претекстом «Скучной истории» является и роман «Отцы и дети», утверждающий непреходящую ценность родительской любви.

Список литературы

1. Бялый Г. А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л. : Советский писатель, Ленингр. отд-ние, 1990. 638 с.
2. Гришунин А. Л. Чехов и «Записки охотника» // Контекст: литературно-теоретические исследования / отв. ред. А. В. Михайлов. М. : Наука, 1989. С. 247–259. EDN: XFPYBN
3. Паперный З. С. Творчество Тургенева в восприятии Чехова // И. С. Тургенев в современном мире : сб. ст. / отв. ред. С. Е. Шаталов. М. : Наука, 1987. С. 127–135.
4. Кубасов А. В. Художественная рецепция И. С. Тургенева в прозе А. П. Чехова // Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 124–131. <https://doi.org/10.26710/fk18-04-18>, EDN: YUNVWN
5. Сахаров В. И. Высота взгляда (Тургенев и Чехов) // Сахаров В. И. Русская проза XVIII–XIX веков. Проблемы истории и поэтики. М. : ИМЛИ РАН, 2002. С. 197–215.
6. А. П. Чехов и И. С. Тургенев : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. «Шестые Скафтымовские чтения: к 200-летию со дня рождения И. С. Тургенева» (Москва, 8–10 ноября 2018 г.) / редкол. : Ю. Н. Борисов [и др.]. М. : ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, 2020. 423 с. EDN: XMSSTN.
7. Ай Ц. Образ «лишнего человека» в «Скучной истории» А. П. Чехова // V Столыпинские чтения. Публичная политика и социальные науки : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием (Краснодар, 15–16 апреля 2016 г.) / отв. ред. В. М. Юрченко. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2016. С. 540–543. EDN: XYFGAL
8. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т.; Письма : в 18 т. / редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1978–2014.
9. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Сочинения : в 18 т.; Письма : в 12 т. / редкол. : Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. М. : Наука, 1974–1983.
10. Манн Ю. В. Тургенев и другие. М. : РГГУ, 2008. 630 с.
11. Трубецкой С. Н. Лишние люди и герои нашего времени // Вопросы литературы. 1990. № 9. С. 131–145.
12. Михайловский Н. К. Гамлетизированные поросята // Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М. : Искусство, 1995. С. 197–209
13. Дружинин А. В. Повести и рассказы И. Тургенева // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М. : Современник, 1988. С. 261–283.
14. Линков В. Я. Художественный мир прозы А. П. Чехова. М. : Изд-во Московского ун-та. 1982. 128 с.
15. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М. : Изд-во Московского ун-та. 1979. 327 с.
16. Сухих И. Н. «Скучная история»: непрочитанная повесть Чехова // Новый мир. 2023. № 10 (1182). С. 197–209. EDN: NBBBWX
17. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М. : Наука, 1971. 292 с.
18. Степанов А. Д. Бледные люди: об одном топосе у Чехова // Культура и текст. 2019. № 3 (38). С. 171–181. EDN: LNBINN
19. Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. М. : Советский писатель, 1981. 432 с.
20. Коренькова Т. В. «Базаристей меня и человека не было»: эхо образа Базарова в «Скучной истории» А. П. Чехова // Чеховские чтения в Ялте : сб. науч. тр. XL Междунар. науч.-практ. конф. Вып. 25 / под ред. О. О. Пернацкой. Ялта : Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник, 2021. С. 175–186. EDN: PTOPON
21. Дубинина Т. Г. «Только ею ... держится и движется жизнь»: тема родительской любви в творчестве И. С. Тургенева // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 112–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-112-125>, EDN: PBPOFI
22. Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева: роман о «Вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3. С. 7–14. <https://doi.org/10.26710/fk17-03-01>, EDN: ZITTDZ
23. Чубарова В. Н. «Скучная история» А. П. Чехова: опыт интерпретации // Известия Южного Федерального университета. 2009. № 4. С. 24–33. EDN: KYTAOR

Поступила в редакцию 06.11.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 06.11.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 174–182

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 174–182

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-174-182>, EDN: RJMFLR

Научная статья

УДК 821.161.1.09-14+929Мандельштам

Поэт и заговорщики: к истории интерпретаций стихотворения О. Мандельштама «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922)

Б. А. Минц

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Минц Белла Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, bella-mints7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-4227>

Аннотация. Статья представляет собой анализ нескольких интерпретаций одного из ключевых стихотворений в поэзии Мандельштама 1920-х гг. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922). Целью автора является обозначение и анализ наиболее проблемных узлов данного лирического текста и его толкований в научной литературе. В основе лирического сюжета лежит столкновение разных жизненных позиций заговорщиков и протагониста. Логико-синтаксическая структура стихотворения сложно соотносится с образным строем. Проблема заключается в том, как с разными позициями связаны те или иные строки, образные ряды, стилистика отдельных предложений. Это порождает некоторую неопределённость в восприятии, а также разные и даже противоположные интерпретации одних и тех же фрагментов в плане их связи с тем или иным жизненным выбором. Учитываются выводы исследователей о ближайшем контексте творчества Мандельштама и некоторые замечания об интертекстуальных связях. Автор статьи сверяет наблюдения и выводы исследователей со своим восприятием текста. Высказано предположение, что лирический герой не делает окончательный выбор. Он ощущает трагизм своего положения, неразрешимость противоречий и причастность к разным полюсам русской истории. Это сочетается с принципиальной возможностью вариативного толкования отдельных элементов текста. Сложность позиции Мандельштама, а также особенности его поэтики и породили разногласия в понимании этого стихотворения.

Ключевые слова: интерпретация, протагонист, заговорщики, декабристы, цензурный вариант, антитеза, сегмент, подтекст, Мандельштам, Пушкин, Тютчев

Для цитирования: Минц Б. А. Поэт и заговорщики: к истории интерпретаций стихотворения О. Мандельштама «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 174–182. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-174-182>, EDN: RJMFLR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The poet and the conspirators: Towards the history of interpretations of O. Mandelstam's poem "For Some the Winter Means Arak and Blue-Eyed Sparkling Punches..." (1922)

B. A. Mints

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Bella A. Mints, bella-mints7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8557-4227>

Abstract. The article is an analysis of several interpretations of one of the key poems in Mandelstam's poetry of the 1920s, "For Some the Winter Means Arak and Blue-Eyed Sparkling Punches..." (1922). The purpose of the author is to identify and analyze the most problematic issues of this lyrical text and its interpretations in the scientific literature. The lyrical plot is based on the clash of different life positions of the conspirators and the protagonist. The logical and syntactic structure of the poem is intricately connected with the figurative structure. The problem lies in how certain lines, figurative rows, and the style of individual maxims are associated with different positions. This creates some uncertainty in perception, as well as different and even opposite interpretations of the same fragments in terms of their connection with a particular life choice. The researchers' conclusions about the near-term context of Mandelstam's work and some remarks about intertextual connections are taken into account. The author of the article compares the observations and conclusions of the researchers with her own perception of the text. It is suggested that the lyrical hero does not make a final choice. He feels the tragedy of his situation, of the irreconcilable contradictions, and of his involvement in the extremes of the Russian history. This is combined with the fundamental possibility of versatile interpretation of individual elements of the text.

The complexity of Mandelstam's position, as well as the peculiarities of his poetics brought forth disagreements in the understanding of this poem.

Keywords: interpretation, protagonist, conspirators, Decembrists, censored version, antithesis, segment, subtext, Mandelstam, Pushkin, Tyutchev

For citation: Mints B. A. The poet and the conspirators: Towards the history of interpretations of O. Mandelstam's poem "For Some the Winter Means Arak and Blue-Eyed Sparkling Punches..." (1922). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 174–182 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-174-182>, EDN: RJMFLR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Некоторые ключевые стихотворения Мандельштама порождают интерпретации со столь широкой смысловой амплитудой, что вновь и вновь провоцируют на признание амбивалентности как органичного свойства его поэтической системы или констатации потока образов, не поддающихся рациональному объяснению. Думается, иногда полезно обратиться к логике исследователей, в том числе к ранним этапам мандельштамоведения, чтобы попробовать понять, как разный, подчас взаимоисключающий, ход аналитической мысли связан с природой самого текста. Цель этой статьи – рассмотреть некоторые интерпретации одного из важнейших мандельштамовских текстов 1920-х гг. «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» (1922), сверяясь с его художественной спецификой и выделяя наиболее проблемные моменты.

Стихотворение не раз привлекало внимание исследователей. Оно стало предметом детального монографического изучения в статье М. Л. Гаспарова (2012 [1]). У Д. М. Магомедовой вызвала интерес его интертекстуальная структура (1991 [2]). Интерпретация стихотворения вписывалась авторами в общий анализ лирики Мандельштама (В. В. Мусатов, 2000 [3]), в рамки контекстных переключений (О. Ронен, 1983 [4]; А. Хан, 1977 [5]), в перспективу анализа отдельных проблемно-тематических линий (И. Сурат, 2009 [6]; Киришбаум, 2010 [7]), в процесс выявления адресата (Парнис, 1991 [8]). Разночтения в понимании текста касаются в этих работах не только частных деталей, но и авторской позиции, самоопределения и выбора судьбы в один из самых сложных периодов жизненного пути, т.е. некоего содержательного нерва. Это побуждает вновь обратиться к названным работам и к самому стихотворению.

Приведем текст стихотворения и некоторых его вариантов.

1. Кому зима – арак и пунш голубоглазый,
Кому душистое с корицею вино,
Кому жестоких звезд соленые приказы
В избушку дымную перенести дано.

2. Немного теплого куриного помета
И бестолкового овечьего тепла;
Я всё отдам за жизнь – мне так нужна забота, –
И спичка серная меня б согреть могла.
3. Взгляни: в моей руке лишь глиняная крынка,
И верещанье звезд щекочет слабый слух,
Но желтизну травы и теплоту суглинка
Нельзя не полюбить сквозь этот жалкий пух.
4. Тихонько гладить шерсть и ворошить солому,
Как яблоня зимой, в рогоже голодать,
Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому,
И шарить в пустоте, и терпеливо ждать.
5. Пусть заговорщики торопятся по снегу
Отарою овец и хрупкий наст скрипит,
Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу,
Кому – крутая соль торжественных обид.
6. О, если бы поднять фонарь на длинной палке,
С собакой впереди идти под солью звезд,
И с петухом в горшке прийти на двор к гадалке.
А белый, белый снег до боли очи ест.
1922 [9, с. 104–105].

Из чернового варианта 5-й строфы: «Отарою овец, и кто-то говорит: / Есть соль на топоре, но где достать телегу, / И где рогожу взять, когда деревня спит?» [9, с. 421].

Варианты 5-й строфы из первопечатной редакции («Россия». 1922. № 1) и «Стихотворений» 1928 г. соответственно: «Людишки темные торопятся по снегу» [9, с. 421]; «Пусть люди темные торопятся по снегу» [10, с. 157].

Стихотворение представляет собой неформальную диалогическую структуру, строится на антитезе жизненных позиций и теме выбора судьбы, что открыто выражено в синтаксической конструкции (кому – кому) и весьма тонко – в образном строе. В стихотворении фигурируют «заговорщики» (в подцензурных вариантах – «люди темные» / «людишки темные»), которые у большинства авторов ассоциируются с декабристами. О. Ронен считает образ голубого пунша, восходящий к Пушкину («и пунша пламень голубой» из «Медного всадника» [11, с. 275]) мандельштамовской эмблемой заговора, политического в «Декабристе» (1917) и литера-

турного в последней главе «Шума времени» – «В не по чину барственной шубе» [4, р. 279]. Заговорщикам противопоставлен лирический герой. Иные его определения – субъект / источник речи, протагонист и условное «поэт». Однако провести дифференцию жизненных позиций в стихотворении «Кому зима – арак...» не так уж просто. Взаимодействие поэтического синтаксиса и образного строя, лексических слоёв создаёт некоторую неопределённость, порождая подчас противоположные толкования и разную логику, не в последнюю очередь в зависимости от того, к каким внетекстовым ассоциациям прибегает исследователь. Другими словами, в этом стихотворении логико-синтаксические связи и символика не всегда совпадают с семантикой полярности позиций.

Давно замечено, что образными рядами, подтекстом и смысловыми ходами стихотворение связано, прежде всего, с относительно ближним контекстом: это «Декабрист» (1917), «Умывался ночью на дворе...» (1921), «1 января 1924» и «Шум времени» (1923–1924). Тема заговора в этих текстах либо решается эксплицитно («Декабрист», «Кому зима – арак...», «Шум времени»), либо спрятана в подтекст, выявляется при помощи биографических и исторических реалий, ассоциативных поворотов мысли («Умывался ночью на дворе...»). Конкретика заговора, по мнению большинства исследователей, связана как с декабристами, так и с делом Таганцева, с мыслями поэта о судьбе Николая Гумилёва, если говорить о стихотворениях начала 1920-х гг.

Наиболее важной представляется тема выбора судьбы. В «Декабристе», например, это воплощается внешне декларативно, хотя и здесь не совсем ясен источник речи (персонаж или лирический субъект) (см. об этом: [7, с. 96]): «Но жертвы не хотят слепые небеса: / Вернее труд и постоянство» [9, с. 80]. В стихотворении «Кому зима – арак...» степень завуалированности возрастает, несмотря на кажущуюся ясность синтаксической конструкции.

Вопрос о том, сделан ли окончательный выбор или лирический герой стихотворения «Кому зима – арак...» колеблется, непросто. М. Л. Гаспаров считает, что выбор сделан [1, с. 593]. В. В. Мусатов конкретизирует и даёт категоричную формулировку о предопределённости выбора свыше звёздами: «Для Мандельштама таким выбором была жизнь, для Гумилёва – смерть» [3, с. 242]. В связи с этим возникает ряд вопросов: задумывается ли поэт о грани между предопределённостью и свободой

выбора? как совместить важнейшие для Мандельштама поэтические и этические категории чести, совести, жертвенности с выбором жизни как таковой в эту суровую эпоху? можно ли считать названные тексты отражением разных этапов идеологической эволюции поэта и разных решений, или есть некий относительно постоянный клубок идей и переживаний, который делает его позицию сложной и в чём-то единой?

В этом идеологическом поле неизбежно возникает тематика жертвы и казни (см. об этой теме: [6]). Образ топора из стихотворения «Умывался ночью на дворе...» и варианта «Кому зима – арак...», являясь прозрачным символом казни (в первом тексте – с аллюзией на расстрел Н. Гумилёва), достаточно проблематичен: это топор карающего государства или орудие заговорщиков? Колебания в толковании отражены в статье М. Л. Гаспарова и подхвачены Г. Киршбаумом. Второе объяснение (орудие заговорщиков) поддержано в названных работах ссылкой на реминисценции стихов Гейне о казни монарха [1, с. 592–593; 7, с. 124]. Это заставляет вспомнить шокирующую загадку стихотворения 1931 г. «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»: «Обещаю построить такие дремучие срубы, / Чтобы в них татарва опускала князей на бадье»; «И для казни петровской в лесу топориче найду» [9, с. 139]. О чьей казни здесь идёт речь? Прямая логика, предполагающая обещание участия в казнях в обмен на сохранение наследия, тут не работает, ибо никак не стыкуется с главным кредо поэта, отвергающего насилие. Исследователи пытаются интерпретировать эти вызывающие строки как парадоксальное название всего, что происходит в стране [12, с. 233], как принятие на себя смертных грехов народа [13, с. 650], покаяние и добровольное искупление, готовность к собственной казни [6, с. 183–186]. Толкования весьма остроумны и глубоки, однако вызывает сомнение мысль о том, что поэт готов на всё [6, с. 179–180], чтобы не быть «отщепенцем в народной семье» [9 с. 139].

Эта неразрешённая загадка вспомнилась в связи с тем, что символика казни допускает и в черновике стихотворения «Кому зима – арак...», и в «Сохрани мою речь...» не просто вариативные, но полярные толкования. В поздней реплике мучительной мысли о выборе пути, уже на пределе трагизма, исключается непричастность поэта, которому ближе рождественская звезда, к тому полюсу русской истории, символом которого является топор. Можно, конечно, говорить

об эволюции мандельштамовской мысли, но, по нашему мнению, неразрешимое противоречие между христианским миропониманием, мечтой о «телеологическом тепле» [14, с. 76], с одной стороны, и представлениями о чести, невозможностью отделить себя от самых болезненных явлений национальной истории, с другой, присутствуют в обоих текстах, разделённых десятилетием.

Рассматривая разные толкования стихотворения 1922 г., нужно учитывать наличие другого варианта, подцензурного, по мнению комментаторов: замена «людишек темных» («людей темных») на «заговорщиков» в предпоследней строфе может принципиально изменить взгляд на стихотворение: либо «люди темные» ассоциируются с заговорщиками, как считает В. В. Мусатов [3, с. 243], либо этот вариант меняет весь смысл полемики, лежащей в основе стихотворения. А. Е. Парнис полагает, что Мандельштам мог переосмыслить и переработать стихотворение, первоначально связанное со смертью Блока и гибелью Гумилёва, узнав о смерти «звёздного» поэта Хлебникова [8, с. 195], и что в стихотворении «Кому зима – арак...» речь может идти об «одном адресате в нескольких ипостасях» [8, с. 192]. В таком случае это – часть мифа о смерти поэта. Трудно лишь понять, как это соотносится с разными публикациями стихотворения, с заменой вариантов и с первоначальной авторской волей.

М. Л. Гаспаров строит свою интерпретацию на достаточно чётком противопоставлении: предметными символами чужого для поэта мира заговорщиков становятся арак, пунш и глинтвейн, а также почти весь образно-мотивный комплекс, сложившийся вокруг звёзд, тогда как в пространстве лирического героя – «избушка дымная», «теплый куриный помет», «глиняная крынка», шерсть, солома. Общим сегментом являются образы звёзд в разных модификациях и зимы, но над заговорщиками – «повелевающие звёзды» [1, с. 589], а над лирическим героем они лишь «непонятно верещат» [1, с. 589].

Стоит вспомнить, что в мандельштамовской лирике 1920-х гг. возникает тройственное переплетение образов зимы (снега) – соли – звёзд. Изобразительная функция, основанная на сходстве звёзд и снега с солью, соседствует со сложными семантическими скрещениями, порождая пучки символических значений, указывающих на нравственно-философскую сферу с возможной политической коннотацией: «Жестоких звезд соленые приказы»; «И, словно

сыплют соль мощною дорогой, / Белеет совесть предо мной» [9, с. 118] из «1 января 1924». Анализ связки «соль-звёзды» наиболее полно представлен в работах О. Ронена и М. Л. Гаспарова [4, р. 277–279; 1, с. 588–590]. Основные переносные значения слова «соль», приводимые исследователями: едкая горечь выбора пути, преданность и верность клятве, «соль земли», очищение жертвы перед жертвоприношением («соль на топоре»). Говоря о генезисе образного ряда, они упоминают, прежде всего, Библию, однако констатируют оригинальность авторских образно-смысловых скрещений.

Относительно «зимней» символики важную интертекстуальную параллель приводит О. Ронен в своём разборе «1 января 1924», где есть мотивы, сходные со стихотворением «Кому зима – арак...». Говоря о связи образов зимы и железа, он среди прочих приводит строки из «14 декабря 1825» («Вас развратило самовластье...») Тютчева [4, р. 290–291]: «О жертвы мысли безрассудной, / Вы уповали, может быть, / Что станет вашей крови скудной, / Чтоб вечный полюс растопить! // Едва, дымясь, она сверкнула / На вековой громаде льдов, / Зима железная дохнула – / И не осталось и следов» [15, с. 56]. В стихотворениях Мандельштама символический смысл образа зимы рождается не столь непосредственно и открыто, как у Тютчева. Он вырастает из ярких предметно-образительных деталей и из общей для двух текстов («Кому зима – арак...» и «1 января 1924») антитезы холода и тепла в их предметном, экзистенциальном и политическом значении. Нельзя не вспомнить и пассаж о девятнадцатом столетии из финальной главы «Шума времени»: «Я хочу окликнуть столетие, как устойчивую погоду, и вижу в нем единство непомерной стужи, спаявшей десятилетия в один денек, в одну ночку, в глубокую зиму, где страшная государственность – как печь, пышущая льдом» [14, с. 258]. Блоковская «непомерная стужа» из «Шагов командора» резонирует с вольными цитатами из пушкинского «Пира во время чумы» в предыдущем фрагменте «Шума времени», посвящённом русской литературе: «Литература века была родовита. Дом ее был полная чаша. За широким раздвинутым столом сидели гости с Вальсингамом. Скинув шубу, с мороза входили новые. Голубые пуншевые огоньки напоминали приходящим о самолюбии, дружбе и смерти. Стол облетала произносимая всегда, казалось, в последний раз, просьба: “Спой, Мэри”, мучительная просьба последнего пира» [14, с. 257].

«Зимняя» символика в поэзии и прозе Мандельштама 1920-х гг. совмещает многие смыслы, создавая разные акценты в каждом конкретном произведении, но восходя к единому семантическому комплексу. Об одной из образно-концептуальных линий этого «пучка» пишет С. Г. Шиндин, имея в виду характерные для акмеизма и Мандельштама в 1920-е гг. идеи «связи поэтического искусства с революцией» [16, с. 223] и проецирование её на культурные прецеденты. Это, в частности, отражено в соотносённости стихотворения «Кому зима – арак...» через образ голубого пунша не только со стихотворением «Декабрист», но и с приведённым выше фрагментом «Шума времени», а значит, и с русской литературой. Подобный ход мысли заставляет сомневаться в чётких границах противопоставления заговорщиков и поэта, как условно обозначает протагониста стихотворения «Кому зима – арак...» М. Л. Гаспаров. Многозначная пушкинская рифма «зима – чума», сюжетобразующая для гимна Вальсингама, обыграна Мандельштамом в финальном пассаже «Шума времени», но бросает некий свет и на стихотворения 1920-х гг. «Голубые пуншевые огоньки» и вся лейтмотивная линия «пира во время чумы» («пьяная чума» [9, с. 55] из стихотворения 1913 г. «От легкой жизни мы сошли с ума...»; «зачумленная зима» из варианта «Кассандры» [9, с. 416]; «чумный председатель» [9, с. 145] из «Фазетонщика» («На высоком перевале...», 1931); ангел Мэри из стихотворения «Я скажу тебе с последней прямокой...», 1931; «В игольчатых чумных бокалах...» [9, с. 163] из «Восьмистиший», 1933–1935; мотивы чумы и предсмертного веселья в стихотворении «К немецкой речи», 1932, и в статье «Гротеск», 1922, где есть переключки с финалом «Шума времени», образы ехидничающих звёзд, снега, бесов, предчувствия конца), характерная для творчества Мандельштама, складываются в некий глубинный динамичный подтекст, который вовлекает поэта в мир, обозначенный исследователями в «Кому зима – арак...» как полярный протагонисту. Во всяком случае, это усложняет антитезу или подразумевает некое балансирование в точке выбора, в чём-то подобное пушкинскому «и я бы мог...», если это было сказано о пяти повешенных (о толкованиях этой пушкинской записи см., например: [17, с. 179–183; 18]).

Общий сегмент двух жизненных миров (зима и звёзды) можно дополнить. Характерный

для Мандельштама образный ряд, связанный с овцами, применительно к протагонисту воплощается в своём предметном значении с коннотацией скудного естества, убогого, но спасительного тепла и смиренного приятия такой жизни. Как сравнение, он применён к образу заговорщиков («отарою овец»). Это также размывает жёсткую схему противопоставления, неся в себе семантику бестолковости («бестолковое овечье тепло»), отсутствия единой спасительной истины, несмотря на иллюзии, подчинённость какой-то внешней необоримой силе. Есть и другая трактовка «овечьих» мотивов: заговорщики – жертвы, обречённые на заклятие [3, с. 244]. М. Л. Гаспаров приводит очень важные параллели к «овечьей» метафорике: это, во-первых, мандельштамовская концепция эллинизма, а во-вторых, его миф о поэте, восходящий к эпизоду об Овидии в пушкинских «Цыганах», который Мандельштам цитирует в статьях «Слово и культура» (1921) и «О природе слова» (1922), вышедших в тот же период, что и стихотворения «Умывался ночью на дворе...» и «Кому зима – арак...» [1, с. 588]: «Как мерзла быстрая река / И зимни вихри бушевали, / Пушистой кожей прикрывали / Они святого старика» [11, с. 156]. Объединяют «Кому зима – арак...» с пушкинским фрагментом «зимняя» символика, «чужие люди» и пушистая шкура зверя (возможно, «овечье тепло» – перифраза руна) как источника спасительного тепла. Разница в том, что в стихотворении Мандельштама чужое остаётся чужим, не принимая человеческий облик («Тянуться с нежностью бессмысленно к чужому»), а согревающая шкура – мечтой. Если же под «чужим» понимать мир заговорщиков, тогда лирический герой далёк от того, чтобы безоговорочно отвергать его.

Антитеза «поэт (протагонист, лирический субъект) – заговорщики» осложняется возможностью вариативного толкования второго члена этой оппозиции. В образе «соль на топоре» черного варианта, появившемся ещё в стихотворении с явственным «гумилёвским» подтекстом «Умывался ночью во дворе...» («Звездный луч – как соль на топоре» [9, с. 104]), М. Л. Гаспаров видит возможную семантику принесения жертвы заговорщиками, «жертвенной крови государей» [1, с. 590]. Заговорщиков из «Кому зима – арак...» он склонен гипотетически связывать не с декабристами, а с убийцами Павла I и стихотворением «Заснула чернь! Зияет площадь аркой...» (1913), предлагая такую трактовку как

альтернативную. И в «Умывался ночью...», и в «Кому зима – арак...» – «это не топор казнящей власти» [1, с. 592], а топор заговорщиков.

Если такая интерпретация применима к отброшенному варианту стихотворения «Кому зима – арак...», то окончательный текст, где «топор» исчезает, не даёт уверенности в подобной авторской логике. Вместе с тем аллюзии на таганцевский заговор заставляют говорить о терроре как таковом, о любой форме насилия как отвергнутом соблазне [1, с. 592; см. также: 7, с. 122]. Во всяком случае, черновые строки «Есть соль на топоре, но где достать телегу / И где рогожу взять, когда деревня спит?» передают атмосферу обыденности смерти как знака эпохи революций и войн, а также содержат в подтексте противопоставление естественного цикла жизни воле заговорщиков.

Две последних строки начального катрена усиливают впечатление неопределённости. «Жестоких звезд соленые приказы» семантически и стилистически перекликаются со строкой «крутая соль торжественных обид» из предпоследней строфы и предположительно указывают на заговорщиков или, по крайней мере, на нечто, чуждое протагонисту стихотворения. А вот «избушка дымная» вписывается в его пространство. Можно представить, что два мира пересекаются уже в первой строфе: «Кому жестоких звезд соленые приказы / В избушку дымную перенести дано». Жестокие звёзды неотвязны и не оставляют лирического героя и в «избушке дымной», которая становится средоточием его пространства, скудного, убогого приюта. Во всяком случае, исключить такое понимание нельзя. М. Л. Гаспаров разводит «избушку дымную» (мир поэта) и приказы звёзд (мир заговорщиков) [1, с. 587–588]. При таком повороте разделительная конструкция становится ещё более туманной: кому дано перенести приказы звёзд в свой жалкий приют?

О. Ронен в образе «приказов звёзд» предположил аллюзию на кантовскую сентенцию о звёздном небе над нами и моральном законе внутри нас, т.е. о силе мироздания и силе совести [4, р. 279]. Г. Киришбаум говорит также о «двусмысленном смещении с советской звёздной геральдикой» [7, с. 124]. Первая ассоциация спроецирована на тему судьбы, которая может содержаться как в астральной образности, так и в мотиве гадания с петухом, а также на имплицитную тему совести и моральной силы, соотносимую равно и с заговорщиками, и с

лирическим героем. На это намекает последняя строка «А белый, белый снег до боли очи ест...» (ср. в «1 января 1924»: «И словно сыплют соль мощною дорогой, / Белеет совесть предо мной» [9, с. 118]). Вторая ассоциация не противоречит идее о причастности протагониста к миру «жестоких звезд», от которого не убежать (ср. в «1 января 1924»: «И некуда бежать от века-властелина» [9, с. 118]).

Три раза повторив «кому», Мандельштам поставил в странную позицию «душистое с корицею вино». По элементарной логике разделительной конструкции речь идёт как будто бы о трёх дорогах. Если проигнорировать этот момент, то можно отнести пассаж о глинтвейне и к любителям арака и пунша (по семантике опьяняющих напитков), и к лирическому герою (по семантике тепла, согревающего в зимний день). С другой стороны, арак, пунш и глинтвейн объединяются и переносным лексическим значением, поддерживая атмосферу лёгкого опьянения, создающего некую иллюзорную реальность. Это вполне можно соотносить с семантикой заговора и пьянящей вольности. В. В. Мусатов связывает причинно-следственной связью арак и пунш заговорщиков со строкой «Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу» из 5-й строфы как перифразой смерти [3, с. 244]. М. Л. Гаспаров относит эти «горькие» образы к протагонисту стихотворения [1, с. 588]. У О. Ронена строка «Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу» ассоциируется с дантовским горьким хлебом изгнанника и ахматовским «Темна твоя дорога, странник, / Полынью пахнет хлеб чужой» («Не с теми я, кто бросил землю», 1922 [19, с. 389]). При этом он не относит лирического героя ни к заговорщикам, ни к эмигрантам [4, р. 279]. (Ср. с аллюзией на Данте в позднем тексте Мандельштама о собственной тени, что «шумит среди людей, / Греясь их вином и небом, / И несладким кормит хлебом / Неотвязных лебедей» [9, с. 196].) Таким образом, в первом четверостишии поэтический синтаксис осложнён образно-смысловыми узорами, которые способствуют появлению колеблющихся смыслов и разной логики исследовательских ассоциаций. Этот же эффект возникает в силу разного понимания внутреннего контекста стихотворения.

Начиная со второй строфы, заметно меняется субъектная структура стиха. Там, где есть местоимения первого лица и инфинитивы, возникает стихотворный период, воспроизводящий позицию лирического героя (2–4-я строфы).

Инфинитив здесь вбирает в себя семантику желаний и жизненной установки приятия скудной жизни, и «дымная избушка» из 1-й строфы вполне вписывается в этот образный ряд, как и «горький дым к ночлегу» из 5-й строфы. Синтаксические знаки принадлежности лирическому герою есть также в 5-й и 6-й строфах: это конструкции с частицей «пусть» и восклицанием «о если бы». Они также поддерживают модальность желаемого, как и 2–4-я строфы, но здесь есть и волевое отталкивание от пути заговорщиков, и семантика невыполнимости мечты. Весь образный ряд 2–4-й и 6-й строф характеризует жизненную программу протагониста. Сложнее устроена 5-я строфа, особенно две последних строчки («Кому зима – полынь и горький дым к ночлегу, / Кому – крутая соль торжественных обид»). Проблема в том, в какой из этих двух строк сквозь призму сознания лирического героя воспроизведён чужой путь. Выше было показано, как индивидуальные исследовательские ассоциации приводят к принципиально разному пониманию, к кому относить полынь и дым.

Д. М. Магомедова на основе варианта с «тёмными людьми» иначе описывает саму антитезу, организующую текст. С одной стороны – знаки лёгкой застольной поэзии (арак, пунш, «душистое с корицею вино»), с другой – космос и «простой земной, как бы “внекультурный” или “докультурный” обиход» [2, с. 410]. Эпикурейство она относит к адресату полемики, а звёзды и «избушку дымную» – к речевому субъекту, который отталкивается «от эпикурейского бездумного упоения жизнью» [2, с. 410].

С уверенностью можно согласиться, что «арак и пунш голубоглазый» влекут за собой «заговорщическую» ассоциацию благодаря контексту творчества Манделштама. Вместе с тем за этими образами действительно тянется шлейф поэтической классики, связанной «с традициями “лёгкой”, эпикурейской, застольной поэзии XVIII – начала XIX в.» и с гусарскими мотивами Дениса Давыдова [2, с. 409–410]. Очевидно, Манделштам создаёт синтетический «портрет» культуры пушкинской эпохи, в которой идея вольности воплощается и в лёгкой, и в высокой, торжественной ипостаси.

Иначе, нежели у М. Л. Гаспарова, описана Д. М. Магомедовой связь носителей противоположных позиций со звёздами. Она полагает, что «лирический герой по отношению к звёздам находится в позиции заинтересованного собе-

седника: он слушает их верещанье и солёные приказы» [2, с. 410] (выделено автором. – Б. М.). Напомним, что М. Л. Гаспаров противопоставляет «верещанье» и «солёные приказы», относя их к представителям разных позиций. По мнению Д. М. Магомедовой, жестокий космос включается в жизненный мир субъекта речи («я»), отражая драматизм взаимоотношений человека с мирозданием. М. Л. Гаспаров, напротив, подводит к фабуле заговора: «жестоких звезд солёные приказы» и «крутая соль торжественных обид» влекут за собой стремление отомстить за обиды [1, с. 587]. В пользу такого понимания образной антитезы, возможно, говорит эпитет «торжественных», не вписывающийся в образный строй и интонацию субъекта речи. О. Ронен предлагает другое толкование: «Крутая соль торжественных обид» – «это удел тех, чей выбор – остаться в советской России» [4, р. 313], тех, кто верен родине вопреки обидам. Образная связка «соль – звёзды» ассоциируется как с болью от потери слова («1 января 1924»), так и с темой совести, чести [4, р. 277] (см. об этом образном пучке также: [20, с. 10]). Отсюда можно сделать вывод, что она не может не касаться протагониста стихотворения «Кому зима – арак...» Но, возможно, «жестоких звезд солёные приказы» и «крутая соль торжественных обид» при всей стилистической близости относятся к носителям противоположных позиций? Вновь жёсткая логика противопоставления предельно осложняется образными вариациями, прорастающими в обеих частях диалогической структуры.

В предпоследней и последней строфах цензурного варианта «люди тёмные» уподоблены отаре овец и соотносятся, по мысли Д. М. Магомедовой, с такими атрибутами, как «полынь» и «горький дым к ночлегу», что позволяет ей подтвердить тезис об их принадлежности к «непросветлённому бытию» [2, с. 410]. В. В. Мусатов эти же атрибуты трактует как метафору смерти заговорщиков, а обиды оставляет лирическому герою [3, с. 244]. На это можно возразить: «горький дым к ночлегу» и «полынь» продолжают чувственный образный ряд мира лирического героя, отличающийся предметностью и семантикой слабого тепла.

По логике Д. М. Магомедовой, лирическому герою сопутствует «крутая соль торжественных обид», он непосредственно погружён в глубокие смыслы бытия. Полюса, что называется, поменялись. Ключевая тема заговорщиков, име-

ющая декабристско-гумилёвский подтекст, в такой интерпретации остаётся за скобками. Выбор варианта и определил трактовку, принципиально отличную от той, которую даёт М. Л. Гаспаров.

Финальная строфа убедительно связывается Д. М. Магомедовой с христанской культурой: это «рождественское шествие волхвов (петухов) и святочного гадания с петухом» [2, с. 410]. Она выстраивает образный ряд (помёт, шерсть, овцы, солома), проходящий через всё стихотворение и несущий в себе тему рождественских яслей, т.е. рождения христианского мира. Остаётся неясным, как встраивается христианская тема в диалогическую структуру стихотворения, кто является носителем христианских ценностей? Спроецировав эту дихотомию на вариант с заговорщиками и интерпретацию М. Л. Гаспарова, можно увидеть, что именно образ протагониста («поэта», лирического героя) влечёт за собой рождественские ассоциации. Если же атрибутика «темных людей» – гадание с петухом – одновременно несёт в себе рождественские коннотации, то ход поэтической мысли выглядит иначе: именно в недрах «непросветлённого бытия» рождается нечто новое.

Представляется всё же, что «петух в горшке» вместе с собакой и фонарём относятся к миру человека, смиренно тянущегося к простым основам жизни. Гадалка и петух как-то не вяжутся с семантико-стилистическим ореолом образа заговорщиков и их волевыми порывами. М. Л. Гаспаров предлагает альтернативные интерпретации других фрагментов, но «полуязыческое шествие под фонарём на двор к гадалке» [13, с. 639] уверенно относит к позиции поэта. Исходя из этого решения, можно заключить, что лирический герой причастен или хотел бы быть причастен к народной культуре и святочному гаданию с петухом. Петух оказывается земным аналогом носителя знания о судьбе. При этом святочнорождественские ассоциации могут иметь своим подтекстом мысль о гибели христианской эры.

Со словами «идти под солью звезд» также ассоциируется тема судьбы. Здесь образ лишается атрибута жестокости, но сохраняет в себе значение самой сути. Лирическому герою хочется довериться судьбе, вопрошать её простонародным способом, погрузиться в земную жизнь, соразмерную с человеческими возможностями. При этом «соль звезд» неотвязно преследует его как сила судьбы и необходимость жертвы. На эту мысль наводит тот пучок значений, который, по мысли исследователей, связан с этим сложным символом. Возможно, семантика собственной жертвы возникает благодаря

рецептивной ретроспекции, но, с другой стороны, эта мысль уже вполне явно присутствует в «1 января 1924», а темы смерти поэта и музыки – ещё в «Концерте на вокзале» (1921).

Последняя строка стихотворения – «А белый, белый снег до боли очи ест» – воспринимается как возвращение к реальности и резкий контраст с описанием смиренного желания. М. Л. Гаспаров трактует её как знак пассивной покорности поэта [1, с. 588]. Понять её можно и по-другому. Выше уже было упомянуто о переключке этой строки с фрагментом из «1 января 1924» «И словно сыплют соль мощною дорогой, / Белеет совесть предо мной» [9, с. 118]. Слова о белом снеге ассоциируются с солью и сигнализируют о подтексте, связанном с этическими категориями. Смысловой и эмоциональный эффект усилен словом «боль», лексическим повтором «белый, белый», фонетикой (белый, боль). В этой строке спрятана мысль о невозможности осуществления той жизненной программы протагониста, которая была воплощена в предыдущих периодах стихотворения, невозможности спрятаться от неразрешимых вопросов. Вряд ли строка о белом снеге и боли очей акцентирует семантику слепоты, как об этом пишет А. Хан [5, с. 15]. Это скорее чувственный эквивалент душевной боли. Однако мотив слепоты присутствует в стихотворении применительно к лирическому герою («И шарить в пустоте») [5, с. 22] и, как сказано выше, к заговорщикам («отарою овец»). Возможно, это своеобразное эхо «слепых небес» из «Декабриста», но и протагонист мыслится не носителем всё объясняющей идеи, не деятелем, а смиренным, терпеливым человеком, пытающимся найти себя в чужом мире, «тянуться с нежностью бессмысленно к чужому», познавать его наощупь. С мотивом слепоты коррелируют и образы гадалки, петуха, весь «звёздный» ряд.

Ясные выводы из приведённого обзора сделать трудно. Природа поэтической ткани в этом и многих других стихотворениях 1920-х гг. отражает беспримерную сложность позиции поэта, отсутствие простого решения, а также особые свойства его поэтики, склонность к мерцающим и вариативным смыслам. В сфере чистой идеологии можно согласиться со следующим утверждением В. В. Мусатова: «Несогласие на путь, избранный заговорщиками, не отменяло ни чувства вины перед ними, ни внутренней причастности к ним» [3, с. 244]. С точки зрения связи позиции и поэтики важно, что жизненный мир человека, воссозданный в

стилистике идиллического пространства (см. об этом: [21, 22]), но под знаком убывания, неполноты осуществления даже скудного тепла, потребность человека в тепле, «родственном его внутреннему теплу», в «очеловечении окружающего мира» [14, с. 76] противопоставлены идее и воле, пусть даже благородной, насильственно вторгающейся в мироустройство при невозможности предсказать все последствия этого вторжения. Манделъштам запечатлел трагизм истории, неразрешимость противоречий, в новых условиях развивая и наполняя живым историческим содержанием тот метафизический конфликт, который был заявлен ещё в ранних его стихах о приказах звёзд.

Стоит также заметить, что обзор разночтений в интерпретации лирических текстов Манделъштама продуктивен и способствует активизации исследовательской мысли, стремлению учесть как различные художественные уровни (поэтический синтаксис, образный строй, стилистические метки и т.д.), так и различные векторы восприятия: от безостановочной вязи ассоциаций, конгениальной внутреннему единству художественного мира Манделъштама в 1920-е гг. (см., например: [5]), до чёткого разделения позиций участников неформального диалога [1, 2]. Стихотворение «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» по-прежнему хранит неразгаданные смыслы.

Список литературы

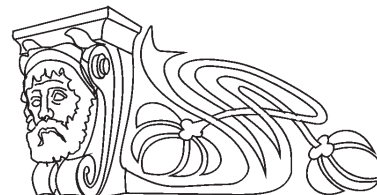
1. *Гаспаров М. Л.* «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...». Манделъштамовское «Мы пойдём другим путём» // *Гаспаров М. Л. Избранные труды* : в 4 т. Т. 4. Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. М. : Языки славянской культуры, 2012. С. 587–597.
2. *Магомедова Д. М.* О. Манделъштам и И. Дмитриев (проблема внутреннего и внешнего адресата) // *Осип Манделъштам. Слово и судьба: Исследования и материалы.* М. : Наука, 1991. С. 408–413. EDN: VULMWN
3. *Мусатов В. В.* Лирика Манделъштама. Киев : Эльга-Н ; Ника-Центр, 2000. 560 с.
4. *Ronen O.* An approach to Mandel'stam. Jerusalem : The Magnes Press ; The Hebrew University, 1983. 396 p.
5. *Хан А.* Заметки о семантике контекстных переключек (Стихотворение О. Манделъштама «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...») // *Dissertationes Slavicae – Slawistische Mitteilungen.* Материалы и сообщения по славяноведению. Szeged, 1977. Т. 12. С. 3–29.
6. *Сурат И. З.* Жертва // *Сурат И. З. Манделъштам и Пушкин.* М. : ИМЛИ РАН, 2009. С. 156–195.
7. *Кирибаум Г.* «Валгаллы белое вино...». Немецкая тема в поэзии Манделъштама М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
8. *Парнис А. Е.* Штрихи к футуристическому портрету Манделъштама // *Осип Манделъштам. Слово и судьба: Исследования и материалы / отв. ред. З. С. Паперный.* М. : Наука, 1991. С. 183–204. EDN: VULMWN
9. *Манделъштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Изд. 3-е, испр. и доп. Т. 1. Стихотворения. СПб. : Интернет-издание, 2020. 700 с. https://ruthenia.ru/mandelshtam_vol1.pdf (дата обращения: 27.08.2025).
10. *Манделъштам О. Э.* Стихотворения. М. : Госиздат, 1928. 195 с.
11. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Изд. 4-е. Т. 4. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. 448 с.
12. *Жолковский А. К.* Сохрани мою речь, – и я приму тебя, как упряжь, или Манделъштам и Пастернак в 1931 году // *Звезда.* 2012. № 4. С. 226–235. EDN: ZGLBPB
13. *Гаспаров М. Л.* Комментарии // *О. Э. Манделъштам. Стихотворения. Проза.* М. : АСТ ; Фолио, 2001. С. 604–711.
14. *Манделъштам О. Э.* Полн. собр. соч. и писем : в 3 т. Т. 2. Проза. М. : Прогресс-Плеяда, 2010. 760 с.
15. *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч. и письма : в 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1849. М. : Классика, 2002. 528 с.
16. *Шиндин С. Г.* О некоторых аспектах метатекстуальной образности в творчестве Манделъштама двадцатых годов // «Отдай меня, Воронеж...» : Третьи международные Манделъштамовские чтения : сб. ст. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1995. С. 220–234. EDN: YVYVQX
17. *Цявловская Т. Г.* Рисунки Пушкина. 4-е изд., стер. М. : Искусство, 1987. 446 с.
18. *Лотман Л. М.* «И я бы мог, как шут <...>» // *Временник Пушкинской комиссии, 1978 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. С. 46–59.*
19. *Ахматова А. А.* Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. М. : Эллис Лак, 1998. 968 с.
20. *Левин Ю. И.* Избранные труды: Поэтика. Семиотика. М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. 824 с. (Язык. Семиотика. Культура).
21. *Есаулов И. А.* Идиллическое у Манделъштама // *Творчество Манделъштама и вопросы исторической поэтики.* Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 1990. С. 38–57. EDN: PHDCYX
22. *Балашова Е. А.* «Ничего не забыто в этой ладье...»: к вопросу об идиллии и идиллическом в лирике О. Э. Манделъштама // *Новый филологический вестник.* 2015. № 1 (32). С. 100–108. EDN: TQNWNL

Поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 27.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 27.09.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 183–192
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 183–192
<https://bonjour.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-183-192>, EDN: RRFREC

Научная статья
УДК 821.111.09-31-4+929Оруэлл

Проблема личности в творчестве Дж. Оруэлла

Д. Д. Черепанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Черепанов Даниил Дмитриевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы, cherepanovdd@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9665-6108>

Аннотация. В статье рассматривается творчество Дж. Оруэлла в традиции художественной литературы рубежа XIX–XX вв., отличавшейся обостренным вниманием к проблемам субъекта и субъективности. Утверждается, что интерес Оруэлла к теме разрушения человека под действием враждебных сил, олицетворением которых в романе «1984» становятся Старший брат, внутренняя партия и О'Брайен, нельзя сводить к реакции писателя на катастрофические события XX в. и политическим воззрениям Оруэлла. Вместо этого прослеживается развитие этой темы как одной из центральных для художественного мировоззрения Оруэлла, главные черты которого сложились достаточно рано. Анализируется сложное отношение между программными эссе писателя и поэтикой его романов, в которых обнаруживается устойчивый набор образов, выражающих обостренное чувство мимолетности бытия и смертности человека, особое переживание погруженности во время, ощущение, что необходимо отстаивать «я» против неких внешних сил, иррациональных стихий, равно как и стремление «зафиксировать» на письме, «спасти» силами искусства мир в его конкретной предметности. Наряду с этим в произведениях Оруэлла устойчиво присутствует тема разложения человека под воздействием зла, которое не тождественно смерти и небытию, но изображается в романах как самостоятельное, активное начало, определяющее не только образность, но и композицию произведений.

Ключевые слова: Джордж Оруэлл, субъект, личность, «Дни в Бирме», «Дочь священника», «Да здравствует фикус», «1984»

Благодарности. Исследование подготовлено в рамках государственного задания Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Для цитирования: Черепанов Д. Д. Проблема личности в творчестве Дж. Оруэлла // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 183–192. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-183-192>, EDN: RRFREC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of human being in George Orwell's oeuvre

D. D. Cherepanov

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Daniil D.Cherepanov, cherepanovdd@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9665-6108>

Abstract. Concentrating on the problems of the subject and the subjectivity, this article views George Orwell in the literary tradition the turn of the 19–20th centuries. The author of the article argues that Orwell's concern with the idea of human destruction under the influence of hostile forces, which are represented in *Nineteen Eighty-Four* by the Big Brother, the Inner Party and O'Brien, cannot be confined to the author's reaction to the catastrophic events of the 20th century and to his political views. Instead, the development of this theme is traced as one of the key ideas in Orwell's artistic worldview, whose main characteristics were formed quite early. The author analyzes a complex interrelation between Orwell's programmatic essays and the poetics of his novels, which reveal a persistent set of images that express an acute feeling of the transiency of existence and human mortality, a special experience being absorbed in time, a feeling that one has to assert one's own self against some external forces, irrational elements, as well as the ambition to "capture" in writing, to "save" the material world by the powers of art. Moreover, in Orwell's works the theme of human decay under the influence of evil is persistently recurrent; this evil is not equal to death or non-existence, but is depicted in novels as an independent, active element, that predetermines both the imagery and the composition of the works.

Keywords: George Orwell, subject, personality, *Burmese Days*, *A Clergyman's Daughter*, *Keep the Aspidistra Flying*, *Nineteen Eighty-Four*

Acknowledgements. The study was conducted under the state assignment of Lomonosov Moscow State University

For citation: Cherepanov D. D. The concept of human being in George Orwell's oeuvre. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 183–192 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-183-192>, EDN: RRFREC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Причины, по которым произведения Дж. Оруэлла часто рассматриваются в контексте политических взглядов писателя или его отношения к историческим событиям XX в., достаточно очевидны [1, с. 75–77]. Авторитетное справочное издание Кембриджского университета открывается утверждением, что Оруэлл – «прежде всего писатель политический» [2, р. 1]. С. Энгл, автор «Политической биографии» Оруэлла, пытается даже сконструировать своего рода «оруэлловский социализм» или «оруэллизм» [3, р. 107–133]. В этой статье предлагается иной подход к творчеству Оруэлла: в центре внимания – оруэлловская рефлексия над проблемой субъекта и субъективности. Эти понятия, не являющиеся частью словаря самого писателя, используются здесь достаточно широко для обозначения темы, восходящей к «длинному» XIX в., сделавшему своей задачей «всестороннее осмысление Субъективности в творчестве», т. е. поиск, с одной стороны, индивидуальной манеры письма, уникального творческого голоса, а с другой – поиск «я», самовыражение, перетекающее в постоянное создание и пересоздание себя средствами искусства [4, с. 117].

Уже достаточно давно была высказана мысль, что Оруэлл, «создавая тексты, вместе с тем создавал себя» (“produced himself”), так что литературное творчество шло рука об руку с поиском-созиданием себя [5, р. 21–22]. В отечественном литературоведении была также отмечена связь между творчеством английского писателя и модернистской традицией с ее стремлением соединять «литературу художественного вымысла» с автобиографией [6, с. 107–108]. К этому следует добавить, что судьба той линии в европейской литературе, которая была связана с творческим освоением субъективного начала, неоднократно становилась предметом рефлексии в эссе и рецензиях Оруэлла. Так, в книге Ш. Дю Бо о Байроне Оруэлл обратил особое внимание на тему жизнестроительства, создания своеобразного мифа, в котором центральная роль отводилась самому поэту – мифа, одновременно *сообщающего* публике нечто о биографии Байрона и вместе с тем *преображающего*, скрывающего, даже искажающего реальность [7, р. 96–97]. Размышляя о судьбах европейской культуры, Оруэлл ощущал, что подводит итоги продолжительного литературного и культурного периода. Эту эпоху он понимал достаточно широко и считал возможным говорить о «современной

европейской литературе» (“modern European literature”) последних четырех столетий как о целом [8, р. 134]. Отличительный признак этой эпохи, по Оруэллу, – представление об «автономном индивиде» [8, р. 134]¹, убеждение в том, что существует некое автономное «я», личность², выражающая себя в художественном слове: «...современная литература по существу своему – проявление индивидуальности» [8, р. 135]. По мнению Оруэлла, важнейшим эстетическим критерием в этот период было требование «честности» литературы в смысле «правдивого выражения мысли и чувств отдельного человека» [8, р. 135].

Характерен набор авторов, которых Оруэлл включал в литературный канон современности: «Гиббон, Вольтер, Руссо, Шелли, Байрон, Диккенс, Стендаль, Сэмюэл Батлер, Ибсен, Золя, Флобер, Шоу, Джойс» [9, р. 15]. Всех этих писателей он охарактеризовал как «бунтарей», а литературу конца XVIII и XIX вв. – как «литературу бунта или разрушения» [9, р. 15], имея в виду болезненное рождение нового мироощущения, в центре которого находится *автономный человек*, выделенный из мирового и общественного целого (или борющийся за создание некоей границы, выделяющий его из коллектива), утверждающий свой собственный закон, освободившийся от «религиозной веры в той форме, в которой она существовала прежде» [9, р. 15]. Особенность новой эпохи, наступающей в XX в., Оруэлл видел в том, что время индивидуального бытия закончилось – «иллюзия автономности» исчезла.

Было бы неверным думать, что интерес Оруэлла к представлению об «автономном индивиде» и его кризису был обусловлен исключительно историческими событиями XX в. Осмысляя собственный творческий путь (эссе «Почему я пишу», *Why I Write*, 1946), он утверждал, что внешними обстоятельствами определяется лишь «материал» (“subject matter”) литературных произведений, в то время как источник творчества, его первоначальный «импульс» задается не эпохой, а «неким эмоциональным отношением к миру» (“an emotional attitude”), которое складывается очень рано и навсегда определяет «литературное лицо» писателя [10, р. 3]. Рассказывая о своем вос-

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Оруэлл избегает философских или психологических терминов, вместо них использует цитаты из Шекспира (“to thine own self be true”) или используя синонимы (“the individual”, “a writer”, “one man”).

приятности мира, Оруэлл упоминал одиночество и стремление компенсировать ощущение постоянной «неудачи» (“failure”); к этой черте присоединилось произвольное стремление превращать собственную жизнь в «рассказ» или своего рода воображаемый дневник, а также эстетическое удовольствие от «слов как таковых» [10, р. 1–2]. По этому набору черт, заключает Оруэлл, ясно, какого рода книги он был склонен писать в начале своей литературной карьеры: «...гигантские натуралистические романы с печальным финалом, полные подробных описаний и поразительных сравнений, обязательно с множеством пурпурных лоскутов – пассажей, состоящих из слов, выбранных отчасти именно ради их звучания» [10, р. 2–3]. Иронический тон этого замечания внушает мысль, будто писатель преодолел эту программу, оставил ее в прошлом. На самом деле ее соотношение с романами Оруэлла не столь очевидно. В программе, осуществлением которой лишь отчасти стал роман «Дни в Бирме» (*Burmese Days*, 1934), далеко не все «ясно». Прежде всего, стремление к печальным финалам (“unhappy endings”) не вытекает напрямую из предыдущих строк эссе. О природе этого стремления приходится судить по косвенным признакам. Особое значение имеет приведенный Оруэллом в эссе 1946 г. фрагмент воображаемого дневника, иллюстрирующий привычку описывать свои поступки и впечатления, которая сохранялась у будущего писателя с юности и до двадцати пяти лет [10, р. 2]. Образы, перечисленные в этом фрагменте: косой солнечный луч, освещающий полуоткрытый коробок спичек на столе, кошка «черепашьей окраски», лозящая сухой лист (очевидно, сдуваемый ветром) [10, р. 2], – передают ощущение остро переживаемой *временности, мимолетности*, которое дополнительно усиливается из-за того, что сам говорящий находится в неспешном, но непрерывном движении (он открывает дверь, входит в комнату, затем идет к окну, опустив одну руку в карман, и т.д.). Автор записей пытается «зафиксировать», «удержать» с помощью слов яркое, ценное своей красотой, но непродолжительное впечатление, возникающее благодаря его собственному движению, игре света и свойствам разнообразных поверхностей (среди них – «фильтрующие» свет прозрачные занавески, спичечный коробок и сами спички, чернильница, ткань кармана, шерсть кошки, засохший лист...) [10, р. 2]. В творческом кредо Оруэлла такое восхищение «конкретными предметами» (“solid objects”)

и «клочками бесполезных сведений», иными словами, «любовь к поверхности земли», соединяется не только с повышенным вниманием к «стилю», но и с утверждением человеческого «я», которому угрожают болезнь и смерть [10, р. 6]. Сочетание красоты, тепла, «материальности» – индивидуального бытия – и мимолетности, эфемерности – смерти – раскрывает первый аспект оруэлловского стремления к мрачным финалам, которое было, по-видимому, таким же произвольным, как тяга к «дневниковой» фиксации воспринимаемого мира: бытие человека и его мира отравлено неудержимым стремлением к небытию, смерти, распаду.

Оруэлл приводил фрагмент воображаемого дневника в эссе 1946 г., говоря о мыслях и чувствах «до-литературного» периода. Однако тема времени и старения не исчезла и в его романах 1930-х гг. Представляя центральных персонажей, повествователь неизменно обращает внимание на их возраст и подчеркивает детали, указывающие на угасание, утрату жизненной энергии. Флори около тридцати пяти лет; описание его внешности намекает не только на воздействие климата, но и на изможденность, усыхание и даже деграцию (учитывая различные ассоциации со словом “sunken”³): “...he did not look older than his age, but his face was very haggard ... with lank cheeks and a sunken, withered look round the eyes” [11, р. 80]. Усталое опущенный рот, морщины вокруг глаз и общий характер лица Дороти («Дочь священника», *A Clergyman's Daughter*, 1935) в неполные двадцать восемь лет предвосхищают скорое (“in a few years' time”) превращение в старую деву [12, р. 256]. Старение, слабость жизненных сил, на которую указывает, в частности, отсутствие шести зубов, – регулярный предмет размышлений Гордона Комстока («Да здравствует фикус», *Keep the Aspidistra Flying*, 1936). Речь персонажа иногда плавно перетекает в речь повествователя, «встраивается» в нее, как в первом предложении романа: “Gordon Comstock, last member of the Comstock family, aged twenty-nine and rather moth-eaten already” [13, р. 577]. С помощью этого приема в один из ключевых эпизодов романа ощущения Гордона придается нечто универсальное, знакомое «всякому человеку» („Jedermann”); неопределенно-личное местоимение “you” оказывается обращено как бы к читателю,

³ Ср. описание деграции Гордона Комстока, стремящегося безвозвратно (“past redemption”) опуститься «в глубины»: “be free, free to sink down into the ultimate mud” (здесь и далее выделено нами. – Д. Ч.) [13, р. 721].

внезапно в очередной раз осознающему свою смертность и внутреннюю несостоятельность: "...suddenly from deep sleep you are broad awake and full of some dreadful realization – as that you are doomed to die, for instance, or that your life is a failure" [13, p. 681]. С первых страниц заговаривает о своем возрасте и Джордж Боулинг («Глоток воздуха», *Coming Up for Air*, 1939), думающий о приближающейся старости и невольно представляющий при взгляде на вставные зубы в стакане ухмылку голого черепа. В этом случае знаком необратимого бега времени становится не слабость сил, но избыточный вес: "...say what you will, false teeth are a landmark. <...> And I was fat as well as forty-five" [14, p. 432]. В скрытой форме тема старения присутствует и в романе «1984»: самооценка Уинстона, страдающего от варикозной язвы, приступов кашля, с трудом нагибающегося [15, p. 761], прорывается во время объяснения с Джулией: "I'm thirty-nine years old. ... I've got varicose veins. I've got five false teeth" [15, p. 814].

В первых романах Оруэлла присутствуют и описания «конкретных предметов», напоминающие фрагмент воображаемого дневника из эссе 1946 г. Центральные персонажи по-новому ощущают течение времени в тот момент, когда они созерцают пейзажи, пронизанные игрой света, движением, отличающиеся мимолетностью впечатления. Когда Флори впервые замечает, что за десять лет превратился из «многообещающего милого мальчика» в болезненного, несколько опустившегося и почти стареющего человека [11, p. 114], перед его взором появляется особый бирманский пейзаж. В тексте противопоставляются два мотива: быстрое целенаправленное движение ("speeding for England") и неизменная, вечно повторяющаяся картина ("the old stale scene"), в которой взгляд выхватывает обнаженные темные тела носильщиков, воловью упряжку на дороге, индуса с серпом, женщин у ручных жерновов. Объем сцене придают указания на долетающие звуки (скрип осей, перебранка кули, крик цапель) и заливающий весь пейзаж мягкий желтый свет закатного солнца ("sallow evening light") [11, p. 114]. Эти две стихии соответствуют двум состояниям Флори: с одной стороны – вновь пробудившееся ощущение молодости, возможность начать жизнь заново, с другой – понимание, что жизненный путь уже выбран и произошли необратимые изменения к худшему ("vast change and deterioration") [11, p. 114]. Бирманский пейзаж

вызывает у Флори сдвоенное чувство любви-ненависти; понимая, что разлагается, он вместе с тем признает глубокое родство со своей новой родиной: «...он сам до последней клетки стал плотью от плоти бирманской земли» ("...every particle of his body was compounded of Burmese soil") [11, p. 114]. Погружение в рутину колониальной жизни метафорически сопоставляется с обменом частицами тела или прорастанием корней ("He had sent deep roots ... into a foreign country") [11, p. 115].

Схожим образом для Дороти апрельский пейзаж становится символом нового этапа, «взросления». Переворот, произошедший в ее душе, описывается с помощью выражения, практически полностью повторяющего «Дни в Бирме»: "Something had happened in her heart" [12, p. 411] (ср. "Something turned over in Flory's heart" [11, p. 114]). Для Дороти мир «обеднел» и «опустел»; потеряв веру, она обнаружила «пустоту и смерть» в основании бытия ("the deadly emptiness... at the heart of things") [12, p. 422]. Это новое мироощущение соединяется со зрелищем проплывающих за окном поезда речных берегов, поросших ивами, лугов, живых изгородей, покрытых первыми нежно-зелеными почками, изможденного теленка, ковыляющего за коровой, и блестящего заступа старого, больного ревматизмом садовника, окапывающего покрытую призрачными белесыми цветами грушу. Движущиеся за окном предметы, каждый из которых – символ мимолетной игры света и цвета в переходное время года, вызывают у Дороти ассоциацию со стихом "Change and decay in all around I see" из гимна "Abide with Me" Г. Лита [12, p. 411]⁴.

Отдельного рассмотрения заслуживает роман «Глоток воздуха», в котором особенно

⁴ В романе «Да здравствует фикус» такой прием присутствует в «снятом» виде. Например, первая глава открывается звуком часов, отбивающих половину третьего, откликом часового звона с другой стороны улицы (движение звука как бы «размечает» пространство пейзажа, распространяясь, как рябь по воде, в душном воздухе – "The ding-dong of another, remoter clock – from ... the other side of the street – rippled the stagnant air") и нервным движением центрального персонажа, открывающего и закрывающего пачку сигарет [13, p. 577]. Как и в «воображаемом дневнике», повествователь следует за медленно движущимся по книжному магазину Гордоном, фиксируя впечатления и мысли. Другой пример – «датировка» времен года в Лондоне по предметам, на которые падает опущенный взгляд при движении по тротуару: "...the things you see lying about on the pavement. In late winter it is mainly cabbage leaves. In July you tread on cherry stones, in November on burnt-out fireworks" [13, p. 720].

часто встречается соединение темы «утраченного времени» и описания трудноуловимых, мимолетных впечатлений: например, церковные службы вспоминаются Боулингу как сочетание запахов, звуков и движений, включая медленно ползущее по полу солнечное пятно [14, р. 447].

Достаточно давно было отмечено, что ощущение «бессмысленности жизни, ведущей к смерти» – один из сквозных мотивов в произведениях Оруэлла 1930-х гг. [5, р. 56]. К. Смол, указывая на параллели между стихотворением Оруэлла “Sometimes in the Middle Autumn Days” (1933), мировоззрением Чумаря (Bozo), персонажа из очерка «Фунты лиха в Париже и Лондоне» (*Down and Out in Paris and London*, 1933), проблематикой романа «Дочь священника» и биографией писателя, предполагал, что разнообразные литературные маски давали Оруэллу возможность, с одной стороны, проговорить волновавшие его проблемы, а с другой – скрыть их, иронически отстраниться от них [5, р. 53–59]. Тема напряженной и, в конечном счете, безнадежной борьбы против смерти характерна для многих текстов Оруэлла. Она трактуется по-разному; центральные персонажи романов подходят к ней как бы с противоположных сторон. Дороти Хэйр поражена мыслью о «пустоте» и «холоде», лежащих в основе бытия, и переживает мучительный внутренний переворот; для Гордона Комстока размышления о предстоящей войне и бомбардировках Лондона – что-то вроде игры, в ходе которой он пытается «выделить» себя, противопоставить себя миру коммерции. Не чужд такому самолюбованию и Джордж Боулинг, который, боясь катастрофы, иногда все же «торопит» ее наступление, ощущая себя «пророком» среди толпы слепцов [14, р. 444]. Эта тема присутствует не только в художественных произведениях, но и в эссеистике Оруэлла. Она составляет, в частности, идейный центр очерка «Как умирают бедняки» (*How the Poor Die*, 1946), в котором описание парижской больницы подводит к поразившей рассказчика мысли: «...мне вдруг стало ясно, что это превращение в отвратительную кучу отходов ... и была той самой “естественной” смертью, о которой просят во время литании» [16, р. 228]. Повествователь с иронией называет превращение в «кучу отходов» уделом «удачливых», доживших до старости; иронию вызывают у него и готовность верующих принимать такую смерть как милость Божию, и обозначение старения, болезней и смерти – как «естественных» процессов. «Оза-

рение», посетившее рассказчика, по существу, означает бунт против мировоззрения, которое Оруэлл обозначил как «религиозное отношение к жизни» [17, р. 295]⁵. Особенно задевает автора очерка безличный характер происходящего: пациенты в больнице не удостоиваются ни слова, ни взгляда от врачей и персонала, еще при жизни превращаясь в «номера» или неодошевленные объекты: «Те пациенты, которые не могли платить за лечение и носили форменную пижаму, рассматривались в первую очередь как *медицинский образец*” (“*a specimen*”)⁶ [16, р. 226]. «Усыхание» или, наоборот, распухание лица, утрата словесного начала, от которого остается только фраза “Je pisse”, – все это символически означает исчезновение личности, вызванное не только человеческой черствостью, но и «природным» ходом вещей. Этим обусловлено возмущение автора эссе, направленное против Бога и против природы (не случайно в стихотворении “*A happy vicar I might have been...*” времена, когда люди могли «припасть» к природе, отнесены к прошлому, причем прошлому воображаемому, фиктивному) [10, р. 4–5].

Закономерным образом тема смерти как «поражения» или «неудачи» появляется и в последнем художественном произведении Оруэлла. В одной из заключительных глав романа «1984» Уинстон Смит слышит от О’Брайена: «Пока человек один – свободен – он всегда терпит поражение. Иначе и быть не может, ибо каждый человек обречен умереть, и это его самая большая неудача» (“*failure*”) [18, р. 896]. Впрочем, О’Брайен лишь повторяет мысль самого Уинстона: «Пока люди остаются людьми, *смерть и жизнь – одно и то же*» [18, р. 823]. Реплики О’Брайена по поводу внешнего вида Уинстона, стоящего перед зеркалом в Министерстве любви, продолжают размышления автора эссе о парижской больнице: «Что вы? Мешок с грязью. ... Если вы – человек, то таково человечество» [18, р. 901]. В этом свете становится яснее, почему Оруэлл, сообщая в 1946 г. о намерении написать новый роман после семилетнего перерыва, констатирует: «Этот роман обязательно обернется неудачей, поскольку *всякая книга – неудача*» [10, р. 7]. Так писатель

⁵ Следует в этой связи указать на развитие схожих тем в эссе «Лир, Толстой и шут» (1947), «Размышления о Ганди» (1949).

⁶ Стоит отметить параллель между «номерами» из больничной палаты (например, пациентом по прозвищу «Номер 57») и «номерами» из романа Е. Замятина «Мы», прочитанного Оруэллом незадолго до написания очерка.

заранее характеризовал роман, финал которого вполне заслуживает наименования “unhappy ending”. Можно думать, что есть связь между поражением центрального персонажа романа, Уинстона Смита, ощущающего себя «человеком вообще», «последним человеком», уходящим в небытие, и «неудачей», которой должна, по мысли Оруэлла, обернуться и всякая книга, и всякая жизнь, заканчивающаяся распадом «я». С этой точки зрения последний роман Оруэлла соединяет в себе разнообразные варианты решения проблемы, представленные в предыдущих произведениях: все их центральные персонажи в конечном счете принимают свой удел, отказываясь от «бунта», выделяющего их из мира. Литературное творчество в этом свете становится способом (заведомо тщетным) борьбы против небытия, протестом: на этом основании Оруэлл сравнивал труд писателя с плачем младенца, требующего внимания [10, р. 7]. Все литераторы, по Оруэллу, «тщеславны, эгоистичны и ленивы» (“vain, selfish, and lazy”) – в том смысле, что они, в отличие от «человеческой массы», не готовы отказаться от «чувства индивидуального бытия» (“abandon the sense of being individuals”) и посвятить себя «жизни для других», т. е. не готовы отказаться от своего «я», растворить его в жизни других. Вместо этого творческие люди – избранное меньшинство – до последнего момента своевольно отстаивают ту грань, которая выделяет их «я» из внешнего мира (“determined to live their own lives to the end”) [10, р. 7]. Именно это стремление отстоять свое «я», выделить его из мира и защитить от небытия роднит художника и младенца – и оно в известном отношении обречено на неудачу.

В своем понимании творчества Оруэлл продолжает литературную традицию рубежа XIX–XX вв., особым образом открывшую для себя «необратимость времени» и поставившую цель «трансформации себя в книгу» в смысле «противопоставления личного артистизма – смерти, гнетущему “всё течёт”, пустоте мира без “я”, своеобразного «поиска абсолюта через творчество» [19, с. 259]. В качестве самого важного, глубинного мотива, побуждающего писателя работать, Оруэлл указывает на некую «тайну» (“a mystery”). Создание каждой книги – «чудовищная, истощающая все силы борьба, подобная продолжительному приступу чудовищной болезни», на которую писатель ни за что не решился бы, «если бы его не понуждал некий демон» (“some demon”) [10, р. 7]. Оруэлл пытается отождествить «демона» с «инстин-

ктом», рационализировать это начало и сразу же берет сказанное назад, признавая, что этот «демон», в отличие от детского эгоизма, предполагает внутреннее противоречие: с одной стороны, творчество выделяет художника из мира, с другой стороны, оно побуждает *отказаться* от своей личности (“efface one’s own personality”), сделав содержанием произведения *увиденное*: «Хорошая проза подобна оконному стеклу» [10, р. 7]. Тайна, о которой идет речь, становится для пишущего своеобразной «гарантией» его собственного существования: она одновременно и «субъективна», так как действует в глубине души и образует ее «фундамент» (“the very bottom”), и «объективна», поскольку остается некоей «непостижимой» и «непреодолимой» силой, воспринимающейся как нечто внешнее для человеческого «я». Эта тайна обещает как бы синтез, сохранение личность и вместе с тем – подлинное погружение во внешний мир. Осознание «неудачи», на которую обречен художник, по-своему предполагает завершение эпохи «автономного индивида», т. е. необходимость в новой творческой программе.

Вторая тема, настойчиво обращающая на себя внимание, когда речь идет о путях развития или деградации индивида у Оруэлла, – тема зла, которое в художественной ткани романов Оруэлла не тождественно смерти и небытию⁷. Роман «Дни в Бирме» обязан своим мрачным колоритом отнюдь не только интригам судьбы У По Кина; стихия мамоны, воплощением которой является этот божок с кроваво-красным ртом (“perfect teeth, blood-red from betel juice”), действует повсеместно [11, р. 76]. Символическим указанием на нее является своеобразный фрагмент импровизированной «черной мессы», который Флори напевает, созерцая с холма город Кьяктаду: “‘Bloody, bloody hole!’ he thought, looking down the hill. And ... he began to sing aloud, ‘Bloody, bloody, bloody, oh, how thou art bloody’ to the tune of ‘Holy, holy, holy, oh how Thou art holy’”⁸ [11, р. 81]. Здесь также присутствует образ крови (“bloody”), предвосхищающий финал

⁷ По выражению В. А. Чаликовой, зло у Оруэлла «управляет жизнью так властно и последовательно, что порой кажется, что “оно”, это скрытое зло, и есть жизнь» [21, с. 18].

⁸ Флори называет свое тайное несогласие с «сахитами», проявляющееся лишь украдкой, «маленькой черной мессой» (“a little Black Mass on the sly”, *Burmese Days*. Р. 97). Г. Боукер обращает внимание, что в романе «Да здравствует фикус» (“Keep the Aspidistra Flying”) сатирическое обличение мамоны (“the money-god”, по выражению Оруэлла) вынесено в эпиграф, переименованный 1 Кор. 13 [22, р. 170].

романа. У читателя возникает ощущение, что жизненный путь Флори, заканчивающийся самоубийством, был предопределен изначально: его «беды» начались еще «в утробе матери», когда «случай (chance) наградила его сизой меткой во всю щеку» [11, р. 110]. Это же пятно, «дьявольское уродство» Флори, усиливающее в глазах Элизабет Лакерстин его публичное унижение, становится в конечном счете причиной катастрофы и гибели центрального персонажа (“It was, finally, the birthmark that had damned him”) [11, р. 244].

История Флори, проходящего один «этап становления» за другим [11, р. 110], изображается как своеобразная пародия на роман воспитания – «становление» означает в данном случае моральную и физическую деградацию. Родимое пятно, подобно отсутствующей тени Петера Шлемиля, выделяет Флори среди сверстников в школе и делает его изгоем – и оно же обнажает в мальчике ревностное стремление не только занять свое место в школьной иерархии, но и унижить обидчиков. Встраиваясь в мировой порядок, Флори приобщается к власти, он подчиняется, унижается, отрекается от себя – и вместе с тем утверждает себя, унижая других. Надежда на новую жизнь, появившаяся у Флори с приездом Элизабет Лакерстин, иллюзорна: Флори мечтает о «цивилизованной девушке, не пакка-мемсахиб» [11, р. 114], которая бы дала ему силы вырваться из засасывающего его водоворота одиночества, – но Элизабет «самой природой предназначена» именно для роли образцовой мемсахиб [11, р. 249]. Читателю, в отличие от Флори, это обстоятельство известно изначально, поэтому даже те части романа, в которых Флори оживляется и предчувствует возможное перерождение, напоминают об античной трагедии, герой которой, думая, что он борется против рока, на деле лишь ускоряет катастрофу⁹. Тему злого рока дополнительно

⁹ Связь этого романа с жанром трагедии становится еще более заметной, если учесть «геометрическое» распределение 25 глав романа на условные части, каждая по пять глав, напоминающие пять действий. Первые пять глав образуют экспозицию; Флори впервые знакомится с Элизабет в 6-й главе, к 15-й главе (2-е и 3-е действие) после череды неудач он добивается определенного успеха и почти делает предложение, которого ждет Элизабет; с 16-й главы Флори в немилости, так как его вытесняет Веррел, и лишь в конце 20-й главы он вновь начинает рассматриваться как «подходящая партия» для Элизабет (4-е действие); главы 21 и 22 превращают Флори в героя, в 23-й Веррел окончательно уезжает и «акции» Флори в глазах Элизабет достигают максимума; в 24-й главе происходит катастрофа; 25-я глава – эпилог, сообщающий, в частности, что Элизабет удачно вышла замуж за представителя комиссара.

подчеркивают некоторые эпизоды романа: например, землетрясение прерывает Флори как раз в тот момент, когда он собирался сделать предложение Элизабет, которое, по всей вероятности, было бы принято; сразу же после этого обстановка меняется из-за прибытия лейтенанта Веррелла, затмившего Флори в глазах Элизабет и ее тетушки. Та же последовательность событий (резкий переход от благополучия к несчастью) повторяется во второй раз: решительный удар, сломивший Флори, обрушивается на него, когда он впервые решился выступить против общественного мнения и проявил себя в чрезвычайных обстоятельствах. Именно в этот момент происходит катастрофа: из героя, которому Элизабет – уже во второй раз – едва не ответила согласием, Флори вновь превращается в изгоя. «Осуждение» Флори означает не просто возвращение к исходному положению: любовь к Элизабет казалась ему – вполне в духе литературной традиции – последней дорогой к спасению, осмысленному и наполненному бытию; с ее появлением в нем вновь пробудилась «способность страдать, а главное – надеяться» [11, р. 245]. Отказ Элизабет завершает «воспитание» Флори: он окончательно уверяется, что тоска по чему-то высшему, светлому и чистому (а также – мещанскому; символ этого чувства – дом с роялем) – заведомо безнадежна и доставляет лишь мучения. Под воздействием этого «урока» Флори совершает самоубийство. Принципиальный характер этого поступка подчеркивается тем, что Флори перед этим убивает свою собаку, уверяя, что не причинит ей вреда (т.е. лишь избавляет ее от страданий).

Тема рока, играющего с центральным персонажем романа, дополняется ироничным штрихом в последней главе, сообщающей, что У По Кин так и не смог осуществить часть своего жизненного плана – построить пагоды, которые бы искупили его многочисленные злодеяния, и сам оказался жертвой судьбы [11, р. 249]. При всей пародийности такого наказания злодея после его полного торжества, У По Кин – не только кукловод, властитель, но и «неудачник». Путь этого персонажа протекает под знаком преклонения перед властью как таковой, воплощенной в образах английских солдат, колониальной администрации, судьи и т.д. Иронически отмечая, что У По Кин достиг «всего, чего может добиться смертный» [11, р. 249], повествователь подчеркивает, что У По Кин еще при жизни превращается в «крокодила», «огромного фарфорового божка» или

«паразита», растворяется в избранной им среде, в то время как Флори теряет свой облик лишь после смерти (шрам его обесцвечивается, имя и обстоятельства жизни мгновенно забываются).

Символическое выражение двух аспектов центральной проблемы в романе «Дни в Бирме» дано в двух образах: насекомых, «совершивших самоубийство с помощью керосиновой лампы» (“had committed suicide against the petrol-lamp”) [11, р. 244], и прозрачной, почти невидимой ящерицы, охотящейся на мотылька как раз в тот момент, когда Флори нажимает на спусковой крючок [11, р. 246]. Полет мотылька к лампе, заканчивающийся гибелью, напоминает о ситуации Флори: в отличие от других англичан, вполне довольных жизнью в Индии и своим будущим, Флори страдает из-за присущего ему стремления к некоей высшей, подлинной жизни, которое в конечном счете и приводит к его обособлению, одиночеству и самоубийству; но эта смерть произошла не без внешнего воздействия, незаметного для Флори, но вполне очевидного для читателя, – образом этой силы становится полупрозрачная ящерица, не видимая для мотылька.

В других произведениях Оруэлла 1930-х гг. тема зла как повсеместно действующей силы отходит на второй план, но не исчезает. Очерк «Фунты лиха в Париже и Лондоне» открывается рассказом Шарли о его извращенных похождениях под улицами Парижа, в центре которых – вождение, садизм, желание проявлять власть, причиняя другим страдания. Некий дьявольский ритуал совершается в окрашенном в красный цвет подземном царстве, «в недрах пирамиды» (“at the heart of a pyramid”) [22, р. 18]; символическим ключом, открывающим доступ к этому святилищу, в котором свет льется будто сквозь чаши с кровью, становится тысяча франков. Все это Шарли именует проникновением в тайны подлинной любви; его монолог оказывается одним из центральных элементов своеобразной «увертюры», открывающей очерк. Черная месса появляется в третьей главе романа «Дочь священника»: ее произносит бывший клирик, мистер Толбойс, славословящий «Люцифера, князя воздушного» на тот же мотив, что и Флори [12, р. 355]. Эта часть третьей главы занимает особое место в структуре романа (она оформлена в виде драматического фрагмента и тем самым выделена); для Дороти слова «этого ужасного расстриги с Трафальгарской площади» становятся концентрированным

выражением метафизического бунта против Бога-властителя, для которого рождение и смерть разумных существ – всего лишь «развлечение» (“diversion”) [12, р. 423]. И хотя Дороти не планирует присоединиться к «черной мессе» (как ей это полусуто предлагают Толбойс и Уорбертон), она ощущает присутствие «князя воздушного» в образе понизывающего до костей ночного холода, противопоставить которому можно либо механически повторяющиеся слова молитв (начало романа), либо «горшок с клеем на печи», т.е. маленький и заведомо недостаточный источник тепла, «склеивающего» расколотый мир.

В романе «Да здравствует фикус»¹⁰ образ «черной мессы», искажающей сами понятия о Боге, добре и свете, появляется в эпитафии, где приводится «адаптированная» цитата из гимна любви ап. Павла («Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею...», 1 Кор. 13:1–7, 13), в которой слово «любовь» последовательно заменено на слово «деньги», «мамона» (“money”). Образ «денежного божества» и тема подмены, искажения священных понятий сопровождают Гордона на протяжении всего романа. Утверждая, что он «объявил войну мамоне» [13, р. 604], Гордон на самом деле не пытается преодолеть ее закон (“the money code” [13, р. 603]), оказаться «по ту сторону» респектабельности, приличия, проблем самооценки – не случайно он, в отличие от рассказчика «Фунтов лиха» или Дороти, неизменно остается в четырех стенах, не выходит «на дорогу». Он неспособен найти иное, подлинное основание для своего бытия, «древо жизни». (Такое бессилие найти иной источник жизненной энергии подчеркивает формула, внезапно приходящая Гордону на ум в финале романа: “The aspidistra is the tree of life” [13, р. 732].) Поэтому он оказывается не *противником* мамоны, а ее поклонником, выбирает худший из путей, «поклоняется богатству, но терпит неудачу в погоне за ним» [13, р. 603]. Намерение бороться против мамоны очевидным образом отсылает не столько к социалистическим программам, которые Гордон мельком обсуждает с другом-издателем, сколько к Евангелию: «блаженны нищие» (Лк. 6:20), «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться»

¹⁰ Название “Keep the Aspidistra Flying” отсылает к тому же Толбойсу, который напевает эту фразу на мотив “Deutschland, Deutschland über alles”.

(Мф. 6:25), «не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Однако на деле эта борьба совершается под знаком эгоизма, подросткового бунта, нежелания превращаться в одного из множества безликих «маленьких людей» (“little docile cit”) [13, р. 606], повторяют «путь всякого человека» [13, р. 731]. В размышлениях Гордона подспудно звучит тема *власти*, он желает строить себя по образцу Цезаря или Люцифера («лучше править в аду, чем прислужить в раю»), – но оказывается всего лишь в роли «мелкого беса» или осужденного грешника («лучше прислуживать в аду, чем прислуживать в раю, коли на то пошло») [13, р. 603]. Противопоставляя человеку «образованному» рабочих из «низших классов», у которых «в жилах течет кровь, а не деньги», Гордон дает характеристику самому себе: у него, получается, вместо крови – деньги (причем наблюдается «малокровие»). Следовательно, эпиграф описывает не внешний мир, с которым поэт вступает в борьбу, но самого персонажа. Это *он сам* втайне совершает «черную мессу», думая, что бросает вызов внешнему миру, а на самом деле – выражая себя. Это *он* называет единственное свое бесспорно доброе дело – заботу о Розмари и ребенке – капитуляцией перед «законом мамоны», принятием скрытого в сердце «вожделения» (“he had acknowledged his desire and surrendered to it”) [13, р. 731] и тем самым в очередной раз меняет места слова «любовь» и «деньги».

С особенной силой тема зла как вездесущей стихии, играющей человеком, провоцирующей бунт лишь для того, чтобы вернее погубить восставшего, уничтожить его личность, появляется в романе «1984» (*Nineteen Eighty-Four*, 1947–1948, публ. 1949). В нем содержатся указания на то, что темная сила, разрушающая Уинстона, имеет не человеческую природу: продолжительная слежка не объясняет того обстоятельства, что голос О’Брайена присутствовал в снах Уинстона задолго до того, как тот услышал его наяву. Сон, спровоцировавший внутреннее брожение центрального персонажа, имел место за семь лет до начала действия романа [18, р. 757]; О’Брайен утверждает, что на протяжении именно такого срока руководит Уинстонам, сравнивая себя с режиссером мистериальной драмы о изобличении еретика [18, р. 898]. Следует учитывать, что сны Уинстона имеют особую связь с реальностью. Самый заметный случай – видение «Золотой страны» [18, р. 760], которое предвосхищает появление очень похо-

жего пейзажа наяву [18, р. 816]. Уинстон ощущает, что его сны имеют своего рода пророческое значение. Они получают подтверждение через детали окружающего мира, так вокруг Уинстона складывается целая сеть воображаемых образов (“*imaginings*”) [18, р. 844], подталкивающих его к определенным мыслям и поступкам и при этом обманчивых: все они – часть той «драмы», о которой говорил О’Брайен, ведущей к финальному отказу Уинстона от себя, отречению от матери и принятию *власти* как божества. Уинстон тем самым доводит до предела линию, намеченную в образах Шарли, Гордона, ищущего власти над Розмари, Боулинга-подростка, ощущавшего, что приобщается к «мужской» стихии, когда зло подшучивает над окружающими, ловит рыбу и топчет живых птенцов, и других подобных персонажей [14, р. 467].

Итак, можно утверждать, что мысль Оруэлла постепенно развивалась на протяжении 1930–1940-х гг. Хотя центральные персонажи большинства его романов не совершают самоубийства (а иногда обретают даже относительное благополучие), они все же обостренно переживают течение времени, свою смертность, мимолетность всего ценного и прекрасного; их попытки взбунтоваться, выделиться из окружающего мира обречены на неудачу; большинство из них так или иначе пасуют перед стихией тьмы, пустоты, обмана. Устойчивое воспроизведение этих тем создает образ неизбежного краха, «неудачи», ожидающей всякого человека. С этой точки зрения получают новое значение размышления Оруэлла о смысле творчества и о завершении эпохи «автономного индивида», как бы подводящие итог литературному освоению субъективности в литературе XIX и начала XX в.

Список литературы

1. Кабанова И. В. Английский роман тридцатых годов XX века. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 98 с.
2. Rossi J., Rodden J. A political writer // *The Cambridge Companion to George Orwell* / ed. by J. Rodden. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2007. P. 1–11. <https://doi.org/10.1017/CCOL0521858429.001>
3. Ingle S. *George Orwell: A political life*. Manchester ; New York : Manchester University Press, 1993. 146 p.
4. Толмачёв В. М. Где искать XIX век? // *Зарубежная литература второго тысячелетия: 1000–2000* : учеб. пособие / под ред. Л. Г. Андреева. М. : Высшая школа, 2001. С. 117–185.
5. Small C. *The Road to Miniluv: George Orwell, the State, and God*. London : V. Gollancz, 1975. 220 p.

6. Кабанова И.В. Документальное и вымышленное в автобиографии: Джордж Оруэлл и Сирил Конноли // Филологический класс. 2012. № 2 (28). С. 107–112.
7. Orwell G. Review of «Byron and the Need of Fatality» by Charles du Bos // The Collected Essays, Journalism and Letters : in 4 vols. / ed. by S. Orwell, I. Angus. Vol. 1: An Age Like This, 1920–1940. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968. P. 95–97.
8. Orwell G. Literature and Totalitarianism // The Collected Essays, Journalism and Letters : in 4 vols. / ed. by S. Orwell, I. Angus. Vol. 2: My Country Right or Left, 1940–1943. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968. P. 134–137.
9. Orwell G. Notes on the Way // The Collected Essays, Journalism and Letters : in 4 vols. / ed. by S. Orwell, I. Angus. Vol. 2: My Country Right or Left, 1940–1943. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968. P. 15–18.
10. Orwell G. Why I Write // The Collected Essays, Journalism and Letters : in 4 vols. / ed. by S. Orwell, I. Angus. Vol. 1: An Age Like This, 1920–1940. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968. P. 1–7.
11. Orwell G. Burmese Days // Orwell G. Animal Farm; Burmese Days; A Clergyman's Daughter; Coming up for Air; Keep the Aspidistra Flying; Nineteen Eighty-Four. London : Secker & Warburg, Octopus, 1976. P. 69–249.
12. Orwell G. A Clergyman's Daughter // Orwell G. Animal Farm; Burmese Days; A Clergyman's Daughter; Coming up for Air; Keep the Aspidistra Flying; Nineteen Eighty-Four. London : Secker & Warburg, Octopus, 1976. P. 254–425.
13. Orwell G. Keep the Aspidistra Flying // Orwell G. Animal Farm; Burmese Days; A Clergyman's Daughter; Coming up for Air; Keep the Aspidistra Flying; Nineteen Eighty-Four. London : Secker & Warburg, Octopus, 1976. P. 575–737.
14. Orwell G. Coming Up for Air // Orwell G. Animal Farm; Burmese Days; A Clergyman's Daughter; Coming up for Air; Keep the Aspidistra Flying; Nineteen Eighty-Four. London : Secker & Warburg, Octopus, 1976. P. 431–571.
15. Orwell G. Nineteen-Eighty Four // Orwell G. Animal Farm; Burmese Days; A Clergyman's Daughter; Coming up for Air; Keep the Aspidistra Flying; Nineteen Eighty-Four. London : Secker & Warburg, Octopus, 1976. P. 742–925.
16. Orwell G. How the Poor Die // The Collected Essays, Journalism and Letters : in 4 vols. / ed. by S. Orwell, I. Angus. Vol. 4: In Front of Your Nose, 1945–1950. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968. P. 223–233.
17. Orwell G. Tolstoy, Lear and the Fool // The Collected Essays, Journalism and Letters : in 4 vols. / ed. by S. Orwell, I. Angus. Vol. 4: In Front of Your Nose, 1945–1950. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1968. P. 287–302.
18. Orwell G. Nineteen Eighty-Four // Orwell G. Animal Farm; Burmese Days; A Clergyman's Daughter; Coming up for Air; Keep the Aspidistra Flying; Nineteen Eighty-Four. London : Secker & Warburg, Octopus, 1976. P. 741–925.
19. Толмачёв В. М. О границах символизма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Филология. Философия. История. 2004. № 3. С. 247–267.
20. Чаликова В.А. Жанровые и автобиографические источники романа Оруэлла «1984» // Феномен утопии в общественном сознании и культуре : сб. науч. тр. памяти В. А. Чаликовой. М. : ИНИОН РАН, 2021. С. 14–75. <https://doi.org/10.31249/utopia/2021.00.02>, EDN: SBCCHT
21. Bowker G. Inside George Orwell: A biography. New York : Palgrave Macmillan, 2003. 496 p.
22. Orwell G. Down and Out in Paris and London. London : Gollancz, 1933. 288 p.

Поступила в редакцию 21.10.2025; одобрена после рецензирования 04.11.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 21.10 .2025; approved after reviewing 04.11.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 193–199

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 193–199

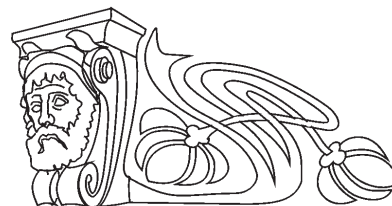
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-193-199>, EDN: SKXHTW

Научная статья

УДК 316.7(470+571+510)+[821.161.1.09-3:221.3]+929Платонов

Анализ произведений Андрея Платонова с точки зрения даосизма

Лю Юэ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Лю Юэ, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, liuyue159@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5829-1199>

Аннотация. Настоящее исследование ставит целью выявление и анализ точек соприкосновения философского содержания произведений советского писателя Андрея Платонова (1899–1951) с ключевыми концепциями китайского даосизма. Несмотря на относительно позднее начало переводов и изучения творчества Андрея Платонова в Китае, обусловленное как историко-политическими причинами, так и уникальной сложностью языкового стиля, в котором он создавал собственные литературные произведения, современное литературоведение фиксирует наличие определенных параллелей платоновского мировоззрения и традиционной для китайцев даосской философии. Основываясь на сравнительном анализе текстов (романы «Чевенгур», «Счастливая Москва», повести «Котлован», сказки «Неизвестный цветок», «Иван Бесталаный и Елена Премудрая» и др.) и трудах исследователей (К. А. Баршт, Дань Сюань), в работе демонстрируется, как платоновское осмысление бытия, смерти («вещество существования»), отношения человека к природе и обществу резонирует с даосскими принципами: единство человека и природы («天人合一»), преобразование «ци» («生死气化, 顺其自然»), «возвращение к простоте» («返璞归真»), «высшая добродетель подобна воде» («上善若水»), «великая мудрость кажется глупостью» («大智若愚»), «управление через недеяние» («无为而治»), принятие жизненных невзгод. Исследование подтверждает наличие значимых соответствий, указывающих на универсальность поднимаемых Андреем Платоновым экзистенциальных вопросов и философских проблем, а также на существование культурно-философских параллелей между русской и китайской культурными традициями, которые в полной мере заслуживают дальнейшего изучения.

Ключевые слова: даосизм, А. П. Платонов, Лао-цзы, Чжуан-цзы, рецепция, вещество существования, «ци», недеяние, простота, жизнь, смерть, природа, сказка, транскulturность

Для цитирования: Лю Юэ. Анализ произведений Андрея Платонова с точки зрения даосизма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 193–199. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-193-199>, EDN: SKXHTW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Analysis of Andrey Platonov's works from the point of view of Taoism

Liu Yue

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 6 Miklouho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Liu Yue, liuyue159@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5829-1199>

Abstract. This study aims to identify and analyze points of convergence between the philosophical content in the works of the Soviet writer Andrei Platonov (1899–1951) and the core concepts of Chinese Taoism. Despite the relatively late start in translating and studying Andrei Platonov's oeuvre in China, resulting from both historical-political factors and the uniquely complex linguistic style of his literary creations, contemporary literary studies acknowledge certain parallels between Platonov's worldview and the traditional Chinese philosophy of Taoism. Employing the comparative analysis of Platonov's texts (novels *Chevangur*, *Happy Moscow*; novellas "The Foundation Pit"; fairy tales "The Unknown Flower", "Ivan the Talented and Elena the Wise" among others) and the research of scholars (K. A. Barsht, Dan Xuan), this article demonstrates how Platonov's contemplation of existence, death ("substance of existence"), and the attitude of man towards nature and society resonates with Taoist principles: the unity of man and nature (天人合一), the transformation of "qi" (生死气化, 顺其自然), "return to simplicity" (返璞归真), "the highest virtue is like water" (上善若水), "great wisdom seems like foolishness" (大智若愚), "governance through inaction" (无为而治), and the acceptance of life's adversities. The research confirms the existence of significant correlations, indicating both the universality of the existential questions and philosophical problems raised by Andrei Platonov and the presence of cultural-philosophical parallels between Russian and Chinese cultural traditions that fully warrant further investigation.

Keywords: Taoism, A. P. Platonov, Laozi, Zhuangzi, reception, the substance of existence, "qi", inaction, simplicity, life, death, nature, fairy tale, trans-cultural

For citation: Liu Yue. Analysis of Andrey Platonov's works from the point of view of Taoism. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 193–199 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-193-199>, EDN: SKXHTW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Актуальность исследования продиктована комплексом современных научных и социокультурных факторов.

Во-первых, в наши дни растет интерес гуманитарных наук к выявлению глубинных философских корреляций между различными культурными традициями, существующими вне рамок прямого историко-культурного влияния. Изучение подобных транскультурных параллелей, к которым относятся обнаруженные соответствия между платоновской картиной мира и даосизмом, отвечает актуальной исследовательской повестке, направленной на поиск универсальных экзистенциальных интуиций.

Во-вторых, несмотря на фундаментальную изученность философского измерения прозы А. Платонова в контексте западной и русской мысли, ее сопоставление с восточными философскими системами, в частности с даосской традицией, остается недостаточно разработанной областью в современном платоноведении.

В-третьих, ключевые даосские принципы – такие как идея гармоничного единства человека и природы («天人合一»), критика насильственного вмешательства в естественный порядок («无为而治»), ценность «возвращения к простоте» («返璞归真») и принятие цикличности бытия – обладают особой релевантностью в современную эпоху, характеризующуюся экологическими вызовами, сложностями социального управления и ускорением ритма жизни. Анализ их рефлексии в творчестве Платонова способствует не только углублению понимания его наследия, но и его актуализации в свете этих глобальных вопросов.

И наконец, работа вносит вклад в развитие академического диалога между культурами России и Китая, выявляя точки неожиданного философского родства, что имеет значение в контексте укрепления взаимопонимания и культурных связей.

Цель статьи – выявление и анализ точек соприкосновения философского содержания произведений советского писателя Андрея Платонова с ключевыми концепциями китайского даосизма.

Новизна исследования определяется комплексным сравнительным анализом как основных романов и повестей Платонова («Чевенгур», «Котлован», «Счастливая Москва»), так и его сказочного наследия («Неизвестный цветок», «Иван Бесталаный и Елена Премудрая»,

«Умная внучка»), ранее не столь пристально рассматривавшихся в данном аспекте. Работа опирается на труды ведущих исследователей (К. А. Баршт, Дань Сюань), развивая их идеи и выявляя новые аспекты взаимодействия платоновской мысли с даосскими категориями.

Хотя отдельные параллели (особенно концепция «вещества существования» / «ци») отмечались (Баршт), систематическое исследование рецепции широкого спектра даосских принципов («天人合一» – единство человека и природы, «生死气化, 顺其自然» – преобразование «ци», «返璞归真» – возвращение к простоте, «上善若水» – высшая добродетель подобна воде, «大智若愚» – великая мудрость кажется глупостью, «无为而治» – управление через недеяние, принятие жизненных невзгод) в различных жанрах творчества Платонова предпринимается впервые. Исследование восполняет этот пробел.

Андрей Платонович Платонов (1899–1951) – один из самых оригинальных писателей в истории русской литературы XX в.; его работы отличаются философской глубиной, сочетают трагизм, гротеск и метафизические размышления о человеческом существовании. Произведения А. П. Платонова долгое время были запрещены цензурой, многие из лучших работ писателя не были опубликованы при его жизни. К ним относятся роман «Чевенгур», повесть «Котлован». В последние годы жизни литературная деятельность писателя была запрещена; благодаря неизменной поддержке М. А. Шолохова писатель получил возможность трудиться над обработкой народных сказок и смог опубликовать сборники «Волшебное кольцо» и «Башкирские народные сказки». Вышли также его сказочные работы «Разноцветная бабочка» и «Неизвестный цветок». Все это предоставило писателю возможность продолжать свою творческую деятельность [1, с. 82]. Переводы на китайский язык произведений А. П. Платонова, а также их исследования в Китае начались сравнительно поздно. Это связано, прежде всего, с тем, что многие произведения писателя долгое время находились под запретом. Кроме этого, языковой стиль платоновских работ весьма своеобразен, что затрудняет перевод.

Самыми первыми переводами произведений А. П. Платонова на китайский язык были его сказки. В 1955 г. был опубликован сборник сказок «Волшебное кольцо» в переводе Синь

Юань (辛垣) и Ян Сяхуа (杨霞华). В последующие двадцать лет в Китае исследований на платоновскую тематику не проводилось. В конце 1980-х гг. работы А. П. Платонова стали разрешены в СССР; китайские ученые также обратили на них внимание. На сегодняшний день многие произведения писателя переведены на китайский язык. Среди них – рассказ «Песчаная учительница» в переводе Ву Цзэ-линя (1986), повесть «Ювенильное море» в переводе Хэ И (1987), роман «Чевенгур» в переводе Гу Яна (1997), повесть «Котлован» в переводе Сюй Чжэньи (2002), роман «Счастливая Москва» в переводе Дань Сюаня (2022) и др. Платоновские исследования в Китае прошли путь от краткого описания жизни и творчества писателя до углубленного изучения отдельных его произведений. В этой связи стоит назвать книгу китайского литературоведа Дань Сюаня «Мир А. П. Платонова: Поиск смысла индивидуального и целостного существования», опубликованную в 2009 г.

В своем творчестве А. П. Платонов затрагивал тему судьбы человечества; он поднимал сложные философские проблемы взаимоотношений человека, природы и общества. Некоторые идеи, отраженные в его произведениях, в некоторой степени перекликаются с китайской даосской философией.

Даосизм представляет собой философское течение, сформировавшееся в Китае в период Чунцю (Весны и Осени) и Чжаньго (Сражающихся царств). Его мысли оказали глубокое влияние на развитие китайской философии, культуры, искусства и религии. Даосизм – это единственная религия, изначальной страной происхождения которой является Китай. Основоположителем даосизма является Лао-цзы. Среди выдающихся представителей даосизма – Лао-цзы, Чжуан-цзы и Ле-цзы, основными трудами даосизма являются «道德经» («Дао дэ цзин»), «庄子» («Чжуан-цзы»), «列子» («Ле-цзы»). Ключевые концепции даосизма перечислены в таблице.

Ключевые концепции даосизма

Концепция	Характеристика
顺其自然 («дао» должно следовать естественности)	Необходимо позволить природе идти своим чередом и не вмешиваться в ее деятельность силой [2, с. 218]
大智若愚 (великая мудрость кажется глупостью)	Выражает идею стратегического сокрытия интеллекта для гармонизации с дао [2, с. 167]
上善若水 (высшая добродетель подобна воде)	Согласно даосскому учению, вода символизирует жизненную силу, питает все сущее без требования награды [2, с. 27]. Добродетельный человек также должен делать добрые дела без желания получения выгоды
返璞归真 (возвращение к простоте)	Идея подразумевает необходимость избавления от всего наносного ради восстановления истинной человеческой природы [2, с. 106]
无为而治 (управление через недеяние)	Правитель должен избегать насильственных реформ, позволяя обществу самостоятельно организовывать свою структуру [2, с. 9]
祸福相依 (плохое и хорошее взаимосвязано)	Плохие вещи могут привести к хорошим результатам, а хорошие вещи могут иметь и негативные последствия, поэтому в сложных ситуациях следует сохранять оптимистичный настрой и искать возможности для улучшения [2, с. 219]
以柔克刚 (мягкое побеждает твердое)	Слабое и гибкое обладает скрытой силой, способной нейтрализовать внешнюю агрессию. Например, мягкая вода точит твердый камень [2, с. 293]. Эта идея представляет собой важный принцип даосской диалектики
天人合一 (единство природы и человека)	Здесь находит отражение даосский взгляд на взаимоотношения человека и природы. Природа является основой человеческого существования [2, с. 296]

Философия и литература представляют собой две основные сферы духовной деятельности человека. Первая занимается поиском истины через рациональные рассуждения, тогда как

вторая концентрируется на эмоциональном воздействии. Хотя их методы кажутся различными, между ними существует глубокая взаимосвязь. Даосская мысль, как одна из основных школ

китайской философии, существенно повлияла на духовную основу не только китайского, но также и мирового литературного творчества.

В связи с этим китайский литературовед Фэй Туаньцзе в статье «О даосской мысли и художественных поисках в литературном взгляде Цзя Пинва» исследует даосское мировоззрение в литературе на примере работ Цзя Пинвы, известного современного китайского писателя [3]. Китайский ученый Ли Сюэпин использует роман американской писательницы-фантаста Урсулы Ле Гуин «Левая рука Тьмы» как материал для анализа воздействия даосской мысли на американскую литературу [4]. Российский литературовед К. А. Баршт в статье «“Вещество жизни” Андрея Платонова и категория “ци” в китайской философской традиции» выдвигает гипотезу о знакомстве А. П. Платонова с книгой Лао-цзы «Дао дэ цзин» [5, с. 163].

По мнению К. А. Баршта, в произведениях А. П. Платонова представлен философский взгляд, сходный с категорией «ци» (气) китайского даосизма, который автор статьи называет «веществом существования» или «веществом жизни» [5, с. 165]. «Ци» является одной из основных категорий китайского даосизма. В даосизме «ци» понимается как жизненная сила, духовный символ, является источником энергии, которая обеспечивает рост и развитие всего сущего. Кроме этого, «ци» символизирует внутреннюю связь и гармонию между всеми сущностями во Вселенной и служит мостом, соединяющим макрокосмос и микрокосмос. Даосский взгляд на жизнь и смерть может быть выражен в идиоме «生死气化, 顺其自然» (жизнь и смерть – это преобразования «ци», следующие природному порядку). Согласно даосизму, смерть – это не конец жизни, но ее продолжение в другом состоянии; даосы полагают, что после смерти человек возвращается к природе и воссоединяется со Вселенной [6, с. 172].

К. А. Баршт отмечает, что подобная идея представлена и в произведении А. П. Платонова «Котлован». Он утверждает, что «крестьяне в повести “Котлован” не боятся смерти и спокойно готовятся к ней, заготавливая гробы и планируя свой переход в иное состояние» [5, с. 166]: «Не устерег двух гробов, – высказался Елисей. – Во что теперь сам ляжешь? – А я, Елисей Саввич, под кленом дубравным у себя на дворе, под могучее дерево лягу. Я уж там и

ямку под корнем себе уготовил, умру – пойдет моя кровь соком по стволу, высоко взойдет! Иль, скажешь, моя кровь жидка стала, дереву не вкусна?» [7, с. 464]. Упомянутый выше даосский взгляд на жизнь и смерть отражен и в сказке «Неизвестный цветок». После увядания цветок возвращается в почву, что соответствует даосскому представлению о возвращении к природе после смерти: «...однако прошлогоднего цветка, жившего меж камнем и глиной, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень... И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок – такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и еще прекраснее» [8, с. 181]. Данное описание соответствует даосской идее, согласно которой смерть не является концом жизни, а представляет собой ее продолжение в другом состоянии.

Кроме того, в сказке «Неизвестный цветок» воплощен даосский взгляд на жизненные обстоятельства. В 23-й главе китайского источника «Дао дэ цзин» есть такая фраза: «希言, 自然。飘风不终朝, 骤雨不终日。孰为此者? 天地。天地尚不能久, 而况于人乎?» [2, с. 86]. В переводе на русский это означает, что невзгоды в жизни подобны дождю и сильному ветру; они не будут длиться вечно, поэтому следует сохранять естественное состояние духа, придерживаться наших первоначальных стремлений и стараться избегать неприятностей. В сказке Платонова неизвестный цветок рос на пустыре, в сложных условиях: «...на пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мертвая глина... так начал жить на свете тот маленький цветок. Нечем было ему питаться в камне и в глине» [8, с. 178]. Однако он продолжал бороться: «Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра падали на глину пылинки, что принес ветер с черной тучной земли... цветок всю ночь сторожил росу и собирал ее по каплям на свои листья. А когда листья тяжелели от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз» [8, с. 179]. Он изо всех сил стремился вырасти в по-настоящему красивый цветок. Его сильная воля соответствует упомянутому выше даосскому отношению к жизненным ситуациям.

В сказке А. П. Платонова «Иван Бесталанный и Елена Премудрая» также присутствуют идеи, схожие с даосским учением. Прежде всего, в Иване Бесталанном можно увидеть даосскую идею, согласно которой великая мудрость подобна глупости. Последователи даосизма верят, что человек, который кажется недостаточно умными, на самом деле может обладать незаурядным талантом. Таким образом, подчеркивается контраст между внутренней мудростью и внешним поведением. Согласно даосизму, истинная мудрость часто скрыта в неприметных местах [2, с. 167]. Герой в сказке А. П. Платонова похож на Ивана-дурачка из русских народных сказок, он бесталанный, «всякое дело у Ивана из рук уходит, не как у людей; всякое дело ему не в пользу и впрок, а все поперек» [8, с. 315]. Тем не менее, Иван всегда решает проблемы, используя не ум, но доброе сердце.

В сказке А. П. Платонова отражена даосская философия «上善若水» (высшая добродетель подобна воде) [2, с. 27]. Это означает, что вода дает питательную влагу всем, не конкурирует с другими ни за что и не требует никакой благодарности. Бескорыстие проявляется в том, что Иван всегда помогает другим, даже когда сам находится в беде. Например, во время поиска жены он проявил желание помочь животным, несмотря на собственную усталость и голод, «вот идет он путем, идет дорогой, идет тропинкой, плохо ему, горюет он по жене. Видит Иван – щука у воды лежит, совсем помирает, а в воду влезть не может. “Гляди-ко, – думает Иван, – мне-то плохо, а ей того хуже”» [8, с. 320]. Кроме того, он также помог Дарье починить платье, чтобы она могла избежать наказания, хотя его проблема остается пока нерешенной, а собственная жизнь – все еще в опасности.

Даосская философия «返璞归真» (возвращение к естественности) [2, с. 106] также нашла отражение в сказке «Иван Бесталанный и Елена Премудрая». Когда Елена надевает чудесное платье и получает волшебное зеркало и волшебную книгу, она становится недовольна мужем: «...какая красавица, а за бесталанным мужем живет! Стать бы мне птицей, улетела бы я отсюда далеко-далеко» [8, с. 319]. С точки зрения даосизма каждый человек рождается с чистой душой, но под влиянием жадности он может постепенно утратить то хорошее, что в нем есть. В конце сказки Елена Премудрая просит

у Ивана прощения, и они снова вместе и снова счастливы, что также перекликается с даосской философией о возможности возвращения души в естественное состояние, на путь добра.

По мнению А. Д. Синявского, «сказочный дурак – не мудрец, не мистик и не философ. Он ни о чем не рассуждает, а если и рассуждает, то крайне глупо. Но, можно заметить, он тоже находится в этом состоянии восприимчивой пассивности. То есть – в ожидании, когда истина придет и объявится сама собою, без усилий, без напряжения с его стороны» [9, с. 19]. Иван в сказке А. П. Платонова подходит под это описание. «Доели они последнюю краюшку хлеба, самую остатную. Мать и думает о сыне – как он будет жить, бесталанный... Покуда мать кручинилась так-то, Иван сидел на завалинке и ни о чем не горевал» [8, с. 316]. Это похоже на даосскую философию «顺其自然», которая означает, что все должно развиваться согласно естественному течению событий [2, с. 218].

Концепция управления страной в книге «Дао дэ цзин», в особенности идея «无为而治» (правитель должен следовать естественному течению событий), является одной из основных идей даосской политической философии. Некоторые аналогичные философские идеи можно найти и в произведениях А. П. Платонова, особенно при его описании отношений человека и общества. Платонов испытывает трепет перед силами природы, а к власти относится критически. Например, в повести «Котлован» автор раскрыл катастрофу, вызванную чрезмерным государственным контролем и стремлением к созданию «идеального общества».

Подобная идея отражена и в его сказке «Умная внучка», в которой царь называет себя судьей, полагая, что он представляет истину, следовательно, может судить всех. Однако на самом деле его суждения об истине основывались не на доказательствах, а на том, кто мог выполнить задачи, которые он сам поставил. Здесь заимствуется сюжет из сказки А. Н. Афанасьева «Мудрая дева», при этом А. П. Платонов переосмысливает финал. В версии Афанасьева героиня вырастает и выходит замуж за царя, тогда как у Платонова нет такого сказочного идеального финала. Слова Дуни о том, что она сама хочет стать судьей, разозлили царя. «Социальная детерминированность героев – общая черта народных сказок и Платоновского пересказа, но у Платонова, в отличие от народной сказ-

ки, «примирение» сословий невозможно» [10, с. 159]. Писатель в сказке выразил критическое отношение к классовому неравенству и чрезмерному вмешательству власти, что соответствует даосским концепциям.

Китайский литературовед Дань Сюань в своей книге «Мир А. П. Платонова: Поиск смысла индивидуального и целостного существования» рассуждает о философских вопросах отношения человека и природы в творчестве А. П. Платонова. По его мнению, натурфилософия Платонова содержит в себе две концепции: «с одной стороны, люди должны быть ближе к природе и глубже стремиться к ее познанию, покорять и контролировать природу, чтобы идти к общему счастью всего человечества и осознать смысл существования всех людей; с другой стороны, как личности, люди осознают смысл своего собственного существования, интегрируясь в природу и гармонично сосуществовая с ней, сохраняя при этом независимость и целостность человеческих ценностей. Размышляя о взаимоотношениях человека и природы, Платонов выступал как против лишения природы ради выживания, так и против принесения в жертву индивидуальной значимости ради общей ценности человечества» [11, с. 48].

В качестве примера проанализируем фрагмент из романа «Счастливая Москва»: «Затем Москва мылась, удивляясь химии природы, превращающей обыкновенную скудную пищу (каких только нечистот Москва не ела в своей жизни!) в розовую чистоту, в цветущие просторства ее тела. Даже будучи сама собой, Москва Честнова могла глядеть на себя, как на постороннюю, и любоваться своим туловищем во время его мытья. Она знала, конечно, что здесь нет ее заслуг, но здесь есть точная работа прошлых времен и природы, – и позже, жуя завтрак, Москва мечтала что-то о природе – текущей водою, дующей ветром, непрерывно ворочающейся, как в болезненном бреде, своим громадным терпеливым веществом... Природе надо было обязательно сочувствовать – она столько потрудилась для создания человека, – как неимущая женщина, много родившая и теперь уже шатающаяся от усталости...» [12, с. 19]. Литературовед Дань Сюань отмечает, что фрагмент отражает размышления героини об отношениях природы и человека. Героиня четко осознает, что именно природа создала человека и что природа является источником

всего сущего [11, с. 109]. Такие взгляды соответствуют даосской идее «天人合一», которая подразумевает единство человека и природы [2, с. 296].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в произведениях А. П. Платонова выражены некоторые идеи, близкие к даосской мысли. Подобное не является случайностью в контексте русской литературы. В 2015 г. русский ученый А. Л. Мышинский написал статью «Лев Толстой и Лао-цзы» [13], в 2021 г. китайским исследователем Чжан Исянь была опубликована работа «Даосизм как константа в творчестве В. Пелевина» [14], а в 2025 г. вышла статья китайского литературоведа Бай Ян под названием «Эстетика даосизма в творчестве К. Д. Бальмонта» [15]. Следовательно, можно говорить о присутствии элементов даосизма, в русских литературных произведениях. Кроме того, обозначенное сходство указывает на существующие параллели между китайской и русской культурами, требующими более глубокого и всестороннего изучения.

Список литературы

1. Лю Юэ. Фольклорная традиция и авторский стиль в сказках А. П. Платонова // Филология: лингвистика и литературоведение в современном мире : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 225-летию со дня рождения А. С. Пушкина (Ростов-на-Дону, 27 сентября 2024 г.). Ростов н/Д : Изд-во РостГМУ, 2025. С. 81–84. EDN: ACROEF
2. 老子, 李若水 道德经. 中国华侨出版社, 2014年, 320页 (Лао-цзы, Ли Рюшуй. Дао дэ цзин. Пекин : Изд-во Чжунго хуацяо, 2014. 320 с.).
3. 费团结 论贾平凹文学观中的道家思想及其艺术追求. 陕西理工大学学报 (社会科学版), 2023,41(04):61–70页 (Фэй Туаньцзе. О даосской мысли и художественных поисках в литературной перспективе Цзя Пинвы // Журнал Шэньсийского университета науки и технологий (издание по социальным наукам). 2023. № 41 (04). С. 61–70).
4. 李学萍 道家思想对美国生态文学的影响——以厄苏拉·勒奎恩《黑暗的左手》为例. 浙江社会科学, 2022,(01):138–141页. <https://doi.org/10.14167/j.zjss.2022.01.022> (Ли Сюэпин. Влияние даосской мысли на американскую экологическую литературу: исследование книги Урсулы Ле Гуин «Левая рука Тьмы» // Чжэцзянские общественные науки. 2022. № 01. С. 138–141. <https://doi.org/10.14167/j.zjss.2022.01.022>).
5. Барш К. А. «Вещество жизни» Андрея Платонова и категория «ци» в китайской философской традиции // Соловьевские исследования. 2017. № 3 (55). С. 163–181. EDN: ZRPFPH

6. 庄子, 孙通海译 庄子. 中华书局, 2017: 318页 (Чжуан-цзы, Сунь Тунхай. Чжуан-цзы. Шанхай : Изд-во Чжунхуа шуцзюй, 2017. 318 с.).
7. Платонов А. П. Полн. собр. соч. : в 8 т. 2-е изд., стер. Т. 3. М. : Время, 2011. 608 с.
8. Платонов А. П. Полн. собр. соч. : в 8 т. 2-е изд., стер. Т. 6. М. : Время, 2012. 416 с.
9. Синяевский А. Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М. : Аграф, 2001. 216 с.
10. Хорькова М. В. О специфике сказок А. П. Платонова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 1. С. 155–163. EDN: MBVUAZ
11. 淡修安 普拉东诺夫的世界: 个体和整体存在意义的求索. 世界知识出版社, 2009年, 303页 (Дань Сюань. Мир А. П. Платонова: Поиск смысла индивидуального и целостного существования. Пекин : Изд-во Мировых знаний, 2009. 303 с.).
12. Платонов А. П. Полн. собр. соч. : в 8 т. 2-е изд., стер. Т. 4. М. : Время, 2011. 624 с.
13. Мышинский А. Л. Лев Толстой и Лао-цзы // Общество и государство в Китае. Т. 45, ч. 1. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2015. С. 565–671. EDN: YGAEVT
14. Чжан Исянь. Даосизм как константа в творчестве В. Пелевина // Мир русского слова. 2021. № 2. С. 68–73. <https://doi.org/10.24412/1811-1629-2021-2-68-73>, EDN: SQRBSY
15. Бай Ян. Эстетика даосизма в творчестве К. Д. Бальмонта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 1. С. 194–199. <https://doi.org/10.30853/phil20250030>

Поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 200–209

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 200–209

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-200-209>, EDN: TLGGWX

Научная статья

УДК [82.0:821.133.1.09-31]+929[Пажес+Ле Теллье]

Трансфикциональный метаперсонаж Жан-Батист Ботюль

В. В. Кириченко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

Кириченко Владислав Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента иностранных языков, kirlimfaul@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9209-0554>

Аннотация. Настоящая работа посвящена фигуре вымышленного философа по имени Жан-Батист Ботюль и его роли в дискурсе современной французской литературы. Для анализа данного героя в работе используются концепции трансфикциональности и метаперсонажа. Сам Ботюль придуман французским журналистом-сатириком Фредериком Пажесом. Его изобретение получило широкую популярность в среде различных деятелей науки и искусства, которые продолжили придумывать исследования и работы, якобы написанные неким Ботюлем. Фигура Ботюля представляет масштабный интерес с точки зрения теории литературы, особенно в контексте внедрения подобных псевдореальных персонажей в откровенно фикциональные произведения. Для более пристального изучения Ботюля в статье рассматривается роман французского писателя Эрве Ле Теллье «Исчезновение Перека». Текстовые отрывки из романа позволяют судить о Ботюле как о некоторой аномалии текста, в котором ненастоящий философ представлен как обыденный экстратекстовый феномен, хотя на самом деле такого человека никогда не существовало. В заключении делается вывод о том, что упоминание Ботюля, будучи художественным приемом в романе Ле Теллье, обладает рядом функций и не только усложняет мотивацию главного героя, но и способствует постановке вопроса о фикциональных сущностях внутри художественного произведения. Вымышленный философ служит герою романа Габриэлю своеобразной эмоциональной и психологической поддержкой в кризисные моменты, помогая ему принимать решения и проверять их правильность. Таким образом, случай Ботюля – это не только ироническая игра с читателем, обыгрывающая эфемерность литературного творчества и возможность работы с «несуществующим», но и активный прием, используемый автором для объяснения поведения героя.

Ключевые слова: трансфикциональность, метаперсонаж, мистификация, французская литература XX в., Эрве Ле Теллье, Фредерик Пажес, Жан-Батист Ботюль

Для цитирования: Кириченко В. В. Трансфикциональный метаперсонаж Жан-Батист Ботюль // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 200–209. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-200-209>, EDN: TLGGWX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The transfictional meta-character Jean-Baptiste Botul

V. V. Kirichenko

National Research University Higher School of Economics (HSE University) in St. Petersburg, 16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg 190121, Russia
Vladislav V. Kirichenko, kirlimfaul@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9209-0554>

Abstract. This paper focuses on the figure of the fictional philosopher Jean-Baptiste Botul and his role in the discourse of contemporary French literature. To analyze this character, the work employs the concepts of transfictionality and meta-character. Botul was invented by the French satirical journalist Frédéric Pagès. His creation gained a widespread popularity among various figures in science and art, who continued to invent studies and works supposedly written by Botul. The figure of Botul is of significant interest from the perspective of literary theory, especially in the context of introducing such pseudo-real character into explicitly fictional works. For a closer examination of Botul, the article analyzes the novel *La disparition de Perek* by Hervé Le Tellier, in which this philosopher appears. Textual excerpts from the novel allow us to see Botul as a certain anomaly of the text, in which a non-existent philosopher is presented as an ordinary extratextual phenomenon, although such a person never existed in reality. It is concluded that the mentioning of Botul, being an artistic device in Le Tellier's novel, has a number of functions. It contributes not only to the complexity of the main character's motivation, but also to posing the question of fictional entities within a work of art. Botul serves as a kind of emotional and psychological support for the main character of the novel (Gabriel) in critical moments, helping him make decisions and verify their correctness. Thus, Botul is not only an ironic game with the reader, playing on the ephemerality of literary creation and the possibility of working with the "non-existent", but also an active technique used by the author to explain the behavior of the hero.

Keywords: transfictionality, meta-character, mystification, French literature of the 20th century, Hervé Le Tellier, Frédéric Pagès, Jean-Baptiste Botul

For citation: Kirichenko V. V. The transfictional meta-character Jean-Baptiste Botul. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 200–209 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-200-209>, EDN: TLGGWX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Понятие мистификации хорошо знакомо как историкам, так и теоретикам литературы, однако оно не обладает точным определением, потому что включает в себя всякий раз достаточно отличные друг от друга формы: подлог, подделка, розыгрыш, обман, псевдоним, апокриф, пастиш, плагиат, самозванство и др. [1, р. 13]. Как пишет И. Л. Попова в «Литературной энциклопедии терминов и понятий», «мистификация литературная – текст или фрагмент текста, автор которого приписывает его создание подставному лицу, реальному или вымышленному. М.л. противоположна плагиату: плагиатор заимствует чужое слово, не ссылаясь на автора, мистификатор, наоборот, приписывает другому свое слово» [2, с. 553]. Проблема литературной мистификации давно и плодотворно изучается на разном материале, о чем свидетельствуют работы по общей проблеме термина «мистификация» [3], литературным мистификациям в контексте числительных в стилометрии [4], конкретные случаи мистификации вроде Черубины де Гарбиак М. А. Волошина [5] или «Жака-фаталиста» Дидро [6]. Среди знаковых теоретических работ последнего времени можно обозначить исследование Жана-Франсуа Жандийу «Эстетика мистификации» (1994), в котором подробно анализируются различные формы мистификации, существующие преимущественно в литературе [7].

Легко заметить связь мистификации с мистерией, мистикой и тайной. Все четыре слова имеют общую сему некой неизвестной информации, обладающей особенным ореолом и атмосферой особой секретности для людей, сталкивающихся с тем или иным ее проявлением (часто косвенным). Как замечает литературовед Скотт Карпенгер, тайна (фр. *mystère*) и мистификация, несмотря на общую этимологию, практически противоположны друг другу: «Тайна, будь то в смысле религии или детективного романа, стремится к раскрытию секретной истины. С другой стороны, мистификация заставляет верить в самую возможность откровения, но она никогда не сбывается для читателя, при этом вместо обещанного прозрения совершается иное открытие, а именно, что

нет никакой тайны, которую нужно раскрыть. Короче говоря, тайна говорит правду, в то время как мистификация лжет» [1, р. 14].

Современная французская литература многообразна и включает в себя совершенно разные явления, однако далеко не каждый день читателю приходится сталкиваться с мистификациями неавтобиографического или документального планов. Более того, совсем не каждая мистификация становится культовой, обрастая собственной микропоэтикой и сообществом писателей и читателей. В этом смысле показателен феномен Жана-Батиста Ботюля, вымышленного философа, чье творчество и философские работы были написаны разными авторами, а он сам в виде персонажа выведен в ряде фикциональных и фактуальных текстов.

Настоящая работа посвящена изучению фигуры Ж.-Б. Ботюля сквозь призму концепций трансфикциональности, «storyworld» («мира истории») и метаперсонажа на примере романа современного писателя Эрве Ле Теллье «Исчезновение Перека» (1997), который был одним из ранних художественных текстов, имплементировавших Ботюля как якобы реально существовавшего философа. Логика нашей статьи следующая: сначала мы рассмотрим фигуру Ботюля, затем обратимся к теоретическим положениям, в свете которых проанализируем его функцию в указанном романе Ле Теллье.

Жан-Батист Ботюль (1886–1947) – это персонаж, вымышленный французским журналистом Фредериком Пажесом (род. 1950) и его соратниками из «Ассоциации друзей Жана-Батиста Ботюля» (аббревиатура – A2JB2), основанной в 1996 г. В 1995 г. Пажес, работавший в сатирическом журнале «Le Canard enchaîné», создал Ботюля и его философское учение – ботюлизм – как литературную шутку [8]. Название «ботюлизм» иронично отсылает к ботулизму – тяжелому отравлению. Несмотря на очевидную вымышленность, некоторые интеллектуалы, включая известного философа Бернара-Анри Леви (род. 1948), ошибочно принимали Ботюля за реальную фигуру и цитировали его работы как достоверные источники, например, книгу «Сексуальная жизнь Иммануила Канта» (написанную Пажесом в 1999 г.). Случай с Леви получил самую большую огласку, про него пи-

сали многие журналы и газеты вроде «Figaro». Примером может служить статья журналистки Од Ланселен «BHL en délire flagrant: l'affaire Botul» («Бернар Анри Леви в полном бреде: дело Ботюля») [9].

Биография Жана-Батиста Ботюля, как и его философия, является плодом вымысла. Согласно придуманной истории, Ботюль был французским философом, который, предпочитая устную деятельность письменной, не оставил после себя никаких сочинений. Ему приписывали связи с известными женщинами своего времени, такими как Марта Ришар, Мария Бонапарт и Симона де Бовуар. В своих многочисленных путешествиях он якобы встречался с ключевыми историческими фигурами, включая Эмилиано Сапату, Панчо Вилью и Стефана Цвейга (с последним наиболее часто). После участия в освобождении Эльзаса в 1945 г. Ботюль отправился в Южную Америку, где основал колонию «Нуэва Кёнигсберг» для немецких беженцев. Жители этой колонии, по легенде, жили в соответствии с распорядком и внешним видом, имитирующими жизнь Иммануила Канта, ежедневно совершая прогулку по реконструированным улицам Кёнигсберга¹.

Среди наиболее известных текстов, написанных другими людьми под именем Ботюля, можно назвать следующие: «Сексуальная жизнь Иммануила Канта» (1999, написана Ф. Пажесом), «Ландрю, предшественник феминизма» (2001, написана К. Клерком и Б. Роте), «Ницше или демон юга» (2004, написана Ф. Пажесом), «Метафизика мягкого» (2007, написана Ж. Гайяром), «Переписка с самим собой» (2007, написана Ж. Гайяром), «Из дыры ко всему» (2012, написана Ж. Гайяром), «Фрейд и фатальная сигара» (2024, написана Ф. Пажесом). Самым значимым среди указанных текстов является первый, однако другие работы демонстрируют то, что можно отчасти назвать коллективным творчеством с ведущим героем. Однако это творчество практически не исследовано даже во Франции. В настоящий момент встречаются лишь небольшие заметки вроде текста Аликс Коен [8] или размышлений известного писателя Жака Рубо «Ботюлизм и улипизм» [10], сама фигура Ботюля упоминается в работе специалиста по литературным мистификациям Жана-Франсуа Жандийю [11].

¹ Là-bas si j'y suis. Botul n'existe pas, je l'ai rencontré!
URL: https://la-bas.org/spip.php?page=article&id_article=1876 (дата обращения: 04.07.2025).

«Сексуальная жизнь Иммануила Канта» была посвящена образу жизни немецкого философа. Предполагается, что Кант жил в строжайшей чистоте, как телесной, так и духовной. Насколько известно, у него не было ни жены, ни любовницы. И тогда Ботюль обратил внимание на эту деликатную тему во время лекций, якобы прочитанных в мае 1946 г. в Парагвае. Там он выдвинул следующую идею: «Если большинство философов были холостяками, то это для того, чтобы показать, что конечной целью человечества не является размножение. Мы не собаки, мы не парамеции, мы не кролики. Философия – это утверждение того, что существует несексуальный способ продолжения рода. Философское наследие передается без генов. Теперь я должен объяснить, какими необычными способами размножаются философы. Вот как: они не проникают, они уходят. Этот уход имеет название: меланхолия» [12, р. 38] (здесь и далее перевод наш. – В. К.).

Случай Ботюля является любопытным примером сращения сил разных писателей для создания, с одной стороны, некоторой «игры ума», проверки критических навыков, а с другой, полноценной формы размышления с вымышленным субъектом. Тот факт, что Ботюль никогда не существовал, не умаляет некоторые размышления авторов, представленные в самом раннем тексте о Канте. В контексте «сообщнической» работы нескольких писателей возникает некоторое общее поле мысли, и оно является чисто художественным экспериментом постмодернистского отношения к дискурсу, в котором реальностью является то, что обсуждается (в том числе анекдоты о сексуальной жизни И. Канта): «Что касается его [Канта] сексуальной жизни, я прошу вас воздержаться от любых предрассудков, не судить его поспешно и, по возможности, вообще не судить. Я прошу вас принять позицию, которую отстаивал Спиноза в своем “Политическом трактате”: “Не плакать, не смеяться, а понимать”» [12, р. 13].

Отметим также и явление «NoDuBo» (от фр. *Noûau dur botulien* – «Крепкое ботюлическое ядро») – особую группу деятелей науки и искусства, которую можно считать частью «Ассоциации друзей Ж.-Б. Ботюля». В нее входят Кристоф Клерк и Клер Дюблиз (адвокаты), Хайке Хеберле (психиатр), Натали Жодель (психоаналитик), Эрве Ле Телье (писатель), Али Магуди (психоаналитик), Жан-Ален Мишель (адвокат), Патрис Мине (актер), Бертран Роте

(профессор экономики), Жак Гайяр (писатель), Жан-Гюг Лиме (актер и писатель), Фредерик Пажес (журналист). Кроме того, во Франции существует премия Ботюля, она выдается с 2004 г. авторам, которые остроумно и правдоподобно использовали в своем произведении этого вымышленного философа. Хотя, судя по недавним фактам, присутствие в тексте его фигуры не всегда является обязательным. Так, Эрве Ле Теллье выдал премию Ботюля за текст «Я и Франсуа Миттеран» (2016), в котором автор, скорее, играет с легкой мистификацией, псевдодокументализмом (там используются якобы настоящие письма в виде фотографий) и демонстрирует вымышленную переписку с 21-м президентом Франции.

Ботюль как трансфигиональный метаперсонаж

Исследования в области теории вымысла привели к появлению новых концепций, среди которых одной из ключевых можно считать «трансфигиональность». Ее автором является французский теоретик литературы Ришар Сен-Желе. Под этим термином понимается миграция художественных элементов – героев, символов, сюжетных структур или декораций – из одного вымышленного текста в другой. Как пишет сам Сен-Желе, «под “трансфигиональностью” я подразумеваю явление, при котором два или более текста, как одного, так и другого автора, относятся к одному и тому же художественному произведению, будь то использование одних и тех же персонажей, продолжение предыдущего сюжета или общая вымышленная вселенная» [13, р. 7].

Хотя феномен трансфигиональности существовал в литературе издавна и описывался в литературоведении такими терминами, как «блуждающие сюжеты», «вечные образы», «формулы пафоса» и «литературные топысы», в настоящее время термин «трансфигиональность» объединяет все эти понятия, позволяя рассматривать их в рамках единой теоретической рамки. Трансфигиональность оказывается полезным инструментом в случае таких персонажей, как Ботюль, потому что они мигрируют из текста в текст, принимая разные формы и выполняя различные функции. Так, например, Ботюль может быть рассмотрен как псевдоавтор своих текстов, описывающий свое окружение и изучающий других (философов); как личность со своей комментированной

перепиской (как в «Ландрю, предшественнике феминизма»), как вторичный элемент реальности художественного произведения (как в романе Ле Теллье, об этом ниже).

Важным для понимания трансфигиональности является понятие «storyworld», предложенное известным теоретиком литературы и новых медиа М.-Л. Райан. С точки зрения Райан, «storyworld» («мир истории») – это ментальный конструкт, создаваемый аудиторией во время взаимодействия с нарративом. Сама Райан поясняет: «Концепция мира истории (storyworld), которую я предлагаю, отличается от других, более неформальных и традиционных способов использования термина “мир” в литературной теории в нескольких важных аспектах. Когда критики говорят о “мире Пруста” или “мире Кафки”, они имеют в виду совокупность значений, связанных с данным автором. Эти обширные миры могут содержать противоречия, поскольку авторы могут отстаивать разные идеи на протяжении своей карьеры. Миры истории, напротив, относятся к конкретным текстам или группам текстов, и их связь с отдельными авторами слаба: авторы могут создавать несколько разных миров истории, как это будет в случае, когда писатели-фантасты создают разные серии романов, мир истории может быть развит разными авторами, как это происходит в феномене, который Ришар Сен-Желе (2005, 2011) описывает как “трансфигиональность”» [14, р. 64]. Как термин «мир истории» отличается от «мира художественного текста» тем, что первое понятие включает в себя трансмедийную / трансфигиональную специфику: «миры истории» не привязаны строго к литературе, они могут возникать в совершенно разных нарративах (от мифов до компьютерных игр).

Качество «мировость» (worldness) рассматривается у Райан в двух смыслах: узком – как набор элементов какого-либо «мира истории», который повторяется из произведения в произведение, и широком – как способность произведений быть мирами в воображении. Райан подчеркивает, что «мир истории» не сводит все вымыслы к единой модели, поскольку степень «мировости» может варьироваться в зависимости от параметров: дистанция, размер, полнота [14, р. 65–80]. Повествовательность текста зависит от его «мировости», а мировость, в свою очередь, зависит от способности текста создать у читателя ментальную репре-

зентацию, удовлетворяющую трем условиям: логической последовательности, достаточной величине (объему того, что можно вообразить) и относительно завершеному переживанию.

Тексты, подписанные именем Ботюля, как и его существование в целом, являются частью отдельных «миров истории», которые создаются в тех или иных художественных произведениях. Более того, в случае самой первой работы про «Сексуальную жизнь Канта», можно говорить о сложном экзотическом вымысле (экзофикшне) [15], в котором вымышленный персонаж Ботюль используется для размышления: «Для многих Кант является типичным представителем философии. Известно, что он вел размеренную и оседлую жизнь и почти не покидал свой родной город Кенигсберг, что было невероятно в эпоху, когда все великие философы – Вольтер, Руссо, Дидро, Юм – были путешественниками, европейцами, любознательными к своему континенту. Но Кант остался в Кенигсберге. Он родился там, умер там, работал там же» [12, р. 22].

Концепция «миров истории» Райан предполагает гибкую связь между текстом и миром. Исследовательница считает: 1) один нарративный текст может представлять несколько различных миров, например, посредством описания альтернативных и несовместимых исходов развития событий; 2) текст может проецировать единый мир, в котором разворачивается множество самостоятельных, но взаимосвязанных историй; 3) несколько независимых текстов могут совместно формировать единый вымышленный мир, что характерно для трансфикциональности [14, р. 65]. В случае Ботюля, очевидно, представлен третий вариант «мира истории»: некий общий мир жизни, творчества и научных трудов вымышленного философа возникает благодаря деятельности различных писателей.

Содержание многих текстов Ботюля связано не с ним самим, а с другими представителями его эпохи. Он сам чаще всего представлен как наблюдатель-мыслитель, стилизованный в той или иной мере под свою эпоху. В связи с тем, что никакого Ботюля не существует, разные авторы создают свои метавымыслы о других существовавших людях посредством его вымышленной фигуры. Таким образом, перед читателем «Ботюля» возникает двойная мистификация: с одной стороны, нет самого

Ботюля, а его точка зрения предстает игровой «воображаемой конфигурацией» (термин П. Рикера [16, с. 302]) какого-то писателя, с другой стороны, нам рассказывается о других людях, вроде того же Канта, Ницше или Фрейда, через псевдосвидетельство или даже псевдонаучное изучение их жизни. Например: «Ницше тридцать восемь лет. Перед ним стоит двадцатидесятилетняя девушка. Ее зовут Лиолия фон Саломея, она русская, родилась в Санкт-Петербурге. Лиолия, то есть “Луиза” по-французски, для всех своих близких она Лу. Позже она добавит к “Саломе” имя своего мужа “Андреас”, странного мужа, о котором мы еще поговорим. Из своей родной России Лу путешествует по Европе в сопровождении своей матери. Этот подвижный, бродячий и экстравагантный человек имеет слабое здоровье. Врачи считают, что ей осталось жить всего несколько месяцев. И все же, какая жизненная сила! Хрупкая и энергичная! Лу – настоящий оксюморон, воплощение противоречий» [17, р. 30].

В теории литературы также существует важная для нас концепция метаперсонажа (это понятие происходит от общего обозначения особой формы литературы – «метавымысла» / метафикции), который представляет собой фигуру, осознающую свою фиктивную природу и активно взаимодействующую с нарративной реальностью, разрушающую иллюзию вымысла и обращающую внимание на процесс создания и восприятия художественного текста [18, р. 21–27; 20, р. 1–3]. В отличие от традиционных персонажей, существующих внутри диегетического мира, метаперсонаж выходит за его границы, вступая в диалог с автором, читателем или нарратором, проблематизируя тем самым границы между реальностью и вымыслом, а также природу авторства. Среди примеров классических метаперсонажей можно назвать Тристрама Шенди Лоренса Стерна или Дон Кихота Мигеля де Сервантеса [19, р. 4].

У классического метаперсонажа есть узнаваемые черты, часто характеризующие постмодернистскую литературу. Во-первых, осознание своей фиктивности. Метаперсонаж знает, что является вымышленным существом, живущим в мире, созданном автором [20, р. 32]. Во-вторых, так называемое разрушение «четвертой стены», когда метаперсонаж обращается

напрямую к читателю, автору или нарратору. Подобное может проявляться в комментариях о сюжете, обсуждении литературных приемов или выражении сомнений в своей собственной достоверности [20, р. 54]. В-третьих, метаперсонаж часто размышляет о процессе создания художественного текста, о его структуре, жанровых особенностях и возможных вариантах развития сюжета [20, р. 121–124], как в романах Андре Жида «Фальшивомонетки» (1925) или Константина Вагинова «Труды и дни Свистонова» (1929). В-четвертых, метаперсонаж может ставить под сомнение власть автора, оспаривая его решения, предлагая свои варианты развития событий или даже бунтуя против предписанной ему роли [20, р. 101–102]. В таком качестве может выступать и ведущий нарратор текста, как в романе Алена Роб-Грийе «Дом свиданий» (1965).

Ботюль оказывается непривычным или нестандартным метаперсонажем, поскольку он не вступает в прямое общение с читателем, но нарушает некоторое правдоподобие диегезиса своим существованием. Он является инстанцией порождения вымысла о других и вокруг себя, несмотря на апелляции к фактуальным персонам. Вымышленный философ становится метаперсонажем лишь для внимательного читателя, который может сопоставить информацию и осознать текстуальный прием.

Не все черты, присущие классическому метаперсонажу, характерны для Ботюля. Он представляет себя как реального человека (но это фикция), хотя и обращается иногда к читателю; он не стремится разрушить стену, но только укрепляет эффект правдоподобия деталями из своей жизни; он иногда размышляет об устройстве собственного текста или научного замысла, но это свойственно многим писателям (ср., например, топос «скромного вступления») или ученым; мы также можем судить о нем как об авторе собственных текстов. Так почему же мы называем Ботюля метаперсонажем? Потому что Ботюль является многоличностным псевдореальным нарратором-персонажем, который вступает в диалогические отношения с различными фактуальными личностями и размышляет о них, выстраивает несуществующие отношения и формулирует отчасти заведомо иронические высказывания, однако их ирония может быть понята ясно лишь при пристальном чтении текста или известности факта о характере существования самого Ботюля.

Ботюль у Ле Теллье

Теперь обратимся к конкретному случаю имплементации Ж.-Б. Ботюля в художественный текст на примере творчества французского писателя Эрве Ле Теллье (род. 1957). Современный писатель изначально был математиком по первому образованию, но решил изменить свой жизненный путь и стал доктором филологии, а затем занялся литературным творчеством, активно увлекаясь произведениями Жоржа Перека (1936–1982). В 1992 г. Ле Теллье вступил в группу УЛИПО («Мастерская потенциальной литературы»), в которой состоял его любимый писатель Жорж Перек, продуктивный экспериментатор французской словесности. Почти на протяжении всего своего творчества Ле Теллье совершает всевозможные отсылки к произведениям Перека, а также публикует для широкой аудитории его малоизвестные тексты (вроде «What a man!»), преимущественно работая с издательством Le Castor Astral. Первая книга Ле Теллье вышла лишь в 1991 г., это был сборник рассказов «Барные сонаты». На настоящий день его главным текстом является роман «Аномалия» (2020), за который он получил Гонкуровскую премию.

Обратимся к более раннему детективному роману «Исчезновение Перека» («La Disparition de Perék», 1997), потому что это одна из наиболее ранних известных импликаций Ботюля в художественный текст. Роман написан с явной ориентацией на творчество Перека. Во-первых, произведение включает фамилию Перека в измененном виде (ср: Peréc vs. Perék). Во-вторых, текст Ле Теллье близко воспроизводит сюжетную логику двух произведений Перека – «W, или Воспоминание детства» (1975) и «Исчезновение» (1969). Как в «W» Перек-взрослый ищет Перека-ребенка, у Ле Теллье главный герой Габриэль ищет Филиппа Перека, потому что они оба в детстве потеряли родителей. Перекличка с «Исчезновением» возникает благодаря тому, что у обоих авторов, несмотря на сложное расследование, герои-сыщики не получают утешительного результата, хотя тайна становится относительно явной в конце произведения. В-третьих, в предисловии к «Исчезновению Перека» сам Ле Теллье извиняется за отчасти обманчивое название своего романа, поскольку его текст, хоть и отсылает к Переку, но на проверку оказывается слишком простым.

Роман Ле Теллье повествует о непрофессиональном сыщике Габриэле, который пытается узнать истинную причину исчезновения Филиппа Перека. Последний увидел то, что не стоило видеть обычному смертному – двойников и сложные схемы продления жизни богатых людей в современном обществе. Расследование, хоть и заканчивается обнаружением реальных причин множественных исчезновений (не только Перека), не приводит к какому-либо утешающему результату – герои оказываются не в состоянии обвинить преступников.

Помимо упоминания в предисловии, в тексте Ле Теллье наличествует четыре отчетливых интервенции Ботюля в художественное пространство текста, все они функционируют схожим образом, играя роль подтекста («sub-text») в понимании М. Риффатера, как того, что позволяет тексту быть реалистичным [21, р. 76–78]. Отметим, что эффект реальности, достигаемый взаимодействием главного героя Ле Теллье с книгой Ботюля, оказывается уникальным, потому что сам Ботюль является лишь правдоподобным явлением, а не феноменом действительности. Чаще всего обращения к Ботюлю оказываются развернутым сравнением, передающим переживания главного героя. Также любопытно, что во всех случаях нарратор не ставит под сомнение существование и реальность Ботюля.

Впервые в романе Ботюль возникает еще до того, как Габриэль решает заняться делом об исчезновении Филиппа Перека: «Габриэль не ответил и спокойно перечитал статью. Его родители тоже умерли, когда ему было пять лет, и эта общая драма создала уникальную близость между ним и этим парнем, который исчез, а затем был убит, интимную связь, которую он не знал и не хотел никому объяснять, таинственное родство, рожденное от абсолютной боли, от познания безутешного, как сказал бы Жан-Батист Ботюль» [22, р. 34].

В данном отрывке воспроизводится несуществующая фраза Ботюля про «таинственное родство». Отсылка к биографии не считается, потому что мы ничего не знаем о его родственных связях. Однако сама фраза имеет ироническое звучание, поскольку даже Габриэль не ссылается напрямую на какой-то отрывок из Ботюля, а использует формулу «как сказал бы», имея в виду определенный – пессимистический – стиль высказываний философа. «Познание

безутешного» намекает на тот факт, что ни Перек, ни Габриэль не смогут приоткрыть завесу тайны, понять настоящую причину трагедии: смерти или исчезновения собственных родителей. Эта фраза также любопытно ложится не только на фикционального Перека (Perek), но и на реального писателя (Peges). Наличие Ботюля в жизни Габриэля характеризует именно главного героя, а не весь текст: Габриэль также оказывается ненастоящим сыщиком, как и сам Ботюль является выдуманным философом. Более того, он пользуется Ботюлем как фигурой, вдохновляющей его на поиск, и берет с собой его книгу.

Далее в тексте можно увидеть, что Ботюль оказывается не только упоминаемой фигурой сравнения, но и возникает в контексте несуществующей «переписки между Цвейгом и Ботюлем», которую Габриэль берет с собой на «задание»: «Габриэль положил в гардероб футболку, свитер, две пары носков и двое трусов. На стол он положил свою прикроватную книгу: переписку между Стефаном Цвейгом и Жаном-Батистом Ботюлем, большую книгу, охватывающую Первую мировую войну, межвоенный период и завершившуюся адом в июле 1941 года. Цвейг должен был покончить жизнь самоубийством вместе со своей женой в следующем году в Петрополисе, Бразилия, узнав о новых победах Гитлера. Ботюль умер пятнадцать лет спустя от серьезной болезни. Но это никого не волнует. Более того, в толковом словаре Робера вы не найдете ничего между Себастьяном Боттенем и Маркосом Боцарисом. Ботюлю тоже было бы наплевать» [22, р. 46].

Развернутое описание ситуации с Ботюлем и Цвейгом передает тревогу Габриэля, отправляющегося в опасное путешествие под видом сыщика, выдумывающего себе множество личностей, – отчасти, как и сам Ботюль, личность и мировоззрение которого создается множеством авторов в различных «мирах истории». Это мировоззрение Ботюля не может быть собрано в полноценном виде, как и мировоззрение Гаспара Винклера (alter ego многих текстов Жоржа Перека) [23], поскольку эти «Ботюли» представляют собой разных фикциональных субъектов.

Кроме того, впервые в тексте нарратор подтрунивает над ситуацией письма и сообщает странную вещь: читатель ничего не сможет найти о Ботюле в классическом толковом словаре. Усердный читатель, безусловно, найдет

подтверждение авторским словам, однако текст написан так, как будто Ботюль просто малоизвестный философ, недостойный упоминания в маститых словарях. Более того, этот пассаж становится вдвойне подозрительным от того, что во многих словарях «Робер» можно найти имя Перека (Регес), хоть и написанное не так, как у Ле Теллье. Обрывает все последняя фраза, в которой отмечается отношение Ботюля к собственной непопулярности, оно якобы свидетельствует о его возможном существовании.

В следующем отрывке Габриэль использует уже упомянутую книгу переписки Ботюля с Цвейгом как книгу-талисман, которая подтверждает правильность выбранного героем алгоритма действий. Габриэль проверяет и спрашивает себя, что ему дальше делать, в итоге книга переписки ему намекает, что некоторые вещи раскрываются и становятся явными лишь спустя много лет, что добавляет уверенности герою в его занятии: «Таким образом, от Перека не осталось ничего, кроме двух пробирок: в одной был кусок печени, в другой – легкого. Полная аннигиляция. Немного ошеломленный, Габриэль схватил увесистый том “Переписки Ботюля – Цвейга”. В своем письме Цвейгу от 23 февраля 1917 года прекрасный Жан-Батист писал: “Вы жалуетесь на головные боли, но знаете ли вы, дорогой Стефан, что некоторые смертельные болезни обязаны своим относительно безвредным характером тому факту, что они появляются только после ста пятидесяти лет инкубации?”» [22, р. 68] (курсив автора. – В. К.).

Как мы сказали, Габриэль не совсем гадает, но пытается проверить, как поступал или рефлексировал другой фикциональный персонаж, философ Ботюль. Любопытно, что сама придуманная цитата достаточно двусмысленна: с одной стороны, она может значить, что ничего страшного не произошло и могло быть еще хуже, с другой стороны, что из оставшегося от Ф. Перека (пробирки) все еще можно сделать некоторые выводы, провести разные виды анализа, чем далее и занимаются герой и его помощники.

Последний раз в тексте фигура Ботюля возникает в момент появляющегося романтического интереса Габриэля к Сильвии, бывшей девушке Ф. Перека (это отсылка к роману «Вещи» Ж. Перека). Главный герой снова проверяет некую «правильность» действий, сравнивая себя с Ботюлем, однако на этот раз речь идет

о подмене личности, выдумывании для себя другого имени: «Воцарилось тяжелое молчание. На ум детективу пришло трогательное письмо Жана-Батиста Ботюля Цвейгу. Еще подростком, Ботюль, чтобы соблазнить молодую девушку, придумал себе вымышленное имя – Джованни Кальвино. Философ объяснил это так: “Не думайте, что я создал характер искателя приключений. Нет, я очень мало рассказывал о себе. Даже если бы я сохранил свое настоящее имя, мне бы захотелось приукрасить себя. Этот Джованни Кальвино, живший во мне, был тише меня. Тебе это покажется странным, мой дорогой Стефан, но в течение тех нескольких недель, когда я жил под своим вымышленным именем, я правда считаю, что был самим собой”» [22, р. 118] (курсив автора. – В. К.).

В данной несуществующей цитате сообщается необычная идея о том, что человек как психологически полноценная личность способен выдумывать для себя не просто отдельные маски и нормы поведения, но другое имя и психологический портрет, в соответствии с которым он может действовать и чувствовать себя самим собой. Несмотря на то, что подобные рассуждения отсылают читателя к теории множественной личности [24, с. 10], которая отчасти затронута в другом романе Ле Теллье («Аномалия», 2020), она никак не проявляется в данном тексте: Габриэль всегда ведет себя одинаково, под прикрытием выдумывая для себя ряд разных личностей (журналист, сыщик, медик и др.), и он никогда не становится другим субъектом. Читатель вряд ли сможет увидеть разницу в психологическом портрете Габриэля, когда он выпивает в баре со знакомыми и узнает о деле Перека, от схожей ситуации в конце романа, когда подтверждается случай еще одного исчезновения, о котором заранее было известно Габриэлю, но он ничего с этим не смог сделать. В этом плане важно, что герой Ле Теллье лишь пытается походить на Ботюля и вдохновляется им, но не является подобным метаперсонажем.

Таким образом, в «Исчезновении Перека» Ле Теллье достаточно скромно имплементирует Ботюля, используя его как часть внутренней мотивации в поведении главного героя. Ботюль выступает некоторой формой поддержки эмоционально-психологического состояния Габриэля в критические моменты, когда он не знает, что делать дальше, или же проверяет

правильность своих действий через обращение к переписке Ботюля – Цвейга. Вымышленный философ оказывается не только игрой с читателем и ироническим подтруниванием над производством письма, его эфемерностью (читай: возможностью работать с несуществующим в разных степенях), но мотивирующим агентом для главного героя, история которого понятна гораздо менее, чем жизнь Филиппа или Жоржа «Переков».

Заключение

Жан-Батист Ботюль является метаперсонажем, потому что никогда не присутствует в роли реального актанта, но лишь используется автором в функции комментария, он никогда не является настоящим действующим субъектом текстов, но при этом якобы существует в действительности из-за его (вымышленных) связей с реальными людьми. В творчестве Эрве Ле Теллье фигура Ж.-Б. Ботюля занимает важное место, автор прибегает к ней как к приему письма, который позволяет дать мотивацию главному герою. При этом в «мудрых советах» философа прочитывается авторская ирония, а не желание обмануть читателя. Таким образом, главная роль Ботюля, по крайней мере в текстах Ле Теллье, может быть обозначена как иронико-мотивационная, хотя этим она не ограничивается.

Вымышленный герой как трансфикциональный метаперсонаж сам по себе ничего не определяет, но при этом объединяет множество текстов общей фигурой. Само существование Ботюля и его «нормальное» функционирование в текстах писателей как философа, по отношению к которому совершают отсылку, ставит специфический вопрос о работе вымысла и нашего восприятия текстуальных двойников реальности – как «призраков» в том смысле, которое в это понятие вкладывал Жак Деррида [25, с. 15–16]. В этом контексте Ботюль оказывается чистым «призраком» без могилы и даже тела, но при этом он участник дискурса о жизни других фикциональных и фактуальных существей. Осуществленный в статье анализ романа Ле Теллье «Исчезновение Перека» прокладывает путь к возможному обсуждению «миров истории» Ботюля как трансфикционального метаперсонажа в современной французской литературе.

Список литературы

1. *Carpenter S.* Mystification et esthétique moderne // *Romantisme*. 2012. Т. 156, № 2. Р. 13–24. <https://doi.org/10.3917/rom.156.0013>
2. *Попова И. Л.* Мистификация литературная // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. С. 553–555.
3. *Петрс А. Л.* Литературная мистификация: к проблеме термина // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2020. № 197. С. 210–219. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-197-210-219>, EDN: FLXXVR
4. *Зенков А. В.* Литературные мистификации и авторское использование числительных // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2023. № 11. С. 3696–3709. <https://doi.org/10.30853/phil20230568>, EDN: UNIWIT
5. *Савина А. Д.* Черубина де Габриак: французские источники мистификации // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6, № 2. С. 164–183. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-164-183>, EDN: ZBEZQH
6. *Пахсарьян Н. Т.* «Жак-фаталист» как философско-художественная мистификация Дидро // *Логос*. 2014. № 3 (99). С. 165–180. EDN: TPFHKD
7. *Jeandillou J-F.* Esthétique de la mystification. Tactique et stratégie littéraires. Paris : Minuit, 1994. 240 p.
8. *Cohen A.* Jean-Baptiste Botul: La Vie sexuelle d’Emmanuel Kant. Présentation, traduction et notes de Frédéric Pagès, 1999 // *Dix-Huitième Siècle*. 2001. № 33. Р. 699. URL: https://www.persee.fr/doc/dhs_0070-6760_2001_num_33_1_2448_t1_0699_0000 (дата обращения: 04.07.2025).
9. *Lacelin A.* BHL en flagrant délire: l’affaire Botul. URL: <https://www.nouvelobs.com/essais/20100208.BIB4886/bhl-en-flagrant-delire-l-affaire-botul.html> (дата обращения: 04.07.2025).
10. *Roubaud J.* Botulisme et oulipisme // *Bibliothèque Oulipienne*. Vol. 9. Montreuil : Le Castor Astral, 2014. 333 p.
11. *Jeandillou J-F.* Supercherries littéraires: La vie et l’œuvre des auteurs supposés. Nouvelle édition revue et augmentée. Genève : Librairie Droz, 2001. 680 p.
12. *Botul J.-B.* La vie sexuelle d’Emmanuel Kant. Paris : Fayard, 1999. 93 p.
13. *Saint-Gelais R.* Fictions transfuges: La transfictionnalité et ses enjeux. Paris : Seuil, 2011. 608 p.
14. *Ryan M.-L.* From Possible Worlds to Storyworlds: On the Worldness of Narrative Representation // *Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology* / ed. by A. Bell, M.-L. Ryan. Lincoln : University of Nebraska Press, 2019. Р. 62–87.
15. *Муравьева Л. Е.* Экзофикшн и энактивистские нарративы в современной французской литературе // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 30–51. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-30-51>, EDN: AKHXYS

16. Рикёр П. Время и рассказ : в 2 т. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М. ; СПб : Университетская книга, 1998. 313 с.
17. Botul J.-B. Nietzsche et le démon de midi. Paris : Fayard, 2004. 128 p.
18. Waugh P. Metafiction. The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction. London ; New York : Routledge, 1984. 188 p.
19. Hutcheon L. Narcissistic Narrative. The Metafictional Paradox. Canada : Wilfrid Laurier University Press. 1981. 188 p.
20. Mchale B. Postmodernist Fiction. London ; New York : Routledge, 1987. 278 p.
21. Riffaterre M. Fictional Truth. Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1990. 160 p.
22. Le Tellier H. La disparition de Perek. Paris : Gallimard, 2022. 160 p.
23. Кириченко В. В. Трансфикциональная проблема: Кто такой Гаспар Винклер? // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. 2018. № 6. С. 216–223. EDN: YTI6NB
24. Байяр П. Загадка Толстоевского. М. : Текст, 2019. 205 с.
25. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. Б. Скуратова. М. : Logos-altera ; Ecce homo, 2006. 256 с.

Поступила в редакцию 05.07.2025; одобрена после рецензирования 16.08.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 05.07.2025; approved after reviewing 16.08.2025; accepted for publication 10.02.2026

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 210–219

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 210–219

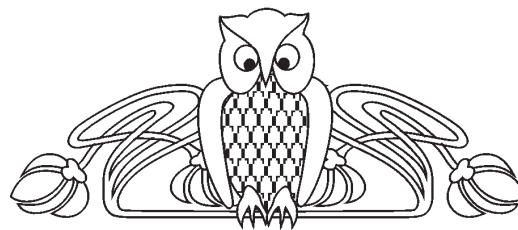
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-210-219>, EDN: UYXYSE

Научная статья

УДК 821.161.1.09-2+929[Ремез+Лермонтов]

Мотивы игры в пьесах А. О. Ремеза «Счастливый конец» и «Проклятие»

Д. Л. Рясов¹, М. А. Шеленок²✉

¹Дом Н. В. Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека, Россия, 119019, г. Москва, Никитский бул., д. 7А

²Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского, Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, д. 15

Рясов Даниил Леонидович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник библиотеки, ryasovdaniil@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0453-8097>

Шеленок Михаил Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики, shelenokmishka@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7446-865X>

Аннотация. Статья посвящена изучению театрального наследия Александра Оскаровича Ремеза (1954–2001) – советского и российского драматурга, открывшего нетипичную линию развития так называемой «чернухи», где внутритекстовой доминантой становится игра как способ мировосприятия и мироощущения. В центре исследования анализ пьес «Счастливый конец» (1974) и «Проклятие» (1980), которые объединяет близость авторских стратегий (камерная обстановка, малое количество действующих лиц близкой возрастной категории, любовный конфликт, мотив дуэли, атмосфера XIX в. и др.). Определяется роль игрового начала в произведениях на уровнях развития действия, характерологии, хронотопа, языка, аллюзий и реминисценций. В обеих пьесах персонажи вступают в игру друг с другом, автор же играет не только с героями, но и с читателями/зрителями. В «Счастливом конце» Ремез вводит интригу с настоящими именами, возрастом и родом деятельности «Мужчины» и «Женщины», подчеркнуто нарушает границы и условность «четвертой стены». Особое внимание уделяется декорациям и музыкально-звуковой организации текста. Отмечается динамика комического и трагического. Анализ «Проклятия» является логическим продолжением предыдущего исследования авторов данной статьи, посвященного пьесам Ремеза «Драматический поэт» (1975) и «Я... Я... Я...» (1978) – весьма интересных примеров художественного переосмысления судеб великих русских писателей XIX в. В основе «Проклятия» лежит попытка «драматического изучения» (определение А. О. Ремеза) биографии Лермонтова, чье творчество привлекало драматурга. Исследователями выдвигается гипотеза о характере диалога с претекстами, среди которых на первый план выходят «романтическая хроника» О. Я. Ремеза (отца писателя) и Т. А. Чеботаревской «О Лермонтове...» и «Записки» Е. А. Сушковой.

Ключевые слова: А. О. Ремез, драматургия, игровая поэтика, мотив, М. Ю. Лермонтов

Для цитирования: Рясов Д. Л., Шеленок М. А. Мотивы игры в пьесах А. О. Ремеза «Счастливый конец» и «Проклятие» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 210–219. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-210-219>, EDN: UYXYSE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Motives of game in A. O. Remez's plays *Happy Ending* and *Curse*

D. L. Ryasov¹, M. A. Shelenok²✉

¹Gogol's House – A Memorial Museum and Scientific Library, 7a Nikitsky Blvd., Moscow 119019, Russia

²Russian Christian Academy for Humanitarian named after Fyodor Dostoevsky, 15 Fontanka River Emb., St. Petersburg 191023, Russia

Daniil L. Ryasov, ryasovdaniil@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0453-8097>

Mikhail A. Shelenok, shelenokmishka@rambler.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7446-865X>

Abstract. The article is dedicated to the study of the theatrical legacy of Alexander Oskarovich Remez (1954–2001) – a Soviet and Russian playwright, who pioneered an atypical development line of the so-called “black comedy”, where the game as a way of world perception and understanding becomes the dominant intratextual element. The study focuses on the analysis of the plays *Happy Ending* (1974) and *Curse* (1980), which are united by the affinity of authorial strategies (intimate setting, a small number of characters of close age categories, love conflict, motif of dueling, the atmosphere of the 19th century, etc.). The role of the game element is determined in the works at the levels of action development, characterization, chronotope, language, allusions, and reminiscences. In both plays, the characters engage in a game with each other, while the author plays not only with the characters but also with the readers/viewers. In *Happy Ending*, Remez introduces the intrigue with real names, age, and occupation of the “Man” and the “Woman”, deliberately breaking the boundaries and conventionality of the “fourth wall”. Special atten-

tion is paid to decorations and the musical-sound organization of the text. The dynamics of comedy and tragedy are noted. The analysis of *Curse* is a logical continuation of the previous research by the authors of this article, dedicated to Remez's plays *Dramatic Poet* (1975) and *I... I... I...* (1978) – very interesting examples of the artistic rethinking of the destinies of great Russian writers of the 19th century. The foundation of *Curse* lies in the attempt of a “dramatic study” (as defined by A. O. Remez) of Lermontov's biography, whose work attracted the playwright. The researchers put forward a hypothesis about the nature of the dialogue with pretexts, among which the “romantic chronicle” by O. Ya. Remez (the writer's father) and T. A. Chebotarevskaya “About Lermontov...” and “Notes” by E. A. Sushkova come to the fore.

Keywords: A. O. Remez, dramaturgy, game poetics, motive, M. Yu. Lermontov

For citation: Ryasov D. L., Shelenok M. A. Motives of game in A. O. Remez's plays *Happy Ending* and *Curse*. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 210–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-210-219>, EDN: UYXYSE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вполне логично, что специалистов по драматургии привлекает изучение игровой поэтики, в частности – с точки зрения мотивной структуры сочинения. Игра концептуально интерпретируется по-разному: на уровнях масок персонажей, их поведенческих стратегий, языковых особенностей и литературных ассоциаций, а также изображения собственно игрового процесса (см.: [1–3]). При этом исследователи драмы зачастую обходят стороной игру «нездоровую» (в данном случае речь идет не о текстах, где фигурируют персонажи с маниакальными наклонностями, а о пьесах, демонстрирующих бесконтрольную/бессознательную игру, порой приводящую к трагической развязке).

В рамках настоящей работы будут рассмотрены произведения, которые с головой погружают читателя/зрителя в атмосферу игровой стихии, овладевающей героями вплоть до потери ими границ реальности: «Счастливый конец» (1974) и «Проклятие» (1980) А. О. Ремеза – талантливого самобытного автора, яркий период творчества которого пришелся на 70–80-е гг. прошлого века. Сборник его пьес был выпущен издательством «Новое литературное обозрение» в 2019 г. [4]. Таким образом, на сегодняшний день творческое наследие Ремеза только вводится в научный оборот. В нашей статье, посвященной пьесам «Драматический поэт» (1975) и «Я... Я... Я...» (1978), находят подтверждение замечания П. Б. Богдановой и А. А. Васильева об игровой доминанте как способе авторского мировосприятия и мироощущения в текстах Ремеза (см. об этом: [5]).

В структуре «переживания в двух действиях» «Счастливый конец» само слово «игра» и его производные неоднократно встречаются (и в ремарках, и в репликах персонажей). Так автор маркирует игровую площадку для должного восприятия предстоящих действий. Развитие текста строится по принципу игры «верю – не верю» («правда или ложь»). В дождливый вечер

в ленинградскую «однушку» двадцатилетний парень приводит девушку-ровесницу. Из диалога можно понять, что они впервые увиделись буквально за пару часов до начала описываемых событий. Молодые люди наряду с банальными комплиментами отпускают колкости, флиртуют, но намек на возникающие отношения (и уж тем более на зарождающиеся чувства) – ловушка для тех, кто наблюдает за происходящим. Возникает интрига-тайна с ощущением, будто каждый из героев ведет свою игру, о причинах которой можно лишь строить предположения.

О том, что персонажи лукавят, мы догадываемся прежде всего из их реплик. Например, девушка уже в одном из первых своих ответов осекается и явно не договаривает всей правды насчет вешалки, оторвавшейся от пальто: «Задумалась и забыла вам сказать. Это у меня еще утром... Когда я выходила из... из дома. Я, помню, спешила...» [4, с. 25] (курсив наш. – Авт.). Не исключено, кстати, что особый акцент на этом моменте является еще одним примером авторской игры и отсылает к небезызвестному выражению, согласно которому театр «начинается с вешалки».

Отметим, при фиксации действующих лиц в ремарочном тексте Ремез называет их «мужчина» и «женщина». Таким образом игра в «верю – не верю» распространяется и на имена:

«ЖЕНЩИНА. Вы правы. *Лена* меня зовут.

МУЖЧИНА. А зачем врать? <...> Не может быть, чтобы вас так звали. Еще скажите – *Катя*... Или *Таня*... или какая-нибудь *Марина*.

ЖЕНЩИНА. Что я могу сделать, если меня действительно так зовут?

МУЖЧИНА. Хватит вам. Не прибедайтесь. Я же целых три минуты смотрел на вас. Прямо в ваши глаза. И никакой *Лены* я там не увидел. <...> Если вы – *Лена*, то я – *Сергей*. И наоборот» [4, с. 31] (курсив наш. – Авт.).

Кроме того, драматург изначально не указывает никаких характеристик для персонажей.

Знакомство с ними должно проходить в режиме «здесь и сейчас», когда собеседники сами знакомятся друг с другом.

Определенная интрига связана и с возрастом героев. Примечательно, что в некоторых других своих пьесах автор посчитал нужным прописать его уже в списке действующих лиц (имеются в виду тексты, посвященные судьбам Гоголя и Лермонтова – «Я... Я... Я...» и «Проклятие»). В случае со «Счастливым концом» все гораздо туманнее: публика узнает нужную информацию постепенно. Сперва на сцене демонстрируется обилие антикварных вещей, а сами персонажи (вновь напомним их номинацию – «мужчина» и «женщина») во время первого действия общаются исключительно на «вы». Эти детали могут навести на мысль, что речь идет о зрелых, взрослых людях. С другой стороны, в описании «мужчины» сразу обращает на себя внимание скорее молодежный атрибут – «потертые вылинявшие джинсы» [4, с. 24]. Далее все отчетливее проявляются инфантильность и легкомысленность героев. Красноречив тот же эпизод с оторванной вешалкой. По словам хозяйки пальто, «она часто так...» [4, с. 25]. Сложность вызывает уже подбор цвета ниток для предполагаемого ремонта, которого в итоге не происходит: о нем лишь регулярно говорится. В финале «мужчина» (правда, находясь в неадекватном состоянии) все же пытается довести дело до конца и вернуть злополучный кусок ткани на законное место, однако не может – по собственному признанию, из-за банального неумения завязывать узелок на конце нитки.

Любопытно и другое: рассуждая о возрасте, герои делают значимые уточнения. Например, «Лена» отмечает, что ее частенько принимают за двадцатипятилетнюю. При этом самому «Сергею», угадавшему, что ей, как и ему, еще только двадцать, гостя заявляет: «А я думала, вам больше... Лет так двадцать пять» [4, с. 46]. Спустя время парень в сердцах проговаривает: «...чувствую я себя на все сорок» [4, с. 74]. Как видим, персонажей явно не устраивает занимаемое положение: им трудно смириться с тем, кем они являются и как живут в настоящий момент.

Так, молодой человек недвусмысленно намекает на статус студента театрального учебного заведения: «Сам я актер. Точнее будущий актер. Потому что официально я еще не могу называться актером» [4, с. 36] (далее он расска-

жет и о полученной «тройке», и об отношении к нему в учебном театре). Само же упоминание профессии артиста, лицедея – очередной намек создателя текста на игру как таковую.

Девушка, явно желая поиздеваться над романтической юношей, объявляет ему, что она якобы торгует собой: «Я и не шучу. С чего вы взяли? Откуда вы знаете: а вдруг это мое призвание? Или как еще пишут... Предназначение. <...>» – и добавляет в отношении знакомых из компании так называемых творческих интеллигентов: «Если хотите знать, я с половиной из них спала. А с другой половиной просто не успела» [4, с. 41–42]. Примечательно: на прямые вопросы чаще всего герои либо отвечают «не знаю», либо начинают препираться, мол, какой смысл в том, что собеседник узнает тот или иной факт: «Неужели это что-то да изменит? Все будет не так, как обычно, а как-нибудь иначе? И мы вдруг придумаем что-нибудь новое? Пейте, пейте кофе...» [4, с. 39].

Посредством игры Ремез создал гибридную форму, в которой проявлялся, выражаясь словами режиссера А. А. Васильева из предисловия к пьесам, «демонизм молодости, сплавленный с романтизмом, вульгарностью и мечтательностью» [4, с. 16]. Молодой человек в «Счастливым конце» является романтическим героем. Он постоянно ощущает себя одиноким. Вот что он говорит о тех самых «талантливых людях»: «Я довольно часто бываю с ними и всякий раз чувствую себя там чужим, лишним. И всякий раз я ухожу от них... Вот как сегодня, не прощаясь, ни слова не говоря. Они, может быть, думают, что я все еще там... Они меня не замечают... Да и вообще я бываю с ними по какой-то дурной привычке, по какой-то старой памяти... Надо бы уже перестать...» [4, с. 42]. «Сергей» «чужой среди своих» и в учебном театре. Он противопоставляет себя и холодному быту Ленинграда, и представителям так называемой богемы (или псевдобогемы – автор не дает однозначной оценки), неоднократно повторяя, что он ото всего этого свободен. Таким образом, вокруг романтического персонажа формируется двоимирие. А точнее – он между двумя мирами создал свой – третий, где время и пространство живут по собственным правилам.

Ремез постоянно играет с пространственно-временной организацией. С одной стороны, по ряду намеков можно без проблем догадаться, где и когда разворачиваются события. Говоря о внимании писателя к деталям, О. А. Балла подме-

чает, что «впрямую назван город, в котором все происходит – хоть на карту наноси: Ленинград, и любимый героиней “Сайгон”, и совсем новое к моменту диалога героев кафе “Ольстер” на углу Невского и Марата» [6, с. 258]. Тем не менее, в первой (ознакомительной) ремарке автор вводит интерактив, предлагая потенциальным зрителям убедиться в подлинности многочисленных старинных вещей на сцене: «...разные красивые старинные вещи. Деревянная двухспальная кровать. Стулья с выгнутыми спинками. Часы в высоком футляре. Еще стол. Еще какие-то кресла. Еще пианино. Такое же старинное раскрытое пианино. Камин. Повсюду – там и тут – свечи в позолоченных, тронутых временем канделябрах. На столе – брошенный кем-то цилиндр из темно-синего бархата. Ощущение должно быть такое, что вот сейчас выйдут герои и начнется пьеса, действие которой относится по крайней мере к девятнадцатому столетию» [4, с. 23]. И сразу же после этого драматург нарушает зрительское/читательское восприятие времени, когда на фоне старинных декораций звучит пионерский горн.

Вообще, включение данного элемента в текст представляет особый интерес. В репликах героев всячески подчеркивается, что их встреча происходит поздней ночью. «Лена» даже утверждает: они с ее спутником оказались в доме ровно полночь: «Из-за стены играл гимн, и я это запомнила» [4, с. 43]. Однако в ремарках обозначено, что в начале первого действия звук горна – «обыкновенная лагерная побудка», а в его конце – сигнал, «по которому в пионерских лагерях строятся на линейку» [4, с. 23, 52]. В финале пьесы и вовсе играют отбой. Это противоречие отчасти сбивает с толку, вводит в причудливое заблуждение. Возникает даже озорное желание пофантазировать, дать всему происходящему невероятное конспирологическое объяснение: якобы герои прекрасно осведомлены о том, что за окном не ночь, а день, и это – часть их игры. В такую псевдотеорию логично укладываются как подозрительные для позднего времени телефонные звонки, так и реакция пришедшего на шум соседа, который после короткого разговора пожелал «Сергею» «спокойной ночи» [4, с. 85] – а явился он практически перед сигналом отбоя из соответствующей ремарки. Однако заметим, что дело происходит дождливой осенью, когда пионерские лагеря уже, как правило, не вели свою работу. Бросаются в глаза и другие временные несты-

ковки. Таким образом, звук горна, вероятнее всего, имеет в произведении иное, символическое значение, о чем будет сказано далее.

Игра со временем прослеживается и в репликах героев, когда девушка пытается узнать точное время, а молодой человек, в зависимости от сложившейся ситуации, объявляет, что часы то спешат, то отстают.

Более подробного разговора заслуживает и пространство. Дом странных вещей существует будто сам по себе. Тут и длинная ночная рубашка, и бархатный цилиндр органично занимают отведенное место. Отметим, странный головной убор неоднократно приковывает внимание девушки. Несмотря на заверения «Сергея» о желании походить на поэта (игра со стереотипом), складывается ощущение, что цилиндр лежит не для того, чтобы герой его носил, а именно для того, чтобы гости спрашивали о нем. Предметы живут своей жизнью, тогда как их владелец может стремиться к уходу из жизни земной. Намеки на встречу со смертью неоднократно возникают в репликах и действиях молодого человека. Примером тому могут служить рассказ о смерти отца и о полученном наследстве, эпизод с упражнением в фехтовании, постельная сцена, сопровождающаяся странными комментариями с суицидальным оттенком:

«МУЖЧИНА. Сейчас... Я не помню – выключил ли я газ?

ЖЕНЩИНА. А это важно – выключил ты его или нет?

МУЖЧИНА. Это имеет значение. Хотя...» [4, с. 59].

То ли из страха, то ли из желания преодолеть тягу к самоубийству «Сергей» облачает «смертельный исход» в игровую форму. Наиболее ярко это заметно в эпизоде, когда девушка уходит, и молодой человек, оставшись один, приносит две шпаги, одной из которых начинает фехтовать, сражаясь с воображаемым противником. На наш взгляд, последним является не кто-то из богемы или из любовников «Лены», а сам «Сергей»: «Шпаги – для того, чтобы драться. А если дерутся, то дерутся с кем-то. Но вы же сами видите... я настолько один, что мне и подраться не с кем. Вот и остается...» [4, с. 50]. Иными словами, герой намекает на удовлетворение дуэлянта в дуэли с самим собой, т. е. на самоудовлетворение или же – на самоубийство. Таким образом, можно проследить динамику внутренней игры в поведении персонажей: от невинной игры в молчанку-гляделки до фехтования.

Дискуссионным является вопрос: почему же ушедшая в одной из сцен героиня вдруг вернулась? Попытка объяснить возвращение отсутствием такси в дождливую погоду перед разводом мостов – формальная причина или, на наш взгляд, неумелое прикрытие. «Лене» необходима исповедь, и она чувствует в странном юноше-романтике то тепло, которого не ощущала с детства, со времен посещения пионерского лагеря (не случайно драматург проводит лейтмотивом звуки горна как чего-то безвозвратно утраченного и вызывающего приятные воспоминания).

Меняется и поведение «Сергея». Поворотной точкой становится ошибочный телефонный звонок в три часа ночи с вопросом: «Это морг?» [4, с. 62]. Молодой человек замыкается в себе, выпадая из игры. Так автор подводит нас к исповедальным эпизодам:

«МУЖЧИНА. Опять мы поменялись ролями. <...>

ЖЕНЩИНА. Как же быстро мы поменялись ролями.

МУЖЧИНА. А роли что-то уж слишком похожие. Ты этого не заметила? Очень легко перепутать – где чья...» [4, с. 68].

В процессе исповеди о неудачных любовных опытах и о последствиях аборта (невозможность в дальнейшем иметь детей) девушка вспоминает чистый и наивный подростковый поцелуй в лагере. Здесь она называет, по видимому, свое настоящее имя: Надя.

Тема смерти оказывается тесно сопряжена с проблемой нерожденных детей. Рассказ Лены-Нади об аборте, замечание «Сергея» относительно случая с поцелуем в лагере: «это были не мы» [4, с. 78], и его же тост: «За наших с тобой детей! За тех, которые уже сто раз могли быть, и за тех, которые уже никогда не будут. За всех тех детей, которых мы оставили на самых разных простынях и в самых разных больницах, и за всех тех, которые теперь оставили нас. За их счастье!» [4, с. 70] – делают невозможным для них следование библейскому воззванию: «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3). Дети чисты и искренни в помыслах и поступках, потому и играют они невинно. Последнее уже не доступно героям Ремеза. Таким образом, печальный финал предрешен.

Погружаясь в депрессию, «Сергей» начинает выгонять гостью, однако та, сама будучи на эмоциях, предлагает отвлечься фехтовани-

ем. Дремавшая после рокового звонка игровая стихия пробуждается с новыми силами и полностью охватывает персонажей, активно играющих, подобно котяткам. Но «висевшее на стене ружье» «выстреливает»: герой по недосмотру перепутал шпаги, из-за чего острый конец попал не в сердце потенциального самоубийцы, а в грудь раскаявшейся блудницы. Сам же молодой человек в финале сходит с ума: молчит и безуспешно пытается пришить к пальто злополучную вешалку.

Отметим, что в тексте осталось также много недосказанного: мы не знаем до конца, действительно ли юноша намеревался свести счеты с жизнью, либо же играл особую эпатажную роль. Сложно судить и о непростом прошлом героини. Впрочем, это не важно. Самое главное – это погружение в размышления и ощущения действующих лиц. Недаром жанровое определение пьесы – «переживание в двух действиях», что говорит о наличии в произведении ярко выраженного лирического начала.

Подводя предварительные итоги, заметим авторскую игру с названием пьесы. С одной стороны, напрашивается закономерный вывод о злой иронии судьбы: счастливый конец – смертоносное острие рапиры. С другой стороны, в момент фехтования герои забылись в игре, освободились от своих переживаний и на несколько мгновений попытались внутренне стать детьми, но поскольку они, подобно персонажам некоторых других произведений Ремеза, не заслужили «свет» (см. об этом: [5, с. 66]), все привело к смерти Надежды (не только девушки, но и нарицательной тезке героини), в чем, вероятно, заключается ее спасение от пошлого, жестокого и лживого мира. Ведь еще в конце первого действия она, уставшая от тяжелой рутины, произнесла слова, фактически предрешающие заявленный еще в заголовке конец: «Неужели и сегодня все будет, как всегда, как везде? Неужели опять никакого “вдруг”? Вы знаете, я загадала... И неужели и сегодня это не кончится?» [4, с. 51].

Пьеса «Проклятие», наряду с текстами «Я... Я... Я...» и «Драматический поэт», является частью трилогии. В указанных произведениях затрагиваются судьбы классиков русской литературы (Пушкина, Гоголя и Лермонтова), показанных «в те моменты своей жизни, когда они были так или иначе связаны с театром, когда задумывались, создавались, выходили на сцену “Борис Годунов”, “Ревизор”, “Маскарад”»

[4, с. 409]. При этом сам автор уточняет, что сочинения получились разными – ввиду «несхожести» изображаемых героев. В то же время выбор персонажей знаменательным образом перекликается с отдельными рассуждениями Вс. Э. Мейерхольда, особо отмечавшего вклад перечисленных литераторов в историю отечественной драматургии: «Русский театр XIX века записывает в своей летописи три славных имени: одно из них уже получило всеобщее признание – это Гоголь; другое (в плане театра) раскрыто слишком мало – это Пушкин; третье (тоже в плане театра) еще совершенно не раскрыто – это Лермонтов» [7, с. 182].

Ремез же, обращаясь к столь знаковым фигурам, занимается «драматическими изучениями». «Я не отдаю предпочтения ни одному из них. И пишу о каждом с равным интересом», – так он поясняет собственное отношение к творцам позапрошлого столетия [4, с. 409]. Подобные замечания, характеризующие цикл в целом, содержатся в особом предуведомлении к «Проклятию» – пьесе о Лермонтове, которая была написана позже остальных. Уже сам этот текст говорит о безусловном интересе автора к личности поэта.

Здесь будет уместно привести слова А. А. Васильева из некролога, посвященного А. О. Ремезу (они повторяются и в предисловии к сборнику 2019 г.): «Саша – лермонтовский драматург. Он вышел из Лермонтова. Тот, кто выходит из Лермонтова, обречен...» [8]. Принимая во внимание некоторую метафоричность приведенного высказывания, отметим следующий показательный момент. В 1964 г. отец драматурга, известный режиссер и театральный педагог О. Я. Ремез, опубликовал написанную им в соавторстве с Т. А. Чеботаревской пьесу «О Лермонтове...». Не исключено, что для создателя «Проклятия» данный труд мог служить источником вдохновения.

О. Ремез снабдил текст подробными комментариями – советами для постановщиков. В них, среди прочего, внимание уделяется сценическому свету; его предлагается использовать для «создания своеобразного “крупного плана” того или иного исполнителя» [9, с. 78–79]. Отметим, что и в ремарках к пьесе А. Ремеза свет также регулярно упоминается. Он устанавливает отдельные правила игры со зрителем, например: «Свет преобразил сцену, обозначив тем самым перемену времени и места действия» [4, с. 415].

Сама «романтическая хроника» «О Лермонтове...» посвящена ряду эпизодов из жизни поэта, в том числе его злополучной дуэли с Н. Мартыновым. В начале текста особо подчеркивается верность драматургов исторической правде: «В этом сценическом рассказе – только факты. Строки газетных сообщений и журнальных статей, страницы воспоминаний, письма. Ни слова вымысла. Пусть документы сами расскажут о людях, о времени, о стихах» [9, с. 6]. Тем не менее, помимо современников Лермонтова, на сцене появляются «Печорин, Вулич, Мери, Вера, доктор Вернер. Это царство воображения. <...> Факты жизни переплелись с воображаемыми событиями» [9, с. 71–72]. В случае с «Проклятием» красноречиво уже само определение жанра: «Сцены из частной жизни – взамен биографической пьесы» [4, с. 407]. Избранный автором подход дает ему большую творческую свободу и открывает простор для всестороннего обыгрывания материала.

В основу произведения положена реальная история, касающаяся непростых взаимоотношений поэта с Екатериной Сушковой, подругой его кузины. Будучи совсем юным, пылкий Лермонтов безуспешно пытался завоевать сердце черноокой красавицы. Несколько лет спустя, после череды новых встреч, он все же сумел добиться желаемого, фактически влюбив девушку в себя. Тем не менее, отношения не были нужны молодому корнету, имевшему иной умысел. Вскоре Екатерина Александровна, успевшая распрощаться с потенциальным женихом Лопухиным, получила анонимное письмо, в котором поэт был выведен не в лучшем свете; утверждалось, что жениться он не собирается. Дальнейшие немногочисленные беседы Екатерины с резко отдалившимся Лермонтовым (который и был, как можно догадаться, автором рокового послания) подвели итог этим отношениям. Финальный разговор, по словам Сушковой, закончился равнодушными словами молодого человека: «...я вас больше не люблю, да, кажется, и никогда не любил» [10, с. 213].

Не будем подробно вдаваться в отдельные нюансы, связанные с обозначенной ситуацией: она достаточно хорошо известна и описана в специальной литературе. Главное, что историческая основа дала Ремезу простор для всесторонней демонстрации игры, затеянной Лермонтовым. Со слов мемуаристки Е. Ган, одно

из писем самого будущего классика содержало следующее признание: «Я играл двойную игру, которая удалась мне превосходно. Кокетство М-Не Сушковой хорошо наказано!» [10, с. 303]. Ю. Г. Оксман в предисловии к ценнейшим «Запискам» и дневникам Е. А. Сушковой заметил: участники тех событий «легко уверили и себя и других, что все действия, положения и реплики их подсказаны самою жизнью, <...> но, благодаря этим неожиданным иллюзиям персонажей, втянутых поэтом в игру, хитро завершенная им интрига сделалась еще напряженной» [10, с. 3].

Отдадим должное проведенной Ремезом работе, связанной с глубоким и основательным изучением многочисленных документальных свидетельств. Справедливо высказывание отца автора: «Чтобы убедить зрителя, надо самому очень хорошо знать то, о чем рассказываешь» [9, с. 84]. Его послесловие к хронике «О Лермонтове...» содержит особый раздел – «Вместо библиографии». В нем упомянуты издания, которые могут помочь читателю лучше понять классика и его творчество. Среди них – те самые «Записки» Сушковой (Ленинград, 1928); посвященные Лермонтову тома серии «Литературное наследство» (Москва, 1941–1948), книга «Лермонтов в воспоминаниях современников» (Пенза, 1960). Эти и многие другие труды, вероятно всего, штудировал и А. О. Ремез при создании своего «Проклятия». Укажем для примера на некоторые переключки текста пьесы с биографическими материалами.

Так, в беседе с Екатериной о подростковых годах, о шуточных заданиях, полученных им от девушки, поэт замечает: «...перчатки я частенько затеривал и вы непрестанно грозились отрешить меня от вверенной должности» [4, с. 417]. Ср. в воспоминаниях Сушковой: «...перчатки он часто затеривал и я грозила отрешить его от вверенной ему должности» [10, с. 109]. Фраза практически идентична, как и в следующем случае. У Ремеза Лермонтов-персонаж задает Мартынову вопрос, хорошо описывающий ведущий конфликт: «А что если я на деле заготавливаю материалы для многих сочинений?» [4, с. 437]. Такие же слова, сказанные ей в свое время Михаилом Юрьевичем, передала мемуаристка: «...я на деле заготавливаю материалы для многих сочинений» [10, с. 191]. Активное использование выдержек из оригинальных текстов XIX в. делает реплики более живыми, колоритными, правдивыми.

Внимательное отношение автора к источникам иллюстрирует еще один примечательный эпизод. В сочинении Ремеза Сушкова, обсуждая с Лермонтовым прошлое, вспоминает его самого – «маленького мальчика с толстой книгой подмышкой... То была, если мне не изменяет память, биография Байрона...» [4, с. 439]. Между тем в «Записках» Екатерины Александровны разговор идет, как представляется на первый взгляд, о литературном творчестве самого английского романтика: «...он <...> был неразлучен с огромным Байроном» [10, с. 111]. Как быть с таким противоречием? Разъяснение можно найти в статье А. Глассе: «“Огромный Байрон”, о котором упоминает Сушкова, – это скорее всего не сочинения Байрона, а только что вышедший первый том биографии Байрона, написанный его другом, поэтом Т. Муром» [11, с. 91]. Даже на такие, казалось бы, незначительные детали обращает внимание драматург.

Кстати, о деталях. В начале пьесы Ремез, описывая сценическую площадку, выделяет среди других предметов «медный таз, назначение которого остается загадкой». Позднее, в финальной ремарке, читаем: «...стекает по капле в старый пятигорский таз его [Лермонтова] кровь» [4, с. 462]. Это не просто красивый символический образ, выдуманный автором. В основе опять-таки лежит рассказ современника, на сей раз – офицера А. Чарыкова, который собственными глазами видел «труп поэта, покрытый простыней, на столе; под ним медный таз; на дне его алала кровь, которая за несколько часов еще сочилась из груди его» [12, с. 195]. Интерпретация данного факта в тексте, как видим, весьма оригинальна.

Прочитав также размышления-переживания создательницы «Записок», относящиеся к развязке любовной истории: «В самый первый день Христова Воскресения была такая вьюга, такая мятель, что десятки людей погибли на улицах, занесенные снегом; я так была настроена, что во всем этом видела грустное предзнаменование для меня» [10, с. 213]; «Мы холодно расстались... И вот я опять вступила в грустную, одинокую жизнь, более грустную и холодную, чем была она прежде» [10, с. 218]. Ремез преобразует слова Сушковой в следующие: «Странная пасха в этом году... Апрель, а у нас – вьюга... Сказывают: много людей на улицах погибло... снегом занесло... мне кажется, что и я... там, с ними...»

[4, с. 462]. Драматургу удается блестяще передать щемящее чувство холода, одиночества и безысходности.

Конечно, написанная Ремезом история в отдельных случаях расходится с данными свидетельств очевидцев. Возможно, автор таким образом желал показать те самые «сцены из частной жизни», нередко остающиеся за пределами мемуарных фолиантов. Согласно пьесе Лермонтов посвящает в свой план однокашника Мартынова, который, впоследствии ужаснувшись жестокости и хладнокровию Мишеля, решает лично предупредить Сушкову – отвести ее от обольстителя. Однако в попытках найти с ней общий язык Мартынов делает только хуже, и Екатерина, наоборот, начинает видеть обманщика в нем: «Вот вы и проговорились! Теперь мне ясно! Вы – друг Лопухина! <...> Лопухин смертельно ревнует к Лермонтову, видя мою к нему благосклонность, – и подсылает вас» [4, с. 448]. Подобные события, повторимся, никак не освещены в известных источниках. Единственный намек на неких недоброжелателей, соперников поэта – упоминание Сушковой лермонтовского предостережения: «Я вам говорил, что у меня есть враги, и вот они и постарались внушить вам подозрения, и успели кажется» [10, с. 189–190].

Возможно, Ремез поиграл и с массово-стереотипным восприятием образа Мартынова исключительно как убийцы поэта. Уже само его появление в спектакле может сбить несведущего зрителя с толку, внушив идею, что произведение посвящено именно противостоянию будущих дуэлянтов. В дальнейшем становится понятно, что на первый план все же выходят отношения Мишеля и Екатерины, однако ощущение неизбежности будущей трагической развязки сохраняется на протяжении всего текста. После того, как Лермонтов надиктовывает письмо для Сушковой Мартынову, тот в сердцах восклицает: «Убил бы, как собаку, и никогда бы не раскаялся...» [4, с. 457]. С другой стороны, Мартынов будто становится голосом совести для Лермонтова, как художник Бэзил для Дориана Грея. Ему корнет доверяет свои помыслы, его делает своим «зрителем».

Сама же пьеса «Проклятие» отличается от предыдущих двух частей трилогии о писателях количеством действующих лиц. Вместо целой галереи современников разного статуса с главным героем взаимодействуют всего двое: Мартынов и Сушкова. Тем интересней наблюдать за

сменой «масок» Лермонтова. По мере развития действия у читателя/зрителя может сложиться впечатление о нарастающем безумии (= раздвоении личности) центрального персонажа: стихия игры будто настолько подчиняет себе поэтически одаренного корнета, что раскалывает его образ на две половины (возможно, Ремез хотел обыграть мотив «двойничества», но не как у Ф. М. Достоевского, а как у неоромантика Р. Л. Стивенсона в его «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда»).

О «двойственности» Мишеля проговаривается и Мартынов в диалоге с Сушковой: «В том-то вся и беда, что вы знаете его очень плохо... А может быть, вы и правы – потому что вы действительно знаете его хорошо – то есть с хорошей стороны, а я знаю его плохо – мне знакомы все его дурные качества... Простите за неуместный каламбур!» [4, с. 445]; «Я еще не встречал человека страшнее, чем Лермонтов... Страшнее и... привлекательнее – ибо повторяю вам – я благоговею перед ним. Когда он обращает на меня свой взгляд, о, этот взгляд!.. мне становится не по себе... я готов... встать перед ним на колени... или выстрелить ему в сердце...» [4, с. 447]. Кстати, в основе некоторых из приведенных реплик Мартынова лежат опять-таки фрагменты из «Записок» Сушковой. Ср.: «...я благоговела перед ним, удивлялась ему» [10, с. 200]; «Я готова была стать перед ним на колени, лишь бы он ласково взглянул на меня!» [10, с. 217]. Напомним, изображаемая Ремезом встреча не имела места в действительности. Фактически на сцене разыгрывается внутренний монолог Екатерины, разделенный между двумя действующими лицами.

Во время адресованного Лермонтову откровенного признания Сушковой сам «злодей» искренне плачет, находясь в смятении чувств (после он признает, что пребывал в растерянности). При этом Мартынов после каждой новой беседы все больше убеждается, что наделенный божественным даром поэта Мишель Лермонтов раскрывает в себе демоническое начало: «Ты не человек... Человек не способен на такое... Ты – воплощенное зло, ты – дьявол» [4, с. 457]. На наш взгляд, тут кроется и отсылка к знаковому для реального поэта образу Демона из одноименной поэмы.

Двусмысленна и мотивация лермонтовских поступков. Читатель/зритель вслед за Мартыновым наблюдает за жестоким спектаклем ради мести (на первый взгляд, Мишель мстит

Екатерине за давнишнее унижение и неразделенные чувства), однако сам герой в финальном монологе отметит: «Я разбил вашу жизнь, но не из мести, о, если бы – из самосохранения... Я отлично понимаю – от этого вам не легче... это вам мало что объясняет, еще больше путает вас, но... я говорю от сердца, и вы должны понять меня сердцем...» [4, с. 461]. Насколько искренен персонаж – автор предлагает решить читателю. Но как бы то ни было, любая из двух мотиваций носит отчетливую печать эгоизма.

Другое отличие «Проклятия» от пьес о Пушкине и о Гоголе – собственно связь с творческим процессом. Пушкин на протяжении всего действия уже обременен работой над «Борисом Годуновым», Гоголь хоть и завершил работу над «Ревизором», но ожидает реакции публики на свое творение. Лермонтов же занят прежде всего личными проблемами. Только в финальном монологе поэт делится своими творческими планами: «Пьеса, которую я пишу, называется “Маскарад”. Чем ближе к завершению – тем боязнее мне отдавать ее в цензуру. У нас издавна привыкли, что порок – хоть на последней странице да повергается во прах – пред справедливым возмездием... А я даю в своей пьесе мужа – отправителя своей невинной жены, и – представьте, осмеливаюсь сострадать не одной только жертве, но к злосчастному убийце...» [4, с. 461].

До того в основном тексте пьесы встречаются лишь косвенные реминисценции. Так, например, в разных эпизодах то Лермонтов, то Мартынов ведут себя, словно таинственный «мститель» в маске, намекающий на трагическое «возмездие». Однако, заметим, в качестве эпиграфа Ремез приводит значимую цитату из названной лермонтовской драмы (реплику Арбенина): «Преграда рушена между добром и злом» [4, с. 409]. Таким образом, автор «Проклятия» вводит маркеры на развитие мотивно-тематического игрового поля и намекает на противостояние добра и зла внутри конкретного характера.

В произведении можно заметить также переклички происходящего с сюжетом пьесы Лермонтова. Это касается и реальной истории, на которую опирался Ремез. «Анонимное письмо в драме и в интриге Лермонтова с Сушковой сближалось уже современниками», – отмечает В. Комарович, ссылаясь на сестру Екатерины Александровны, Е. А. Ладыженскую [13, с. 637]. В своих замечаниях она выразительно характеризует произошедшее как «пятый

акт кратковременного сценического представления самого автора *Маскарада*» [10, с. 328].

«Проклятие» начинается с розыгрыша, устроенного Лермонтовым (он привязал ногу спящего Мартынова к роялю). В последующих эпизодах попеременно в репликах всех персонажей будет возникать слово «роль» (как относительно собственных масок и поведенческих стратегий, так и в адрес собеседников). В ремарках то и дело фигурируют слово «игра» и его производные. Так, в начале первого действия «оба приятеля принялись носиться друг за другом по всей сцене с эскадронами, увлеченные игрой в “поединок”» [4, с. 412]. Невольно вспоминается финал «Счастливого конца», в котором подобная игра привела к смертельному исходу. Другой пример – из диалога с Екатериной: «СУШКОВА (*еле слышно*). Останьтесь... // ЛЕРМОНТОВ (*та же игра*). Я не ослышался?» [4, с. 431]; «Уже непонятно, продолжает ли он свою “игру” или говорит искренне – не исключено, что это именно так» [4, с. 442] и т. д.

Ремез устраивает настоящий «маскарад» своим героям, используя схему «театра в театре». Кроме того, драматург играет с пространством. Все эпизоды первого и второго действий разворачиваются на фоне казарменного беспорядка с грязным бельем, пустыми бутылками, рассыпанным табаком и разбитым роялем: «Стены, чью первоначальную окраску не представляется возможным определить. Все они – сверху донизу – испещрены незамысловатыми рисунками, неразборчивыми и, судя по всему, малопрстойными надписями, кое-где промелькнет вдруг четверостишие, и тут же – безобразное пятно известного происхождения. <...> Впечатление должно быть жуткое и отталкивающее – вот первая задача, которой подчинено такое оформление» [4, с. 410]. Подобные декорации способствуют развитию театральной условности, что лишь подчеркивает мерзость, захватывающую сознание центрального персонажа. Отметим, заключительная сцена пространственно будто сужается: «Все предметы, бывшие на сцене, сдвинуты и сложены в самом центре, образуя серый островок в светлом ее просторе, только медный таз оказался занесенным на авансцену. На груде старых шинелей восседает ЛЕРМОНТОВ. СУШКОВА – тоже здесь, в его мире, сидит почему-то на крышке рояля» [4, с. 458–459]. На наш взгляд, драматург показывает нравственный «футляр», заложи-

ком которого стал заигравшийся поэт. Обратим внимание на последнюю реплику Сушковой: «Я прощаю вам... будьте прокляты... я люблю вас» [4, с. 462]. Столь противоречивое обращение, произносимое под занавес, является фантазией Лермонтова. Таким образом, трагический игрец будто сам себя прокликает, обрекая на жестокий маскарад, прекратить который может лишь смерть. Опасная игра приближает героя к неминуемой и закономерной гибели.

В заключение отметим: несмотря на очевидные различия, пьесы «Счастливый конец» и «Проклятие» содержат целый ряд заметных переключек. Обе они отчасти камерные; на сцене появляется малое количество персонажей (двое в первом тексте, трое – во втором). Действующие лица – молодые люди, которым около двадцати лет. Наличествуют любовный конфликт, мотив дуэли, атмосфера XIX столетия (вспомним ощущение, которое пытается создать автор во вступлении «Счастливого конца», демонстрируя антикварные предметы). Но главное, что объединяет произведения прежде всего, – это игра, проявляющая себя на самых разных уровнях. Персонажи играют друг с другом, автор – с героями, подробностями реальных биографий и, разумеется, с читателями. В этом Ремезу помогают несомненный талант, начитанность, литературный вкус. П. Богданова замечает, что «он писал вообще без оглядки на какую бы то ни было социальную реальность. Он всецело существовал в мире своей богатой творческой фантазии и воображения» [14, с. 46]. Хочется надеяться, что сочинения драматурга – неординарные, актуальные, философские – обретут полноценную сценическую жизнь и благодарных зрителей.

Список литературы

1. Коломлина Н. А. Игровая поэтика комедий А. Н. Островского рубежа 1860-х – 1870-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2007. 26 с.
2. Тетерина Е. А. Мотив игры в отечественной драматургии 1980–1990-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014. 24 с.
3. Шеленок М. А. Игровая поэтика пьесы И. Ильфа, Е. Петрова, М. Вольпина «Подхалимка» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 94–101. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2015-15-3-94-101>
4. Ремез А. О. Пьесы / сост., вступ. ст. П. Б. Богдановой, предисл. А. А. Васильева. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 464 с.
5. Рясков Д. Л., Шеленок М. А. Судьбы Гоголя и Пушкина в драматургической интерпретации А. Ремеза // Культура и текст. 2022. № 2 (49). С. 60–68.
6. Балла О. А. Выше реальности. Экзистенциальный театр Александра Ремеза // Дружба народов. 2019. № 8. С. 256–259.
7. Мейерхольд Вс. Э. Статьи, письма, речи, беседы. Часть первая. 1891–1917. М. : Искусство, 1968. 352 с.
8. Васильев А. А. Я удивлялся его таланту. Памяти Александра Ремеза // Литературная газета. 2001. № 3 (5818). 17–23 янв. С. 10.
9. Ремез О. Я., Чеботаревская Т. А. О Лермонтове... М. : Искусство, 1964. 88 с.
10. Сушкова (Хвостова) Е. А. Записки. 1812–1841. Л. : Academia, 1928. 448 с.
11. Глассе А. Лермонтов и Е. А. Сушкова // М. Ю. Лермонтов: Исследования и материалы : сб. / редкол. : М. П. Алексеев (отв. ред.), А. Глассе (США), В. Э. Вацуру. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. С. 80–121.
12. Чарыков А. К воспоминаниям о М. Ю. Лермонтове // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников : сб. / сост.: В. А. Мануйлов, М. И. Гиллельсон. Пенза : Пензенское кн. изд-во, 1960. С. 193–195.
13. Комарович В. Л. Автобиографическая основа «Маскарада» // Литературное наследство. Т. 43/44. М. Ю. Лермонтов. Кн. I. М. : Изд-во АН СССР, 1941. С. 629–672. EDN: YSTFOJ
14. Богданова П. Б. Логика перемен. Анатолий Васильев: между прошлым и будущим. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 376 с.

Поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 02.10.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 02.10.2025; accepted for publication 10.02.2026

ЖУРНАЛИСТИКА

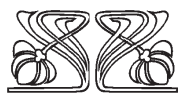
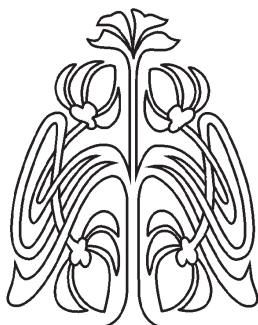
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 220–227

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 220–227

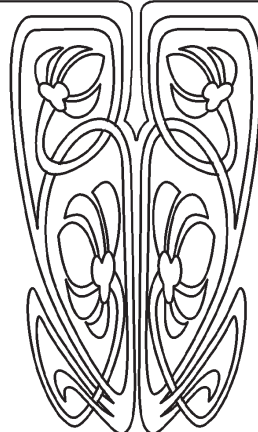
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-220-227>

EDN: VOKUGH

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Научная статья

УДК [070.1+004](470+571)

Анализ востребованности творческих компетенций в современной журналистике

О. С. Мухина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620000, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Мухина Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, докторант, olga.mukhina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-6086>

Аннотация. В статье анализируется уровень креативности, необходимый современным журналистам и специалистам в медиакоммуникациях. В качестве методики исследования проведен анализ 314 вакансий в сфере медиа. Площадкой для исследования выбран популярный сайт вакансий HeadHunter. Вакансии собирались в период со 2 по 5 июля 2025 г. Данное исследование является пилотным, отражающим в большей степени общие тенденции и тренды, нежели точные цифры. Вместе с тем результаты демонстрируют высокий уровень креативности в журналистике. Для подтверждения необходимых навыков чаще всего требуется портфолио: необходимость в его наличии упоминается или подразумевается в 94% вакансий. В статье перечисляются конкретные задачи, которые понимаются под креативностью при разных видах медиадеятельности. Например, нестандартное мышление больше ценится на руководящих должностях и у копирайтеров. В новостной журналистике чаще необходимы добросовестные исполнители. Однако креативное решение проблем, навыки креативного письма, сторителлинга и умение генерировать идеи можно считать универсальными задачами в ракурсе креативности в медиа. Проводится также дифференциация по типам СМИ и формату работы. С форматом работы креативность коррелирует слабо. Хотя навык креативного решения проблем более востребован в офисе, чем при удаленной работе. Небольшая разница присутствует и в разных типах СМИ. Предсказуемо, что в издательствах несколько больше ценится навык сторителлинга и креативного письма, чем на телевидении или радио. В целом до 97% вакансий в медиа упоминают необходимость творческого подхода. То есть можно констатировать, что журналистика остается творческой профессией, а не просто ремеслом.

Ключевые слова: креативность, творчество, творческий потенциал, искусственный интеллект, ИИ, нейросети, нейросети, медиа, медиакоммуникации, журналистика

Для цитирования: Мухина О. С. Анализ востребованности творческих компетенций в современной журналистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 220–227. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-220-227>, EDN: VOKUGH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Assessing the value of creative skills in modern journalism

O. S. Mukhina

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Yekaterinburg 620000, Russia

Olga S. Mukhina, olga.mukhina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8791-6086>

Abstract. This article analyzes the level of creativity required for modern journalists and media communication specialists. As a research methodology, an analysis of 314 media job postings was conducted. The popular job site HeadHunter was chosen as the research platform. Job postings were collected in the period of 2–5 July, 2025. This study is a pilot one, and, to a greater degree, it reflects more general trends and tendencies rather than exact numbers. Nevertheless, the results show a high level of creativity in journalism. To confirm the necessary skills, a portfolio is most often required: its relevance is mentioned or implied in 94% of job postings. The article lists specific tasks that are implied by creativity in various types of media activity. For example, out-of-the-box thinking is more valued in leadership positions and among copywriters. In news journalism, conscientious executors are more often needed. However, creative problem-solving, creative writing skills, storytelling, and the ability to generate ideas can be considered universal tasks from the perspective of creativity in media. Media types and work format are also differentiated. Creativity has a weak correlation with the work format. Although creative problem-solving skills are slightly more in demand in the office than in remote work. A small difference is also present in different types of media. Predictably, storytelling and creative writing skills are somewhat more valued in publishing houses than on television or radio. Overall, up to 97% of media job postings mention creative approach as essential. Therefore, it can be stated that journalism remains a creative profession, and not just an occupation.

Keywords: creativity, artistic endeavor, creative potential, artificial intelligence, AI, neural network, neural networks, media, media communications, journalism

For citation: Mukhina O. S. Assessing the value of creative skills in modern journalism. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 220–227 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-220-227>, EDN: VOKUGH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопрос о творческом потенциале журналистики вызывает перманентные дискуссии. Одни считают ее креативной профессией, другие напоминают, сколько в медиа шаблонных задач, и уверены, что здесь есть лишь элементы творчества – а они присутствуют в любой деятельности, даже самой монотонной [1]. Первые придерживаются позиции, что журналист должен приобрести состояние внутренней творческой свободы, а диалог с аудиторией – это установление истинно творческих взаимоотношений [2]. Исследование, анализ и интерпретация информации требуют креативности, а не только профессионализма, а журналистика как творческая деятельность развивает в обществе критическое мышление и активную гражданскую позицию [3].

В качестве примера противоположного мнения можно вспомнить авторов с Грабской улицы в Лондоне, которые за низкую оплату писали для газет поверхностные материалы в большом количестве – так что в итоге само название улицы стало символом писателя-халтурщика [4]. А в одном из наших последних исследований мы, путем опроса практикующих журналистов, выяснили, что такую шаблонную (и далекую от творчества) задачу, как рерайт, специалисты в медиа считают основной и сегодня.

Дискуссия становится все более актуальной с развитием эпохи цифровизации. Технологические, экономические, социальные и другие трансформации требуют и переосмысления компетенций журналистов [5]. Кардинально меняет ситуацию появление Интернета, сетевых изданий, а также блогосферы, в которой каждый может объявить себя журналистом и начать вещание на массовую аудиторию. Многие исследователи уверены, что и в данных условиях творчество в становлении журналиста остается важным [6]. Другие подчеркивают, что появление Интернета даже расширяет творческий потенциал для медиаспециалистов – за счет открытости, интерактивности, отсутствия пространственно-временных ограничений [7].

Но вслед за этим возникает новый вызов: искусственный интеллект. Цифровые аватары ведут передачи и трансляции, нейросети создают видеоролики, пишут тексты, генерируют иллюстрации, а специально обученные боты поддерживают и развивают дискуссии в социальных сетях и мессенджерах. Исследователи рассуждают на тему, существует ли опасность конкуренции для человека от искусственного интеллекта [8] и какие риски в целом возникают [9, 10]: может ли нейросеть заменить человеческий труд и даже уничтожить некоторые профессии. Возникает вопрос, не заменит ли

творческий процесс в медиа так называемая алгоритмическая или роботизированная журналистика [11].

Существует множество разных подходов к тому, что считать собственно креативностью. По мнению одних, это способность рисковать, богатое воображение, скорость мышления, эстетические ценности, развитая интуиция. Другие считают, что креативному мышлению способствуют когнитивные процессы, частью которых является озарение. Третьи добавляют к этому важность мотивации и окружения [12].

Если обратиться к классическим словарям, то словарь Ожегова, к примеру, понятия «креативность» не содержит, но «творчество» определяет как «создание новых по замыслу культурных или материальных ценностей» [13]. А словарь Ушакова гласит, что «творить» – значит «создавать, производить, созидать» («продукт духовного творчества», «культурную, историческую ценность») [14]. Если переводить буквально, то «креативность» происходит от слов «создать» (лат. creatio) или «творец, создатель» (creative) [15]. Но с этой точки зрения креативностью или творчеством можно считать создание любого нового продукта. В этом смысле и текст, созданный при помощи рерайта (в том числе нейросетью), считается результатом творчества, поскольку формально это новый продукт.

Спорными (а точнее, актуальными для отдельных видов деятельности) представляются и вышеперечисленные теории креативности. К примеру, отсутствие способности рисковать далеко не всегда означает, что журналист не способен создать глубокое, необычное, творческое произведение. Не в каждой сфере медиа требуется и высокая скорость мышления. Даже богатое воображение может отсутствовать – например, у талантливого журналиста-новостника, который черпает вдохновение из реальных диалогов и мероприятий, и чья креативность состоит в умении разговаривать любого собеседника.

Думается, что в сфере медиа основным критерием творческого подхода является создание не просто нового, а оригинального, не шаблонного продукта – без инструкций и образцов.

В рамках настоящего исследования мы решили изучить вопрос креативности в журналистике с позиции востребованности творческого подхода в редакциях СМИ. Мы

задались вопросом, как часто в современных медиа требуется креативный подход и в каких именно видах деятельности, а также какие конкретные задачи обычно подразумеваются под креативностью.

Методика исследования

В качестве площадки для исследования мы выбрали популярный сайт вакансий HeadHunter (hh.ru). Анализировался широкий спектр данных, которые были поделены на тематические блоки: например, изучались технические аспекты, популяризация искусственного интеллекта, психологические особенности журналистской профессии, востребованность экономических навыков и другие вопросы. Добавим, что все блоки являются полностью автономными и завершёнными исследованиями, а не этапами одного исследования.

В рамках настоящей статьи акцентировалось внимание на вопросах творчества, креативной составляющей сферы медиа. В период со 2 по 5 июля 2025 г. на указанной платформе выбирались вакансии в СМИ для журналистов и специалистов в медиакommunikациях. Для этого мы зашли в расширенный поиск и установили там следующие параметры:

– специализация – «Искусство, развлечения, массмедиа» (подразделы «Журналист, корреспондент» и «Копирайтер, редактор, корректор»);

– отрасль компании: «Производство мультимедиа, контента, редакторская деятельность», «Производство печатной, полиграфической продукции», «Распространение мультимедиа и печатной продукции», «Распространение телепрограмм, кино (кабельное телевидение)», «Теле- и радиовещание».

Мы также убрали выбор региона, поскольку по умолчанию он устанавливается системой, но в рамках данного исследования не планировалось ограничение поиска территориально.

По итогам поиска 02.07.2025 был получен список из 322 вакансий. После удаления повторяющихся, а также вакансий, попавших в выборку случайно или по ошибке специалиста по кадрам, а затем добавления новых с 3 по 5 июля итоговый список составил 314 вакансий.

Затем был проведен их анализ с акцентированием внимания на вопросах креативности и творческого подхода, который требуется от

соискателя. Показалось интересным ответить на следующие вопросы:

– Журналистика считается творческой профессией. Но как часто в действительности требуется креативность в работе в медиа?

– Что именно подразумевается под креативностью (какие конкретные задачи)?

– Как измеряется креативность при приеме на работу?

– В каких типах СМИ творческий подход важнее? Какие конкретно креативные задачи стоят в каждом типе СМИ?

– Где креативность важнее: при работе в офисе или удаленно?

– Какие виды творческих задач стоят перед специалистами разных направлений/отделов в СМИ?

Сразу следует сказать об ограничениях настоящего исследования. Первое и главное, на наш взгляд, состоит в том, что анализировались вакансии только в СМИ. Сегодня, в цифровую эпоху, любой индивид или предприятие может присоединиться к сфере массовых коммуникаций, и практически любая компания имеет собственный сайт, группы в соцсетях и каналы в мессенджерах. Для наполнения их контентом требуются специалисты, и подобных вакансий в действительности большинство: по поиску 03.07.2025 было получено 1477 вакансий после снятия ограничения по отрасли компании. Таким образом, лишь каждая пятая вакансия предполагает работу именно в СМИ. Тем не менее, в рамках текущего исследования интерес вызывал уровень креативности именно в средствах массовой информации.

Второе ограничение состоит в том, что изучались вакансии, а не работа в СМИ непосредственно. Допускаем, что описание вакансий иногда может не соответствовать реальной работе. Но сразу отметим, что такие общие формулировки, как «креативность» и «творческий подход», которые можно было бы считать абстрактными клише, имеющими отдаленное отношение к реальной работе, в действительности довольно редко встречались в вакансиях – во всяком случае, без описания конкретных творческих функций. В большинстве случаев вывод о необходимости творческого подхода мы делали не из формальных указаний на «креативность», а из описанного в вакансии функционала.

Признаем, что итоговые выводы о креативности в журналистской профессии надо делать

исходя из анализа профессиональной деятельности журналиста и продуктов журналистского труда. Возможно, это станет материалом нашего следующего исследования, будет интересно сравнить показатели: какой творческий подход требуют редакции СМИ от соискателей, а какой складывается в реальной действительности.

Третье ограничение – в размере выборки. Для получения точных цифр она все же должна быть больше.

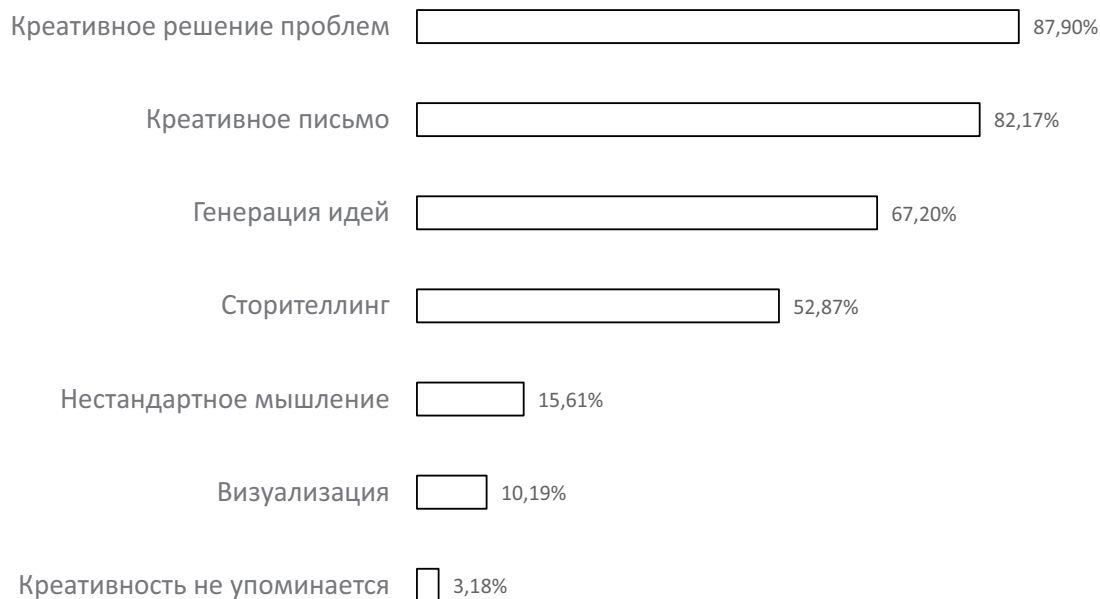
Учитывая вышесказанное, данное исследование следует рассматривать как пилотное, скорее, намечающее общие тенденции и ключевые тренды, нежели предоставляющее исчерпывающую картину с точными числовыми данными.

Результаты исследования

Первый вывод, который был сделан по итогам анализа 314 вакансий: журналистика остается творческой профессией, и креативность требуется от соискателей в сфере медиа. В минимальном количестве вакансий (3%) не говорилось о каких-либо креативных или творческих задачах и не требовалось подобное качество от соискателя. Хотя напрямую о необходимости проявлять креативность говорится почти в половине (43%) вакансий («Реализация творческого замысла»; «Творческий подход к работе»), но, по крайней мере, косвенные признаки творческих задач были обнаружены в 97% случаев («Находить незаезженные и интересные темы»; «Способность писать ясно, живо»).

По результатам анализа составлен список из наиболее часто встречающихся творческих задач (рисунок).

Основная форма для измерения креативности в медиа – портфолио. Оно требуется напрямую или предполагается его наличие в 94% вакансий («Портфолио в любом удобном для вас формате – ссылки на материалы, pdf формат, видеопортфолио»; «Наличие портфолио (тексты и проекты»)). К нашему удивлению, тестовое задание упоминалось редко – менее чем в 4% вакансий. Однако из личного опыта в медиа (автор, как практикующий журналист-фрилансер, занимается поиском вакансий регулярно) добавим, что редкое издание не выдает тестовое задание соискателю. Поэтому показатель в 4% в данном случае следует отнести к ограничениям исследования при ориентации только на тексты вакансий.

Креативные задачи в медиа

Также было интересно узнать, как отличается креативность в разных типах СМИ (в сетевых, ТВ, радио, печатных и пр.). Однако большинство вакансий (174, или 55%) были в сетевых изданиях. В остальных типах СМИ выборка оказалась слишком мала. Поэтому решено было объединить вакансии на ТВ, радио, в телерадио-

компаниях и медиахолдингах (получено в сумме 104 вакансии), а также проанализировать вакансии в издательствах, признавая, что выборка в 29 вакансий мала, но возможно получить какие-то пилотные данные. Результаты представлены в табл. 1. Также добавлены средние показатели по всем вакансиям для сравнения.

Таблица 1

Креативность по типам СМИ, %

Наименования задач	По всем вакансиям	В сетевых СМИ	На ТВ, радио, в холдингах	В издательствах
Креативное решение проблем	87,90	84,48	92,31	96,55
Креативное письмо	82,17	87,93	68,27	96,55
Генерация идей	67,20	70,69	63,46	62,07
Сторителлинг	52,87	59,20	35,58	75,86
Нестандартное мышление	15,61	15,52	17,31	10,34
Визуализация	10,19	12,64	4,81	6,90
Креативность не упоминается	3,18	4,02	1,92	–

Таким образом, креативность имеет место во всех типах СМИ. Почти всегда от соискателя требуется умение креативно решать проблемы. Также необходимы навыки креативного письма, потребуется умение генерировать идеи. Часто упоминается сторителлинг, хотя в

издательствах данный навык требуется чаще, на ТВ/радио – реже. Визуализацией в СМИ обычно занимаются отдельные специалисты, поэтому неудивительно, что по данному пункту процент во всех типах СМИ невысокий. Нестандартное мышление, к сожалению,

требуется не так часто. Добавим, что это коррелирует с результатами нашего предыдущего исследования, проведенного в августе 2025 г., по итогам которого выяснилось, что большинство сотрудников СМИ должны быть добросовестными исполнителями (в 57% случаев от журналиста в СМИ требуются практичность и добросовестность, а не открытость новым идеям, и в 62% случаев – дисциплинированность и ответственность).

Также было интересно выяснить, от кого требуется больше креативности: от офисных сотрудников или удаленных. (Добавим, что в списке вакансий для анализа было несколько вариантов с гибридным и разъездным форматами работы, но выборка оказалась слишком мала.) Изначально предполагалось, что при удаленной работе высок уровень креативно-

сти, поскольку редкий фрилансер занимается нелюбимым делом, а свобода творчества и возможность для самореализации является одной из значимых причин перехода на фриланс (автор настоящей статьи является постоянным исследователем медиафриланса и удаленной занятости в журналистике). Так, например, почти 95% медиафрилансеров считают, что творческая самореализация имеет место в их жизни (хотя есть и другая статистика: 76% отмечают, что рутины все же больше, чем творчества) [16]. Однако данные цифры являются результатом анализа творческих аспектов именно фриланса, без сравнения с креативностью при офисной занятости, причем на основе субъективной оценки самих журналистов. Сейчас, по итогам анализа текстов вакансий, были получены следующие данные (табл. 2).

Таблица 2

Креативность по формату работы, %

Наименования задач	По всем вакансиям	Удаленно	Офис
Креативное решение проблем	87,90	73,53	91,87
Креативное письмо	82,17	86,76	82,78
Генерация идей	67,20	69,12	66,03
Сторителлинг	52,87	44,12	58,85
Нестандартное мышление	15,61	19,12	13,40
Визуализация	10,19	13,24	8,61
Креативность не упоминается	3,18	4,41	2,39

Таким образом, уровень креативности слабо коррелирует с форматом работы. Единственный пункт, который, возможно, стоит отметить, – это креативное решение проблем. Данный навык несколько чаще требуется при офисной работе, чем удаленной.

Последнее, на чем показалось важным акцентировать внимание, это направление / отдел / вид деятельности соискателя, к примеру, отличается ли креативность редактора, копирайтера и журналиста новостной ленты? При анализе вакансий были отмечены эти направления, но по итогам для анализа оставлены четыре самых популярных (из-за небольшой выборки остальных): новостная журналистика, редактирование, копирайтинг и руководящая работа. Мы разделили редактирование и руководящую работу, предполагая, что редактор – это не всегда руководитель, особенно в эпоху искусственного интеллекта, когда появляется должность так на-

зываемого «нейроредактора» (который правит контент, создаваемый нейросетью). Вместе с тем и руководитель не всегда занимается редактированием – нередко это, в первую очередь, менеджер и администратор. Результаты анализа творческого подхода в разных направлениях медиадеятельности отражены в табл. 3.

В качестве вывода отметим, что в сфере редактирования и новостной журналистики все достаточно стандартно и приближено к средним значениям. Только новостным журналистам значительно реже приходится проявлять нестандартное мышление (здесь снова стоит вспомнить наше предыдущее исследование, подтвердившее высокий процент «добросовестных исполнителей» в СМИ – большинство из них работают именно в новостной журналистике) и заниматься визуализацией (что логично, исходя из обычных функций в данном направлении медиадеятельности).

Таблица 3

Креативность по направлениям работы в СМИ, %

Наименования задач	По всем вакансиям	Редактирование	Новостная журналистика	Копирайтинг	Руководящая работа
Креативное решение проблем	87,90	81,03	84,52	97,22	100,0
Креативное письмо	82,17	79,31	83,93	100,0	75,86
Генерация идей	67,20	56,90	61,31	91,67	100,0
Сторителлинг	52,87	53,45	47,02	80,56	65,52
Нестандартное мышление	15,61	17,24	4,17	36,11	44,83
Визуализация	10,19	15,52	4,76	25,0	17,24
Креативность не упоминается	3,18	6,9	2,98	–	–

Интересно, что копирайтинг требует намного более креативного подхода. Надо отметить, что на практике такую деятельность, как копирайтинг, обычно понимают в широком и узком смысле. В первом случае под ним подразумевают создание любого контента и часто путают с рерайтом. В узком смысле речь о создании продающих текстов, и этим часто занимаются профессионалы высокого уровня, нередко с экономическим образованием. Однако анализ демонстрирует, что бытовое, широкое понимание копирайтинга неактуально в работе специалиста по кадрам, размещающего вакансии. Согласно проанализированным текстам вакансий, копирайтер – это специалист, которому требуется очень высокий уровень креативности по всем обозначенным в настоящей статье пунктам.

На руководящих должностях повышается необходимый уровень креативности в плане генерации идей и креативного решения проблем (до 100%). Чаще, чем на других должностях, требуется и нестандартное мышление (однако оно необходимо лишь каждому второму – вероятно, потому что это нанятый руководитель, а не владелец собственного медиабизнеса).

Заключение

Подытоживая проведенное исследование, отметим главное: журналистика остается творческой профессией, и креативный подход редакции ожидают от соискателей практически в любом издании и на любой должности. Конечно, имеются особенности. Так, например,

нестандартное мышление больше ценится на руководящих должностях и у копирайтеров, чья основная задача – создавать продающие тексты. А вот в новостной журналистике чаще необходимы добросовестные исполнители. Однако креативное решение проблем, навыки креативного письма, сторителлинга и умение генерировать идеи можно считать универсальными задачами в ракурсе креативности в медиа. Хотя необходимость в этих навыках различается: к примеру, если на руководящей работе генерировать идеи важно всегда, то в редактировании или новостной журналистике этот показатель почти вдвое меньше.

С форматом работы креативность коррелирует слабо. Можно отметить только пункт о креативном решении проблем: данный навык немного более востребован в офисе, чем при удаленной работе. Небольшая разница присутствует и в разных типах СМИ. Предсказуемо, что навык сторителлинга и креативного письма несколько выше ценится в издательствах, чем на телевидении или радио. Не сильно востребован навык визуализации, что тоже понятно: в средствах массовой информации для этой функции чаще всего имеется отдельный специалист.

В среднем всего 3% вакансий на рынке медиа не упоминают и не подразумевают необходимость креативного подхода в работе. Это говорит о том, что журналистика – все же больше, чем ремесло или даже профессионализм.

В качестве научной дискуссии добавим, что искусственный интеллект, который, ка-

залось бы, снижает планку креативности, в действительности, на наш взгляд, делает сферу медиакommunikаций и журналистики творческой, как никогда раньше. Несомненно, многие специалисты, которые сейчас занимаются шаблонными задачами (как рерайт или транскрибация), в скором времени потеряют работу, если не переквалифицируются. Однако искусственный интеллект примет на себя все рутинные задачи, оставив журналистам самые креативные, творческие и высокоинтеллектуальные. Будет интересно отслеживать данный процесс в динамике, поэтому мы планируем анализировать исчезновение ряда видов деятельности в медиа – точнее, их переход из категории человеческого труда к машинному.

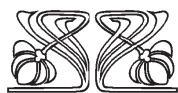
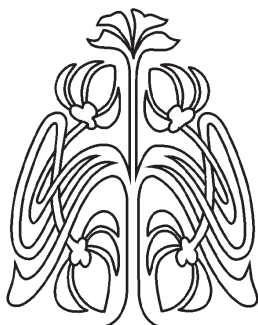
Список литературы

1. Гогина Л. П., Шаманаев Я. С. Реализация творческого потенциала профессиональной деятельности журналиста в медиакommunikационной среде // Коммуникология : электронный научный журнал. 2022. Т. 7, № 4. С. 8–21. EDN: WXCDNU
2. Олешко В. Ф. Журналистика как творчество, или Что нужно делать, чтобы читатели, телезрители, радиослушатели тебя понимали и вступали в диалог : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2002. 189 с. EDN: VFZKUX
3. Троско К. В., Долгина Е. С. Журналистика как род творческой деятельности // Развитие науки и технологий в современной России : сб. материалов XV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 31 мая 2025 г.). М. : Знание-М, 2025. С. 348–352. EDN: APOFOJ
4. Massey B. L., Elmore C. Freelancing in Journalism // Oxford Research Encyclopedia of Communication, 2018. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228613.013.818>
5. Махакова Л. С. Профессиональные компетенции тележурналиста в оценке работодателей: региональные аспекты (на примере Республики Бурятия) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 199–208. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-2-199-208>, EDN: NEDXPX
6. Попова М. Ф. Технологии или творчество: современные медиатренды в дискурсе предпрофессионального журналистского образования абитуриентов УрФУ // Профессиональная культура журналиста в эпоху социальных и технологических трансформаций медиасферы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 23–24 апреля 2020 г.). Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2020. С. 215–217. EDN: LHYUHO
7. Луцинская О. В. Творческая деятельность журналиста в условиях медиаконвергенции // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2020. № 2. С. 94–99. EDN: QJERZH
8. Распопова С. С. Журналистское творчество в эпоху нейросетей // Неофилология. 2024. Т. 10, № 2. С. 442–451. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-2-442-451>, EDN: SEKIDG
9. Ри М. А. Эволюция искусственного интеллекта – реальные и гипотетические социальные угрозы // Социология и право. 2024. Т. 16, № 3. С. 380–390. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2024-3-380-390>, EDN: LHXCHI
10. Лесина М. И. ChatGPT в журналистике: угроза медиасфере или ценный партнер? // Сборник эссе студентов и учащихся школ по итогам международных конкурсов эссе от 10.09.2023. Нижний Новгород : НОО «Профессиональная наука», 2023. С. 12–19. EDN: FNZOII
11. Ершов Ю. М. Вытеснит ли творчество в медиа алгоритмическая журналистика? // Журналистика в поисках моделей развития : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Томск, 25–26 сентября 2024 г.) / отв. ред. И. В. Герасимчук, П. П. Каминский. Томск : Изд-во ТГУ, 2024. С. 150–157. <https://doi.org/10.17223/9785907890312/2024/22>, EDN: CMSLJS
12. Десенко Е. В. Обзор теорий креативности // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф. (Минск, 10–21 мая 2021 г.) : в 3 ч. / редкол. : В. Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. Минск : Изд-во БГУ, 2021. Ч. 2. С. 721–725. EDN: JLBMLI
13. Творчество // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31502> (дата обращения: 17.08.2025).
14. Творить // Толковый словарь Ушакова онлайн. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=76456> (дата обращения: 17.08.2025).
15. Глушенкова М. С. Сущность и генезис понятия «креативность» // Начальная школа: проблемы и перспективы, ценности и инновации : сб. ст. по материалам XIV Всерос. науч.-практ. конф. (Йошкар-Ола, 25 февраля 2022 г.). Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2022. Вып. 14. С. 231–235. EDN: OGIKDI
16. Мухина О. С. Проблемы творческой самореализации медиафрилансеров цифровой эпохи // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 4. С. 813–824. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(4\).813-824](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(4).813-824), EDN: DNKLYY

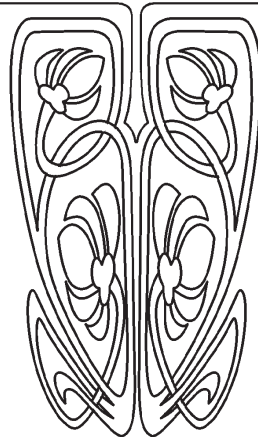
Поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 25.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 25.09.2025; accepted for publication 10.02.2026

ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 228–237

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 228–237

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-228-237>

EDN: WTUZOL

Научная статья

УДК [811.161.1'1:008]:378.091.3

Пространственный код культуры в учебном дискурсе: на материале текстов учебников русского языка

М. В. Суркова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Суркова Мария Васильевна, аспирант кафедры русского языка речевой коммуникации и русского как иностранного, marysinv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-6723-0961>

Аннотация. В статье рассматривается проблема репрезентации пространственного кода культуры в учебном дискурсе. Исследование направлено на выявление особенностей представления пространства в учебниках для носителей языка (5-й и 9-й классы) и для иностранных студентов. Научная новизна обусловлена вкладом исследования в лингвоаксиологию и лингвокультурологию: расширением представлений о механизмах кодирования культурных ценностей в языке, созданием новых подходов к анализу кодов культуры, разработкой методики определения «культуроносных смыслов» у слов. Цель исследования заключается в анализе специфики отражения пространственного кода культуры в учебных материалах под углом зрения национально-культурной принадлежности адресата и целей обучения. В ходе исследования проведен комплексный анализ лексико-семантических групп существительных из текстов упражнений учебников, обозначающих пространство, с выделением культурно значимых элементов на основе семантических оппозиций «свое/чужое», «узость/широта», «ограниченность/неограниченность». Особое внимание уделяется выявлению грамматических и синтагматических показателей, указывающих на культурную маркированность пространственных понятий. Анализ показал, что оба учебника содержат слова, вербализующие пространственный код культуры как универсальный для представителей большинства культур. В текстах учебника русского как иностранного подчеркнута индивидуалистическая ценность «своего» пространства, фокус внимания смещен с духовно-нравственной стороны жизни на описание быта и материально-коммерческих отношений, отражающих ценности современного общества потребления. В учебнике родного русского языка важное место занимает вербализация национально-специфичного, исторически сложившегося представления русских людей о пространстве, которое формирует ценностную картину мира.

Ключевые слова: пространственный код культуры, пространственная семантика, учебный дискурс, русская языковая картина мира, лингвоаксиологический анализ, фактор адресата

Для цитирования: Суркова М. В. Пространственный код культуры в учебном дискурсе: на материале текстов учебников русского языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 228–237. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-228-237>, EDN: WTUZOL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Cultural spatial coding in educational discourse: A cross-examination of the Russian language textbooks

M. V. Surkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria V. Surkova, marysinv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-6723-0961>

Abstract. The article examines the problem of how the spatial code of culture is represented in educational discourse. The study aims to identify specific features of space representation in textbooks for native speakers (grades 5 and 9) and for foreign students. The scientific novelty is determined by the research contributing to linguoaxiology and linguoculturology: expanding the understanding of the mechanisms for encoding cultural values in language, creating new approaches to the analysis of cultural codes, and developing a methodology for identifying “culture-bearing meanings” in words. The research objective is to analyze the specific traits of reflecting the spatial code of culture in educational materials intended for recipients with different national and cultural backgrounds. In the course of the research a comprehensive analysis of lexico-semantic groups of nouns from textbook exercise texts denoting space was conducted, with the identification of culturally significant elements based on the semantic oppositions of “own/alien”, “center/periphery”, “narrowness/breadth”, “boundedness/unboundedness”. Particular attention is paid to identifying grammatical and syntagmatic indicators pointing to the cultural marking of spatial concepts. The analysis revealed that both textbooks contain words verbalizing the spatial code of culture as universal for the representatives of most cultures. In the Russian as a foreign language textbook texts, the individualistic value of “one’s own” space is emphasized, with the focus shifting from the spiritual and moral aspects of life to describing everyday life and material-commercial relations reflecting the values of modern consumer society. In the native Russian language textbook, an important place is occupied by the verbalization of the nationally specific, historically formed Russian people’s idea of space, which shapes the value-based worldview.

Keywords: spatial code of culture, spatial semantics, educational discourse, Russian linguistic worldview, linguoaxological analysis, addressee factor

For citation: Surkova M. V. Cultural spatial coding in educational discourse: A cross-examination of the Russian language textbooks. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 228–237 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-228-237>, EDN: WTUZOL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Фокус внимания современной лингвистики в связи со становлением на рубеже XX и XXI вв. антропоцентрической парадигмы сосредоточен на человеке. Как писал Ю. С. Лотман, культуру следует понимать как «ненаследственную память коллектива, выражающуюся в определенной системе запретов и предписаний <...> культура по определению есть социальное явление» [1, с. 487]. Семиотический подход к пониманию культуры предполагает, что она представляет собой совокупность символов, которые служат для передачи информации, трансляции и порождения идей, ценностей и смыслов, аксиологический подход выводит на передний план ценности, которые определяют деятельность и развитие человеческого общества. Лингвокультурологию и лингвоаксиологию сближает то, что, с одной стороны, язык воспринимается в этих науках «как система тел знаков для языка культуры» [2, с. 92] (т. е. средствами естественного языка передается культурно значимая информация (см. подробнее об этом работу В. Н. Телия [3]), с другой стороны, язык отражает ценности языкового коллектива, поскольку культура – «совокупность способов

творческой деятельности личности в области материального и духовного производства; способы распределения и потребления материальных и духовных ценностей, достижения в области организации общественных взаимоотношений, способствующие прогрессивному развитию человечества» [4, с. 13].

Как отмечает С. Г. Воркачев, «попадая в фокус языкового толкования, символ в узком понимании как образ, отправляющий к какой-либо абстракции, приобретает трехуровневую структуру: план содержания имени, номинирующего образ, сам превращается в план выражения чего-то, стоящего за этим образом» [5, с. 133]. «Тем самым, человеческий язык также существует в культуре, во взаимодействии с системами культуры, ее знаками и смыслами; языковой знак отражает действительность и концептуализирует, “схватывает” мир через призму “окультуренного” (по В. Н. Телия) мировидения» [6, с. 181]. Чаще других знаков символами культурно значимых понятий и явлений становятся слова естественного языка, поэтому Д. Б. Гудков называет вербальный код культуры, выделенный по субстанциональному признаку, базовым для лингвокультурологии [7, с. 26].

В данном исследовании мы исходим из определения кода культуры, сформулированного В. Н. Телия: «Код культуры – таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума во входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [8, с. 20–21].

Не каждое употребление слова выполняет символическую функцию, в процессе коммуникации только некоторые слова, соотносимые или ассоциируемые с культурно значимыми реалиями, обретают «культурноносные смыслы» [9, с. 132], формируют «культурные коннотации», которые представляют собой «инструмент для изучения этого взаимодействия в определенные периоды или эпохи жизни народа, оказавшие заметное воздействие на формирование его ментальности» [10, с. 146], что позволяет считать их вербализованным воплощением кодов культуры.

Общепринятым считается мнение о том, что коды культуры наиболее системно отражаются во фразеологизмах, пословицах, поговорках и под. (см. об этом: [6, 8, 9]). В предлагаемой статье мы исходим из того, что слова способны становиться вербальным воплощением кодов культуры не только во фразеологических или метафорических контекстах, но и в «невывраженных», при наличии у слова выраженной в синтагматике (на уровне, например, словосочетательных связей) оценочности, поскольку код культуры – своего рода «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [11, с. 297–310].

В данной статье предлагается расширить перечень языковых примет, которые могут сигнализировать о том, что слово в определенном контексте функционирует как код культуры. Это, например, сочетающиеся с этим словом временные формы глагола (прежде всего настоящего постоянного гномического времени), синтаксические структуры со значением тождества и характеристики, поскольку они, по сути, представляют собой оценочные суждения и появляются «в различных высказываниях общественного характера, несущего мудрость человечества <...> содержат ярко выраженный

генерализованный субъект (чаще всего одушевленный), обычно он усечен или употреблен без детерминативов» [12, с. 119]. Мы также разделяем точку зрения М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудкова в том, что «языковой знак может обозначать объект, уже обладающий культурной семантикой, на том основании, что данный объект (культурный предмет, идеальный конструкт) принадлежит предметной области культуры и срединен с ценностно-значимой информацией...» [6, с. 183]. К таким языковым знакам, на наш взгляд, можно отнести слова *Родина*, *блокадник*, *герой*, *война* и под.

Изучению пространственной семантики и пространственного кода культуры посвящены работы таких исследователей, как О. В. Мякшева [13], О. Г. Згировская [14], В. В. Воробьев, Ф. Г. Фаткуллина, Ш. Ю. Кужугет [15] и др. В. В. Красных пишет о том, что пространственный код связан с членением пространства и относится к базовым [16, с. 8]. О. В. Мякшева отмечает: «Категория пространства относится к основным объективным категориям существования человека и действительности. Ее осознание и языковая интерпретация жестко детерминированы “земными” реалиями, а среда использования языка влияет на сферу деятельности человека» [13, с. 73]. О. Г. Згировская обращает внимание на связь пространственного кода с предметным («т.к. предметы становятся символами тех или иных пространственных объектов» [14, с. 186]) и соматическим («поскольку восприятие пространства часто выражается в антропоморфных метафорах с помощью соматизмов» [14, с. 183]).

Как отмечают В. В. Воробьев, Ф. Г. Фаткуллина, Ш. Ю. Кужугет, выявление способов репрезентации пространственного кода культуры и его лингвокультурологическое описание «демонстрируют культурную динамику и ее отражение в языке – дефиниция культурного пространственного кода объединяет не просто «классическое» определение кода культуры (В. В. Красных, М. В. Пименова, Д. Б. Гудков), но и, как показывает сопоставление семиотических оппозиций *близко/далеко*, *свой/чужой*, *верх/низ* <...>, также метафоризацию как один из значимых когнитивных механизмов» [15, с. 166].

О. П. Ермакова в качестве основной формы вербализации пространственного кода культуры выделяет метафору: «В пространственных метафорах отражаются в русском языке важнейшие фрагменты картины мира: жизнь,

смерть, судьба, общество с его социальной иерархией, нравственные понятия, качественные и количественные характеристики» [17, с. 289]. В. И. Поречная, анализируя лексемы с пространственной семантикой в заголовках текстов политического дискурса, говорит о том, что, хотя метафора в этом отношении наиболее репрезентативна, «к результату когнитивного процесса метафоризации относится и ряд иных тропов (метонимия, литота, синекдоха, олицетворение и др.)» [18, с. 187].

Антропоцентризм данного исследования предполагает учет фактора адресата, поскольку он является важным в учебном дискурсе: именно от того, учтен он или нет, зависит успешность восприятия текста, стиль которого определяется тем, «кому адресовано высказывание, как говорящий (или пишущий) представляет себе своих адресатов...» [19, с. 291] (о речи как об «адресованном поведении» см. работу Н. Д. Арутюновой [20]).

Очевидно, что учебники родного русского языка (далее – РРЯ) рассчитаны на обучающихся средней школы, для которых русский язык является родным. Предполагается, что школьники имеют достаточный уровень владения языком и способны к восприятию адаптированного с учетом их возрастной группы, но не адаптированного с точки зрения культурологического содержания художественного или публицистического текста.

В статье, посвященной изучению образа России в учебниках русского языка и русского языка как иностранного [21], отмечается, что студент, не знакомый с русской культурой, не имеет такого историко-культурного опыта, как носитель языка, и на базе учебных текстов формирует свое представление о стране, национальный язык которой изучает, в связи с чем учебные тексты должны быть направлены на формирование положительного образа этой страны [21, с. 247].

Актуальность исследования обусловлена осмыслением с точки зрения антропологической парадигмы лингвоаксиологических аспектов пространственных представлений в учебном дискурсе с учетом фактора адресата.

Цель исследования – выявить специфику репрезентации пространственного кода культуры в учебниках РРЯ для 5-го и 9-го классов и в учебниках РКИ под углом зрения национально-культурной принадлежности адресата и целей обучения.

Научная новизна заключается во вкладе исследования в лингвоаксиологию и лингвокультурологию: расширении представлений о механизмах кодирования культурных ценностей в языке, создании новых подходов к анализу кодов культуры.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты из учебников родного русского языка для 5-го и 9-го классов (далее – РРЯ5 [22] и РРЯ9 [23]); учебники русского как иностранного «Поехали!» (далее – РКИ1 [24]), «Точка ру» (далее – РКИ2.1 [25], РКИ2.2 [26]), «Я люблю русский язык» (далее – РКИ3 [27]).

Очевидным представляется качественное отличие текстов из учебников РРЯ и РКИ. Учебники РРЯ содержат преимущественно тексты, написанные мастерами слова (писателями-классиками и русскими учеными-лингвистами), которые, будучи носителями элитарного (полнофункционального) типа речевой культуры (см. об этом: [28]) и владея информацией о достижениях мировой и национальной культуры [29, с. 23], в своих текстах отражают, в первую очередь, национальные ценности русского человека. В связи с тем, что тексты для учебников РКИ написаны их авторами, субъективное представление о мире их составителей обуславливает специфику репрезентации культурных кодов в данных текстах. Правомерность сравнения таких разных по качеству текстов из анализируемых учебников объясняется их общей задачей – создавать образ России.

Для распределения слов по ЛСГ применяются семантический, таксономический методы анализа; контекстно-сопоставительный метод, методы контрастной лингвистики; лингвокультурологический и дискурсивный методы анализа используются при выявлении этнокультурной специфики изучаемых контекстов.

На первом этапе исследования из имен существительных, отобранных методом сплошной выборки из текстов учебников РРЯ и РКИ, были сформированы ЛСГ с опорой на Семантический словарь русского языка [30], затем из них выделены ЛСГ, элементы которых называют некоторое пространство и гипотетически могут быть соотнесены с пространственным кодом культуры. На втором этапе на основе грамматических и синтагматических характеристик высказываний с именами пространств были вы-

делены контексты, в которых номинации пространства являются вербальным воплощением пространственного кода культуры. На третьем этапе осуществлен контекстно-сопоставительный анализ текстов из учебников РРЯ5, РРЯ9 и РКИ1, РКИ2, РКИ3 в рамках семантических оппозиций «свое/чужое», «узость/широта», «ограниченность/неограниченность». В данной статье представлены результаты третьего этапа анализа.

Результаты

Семантическая оппозиция «свое/чужое» пространство

Противопоставление «своего» и «чужого» пространства «пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [31, с. 126]. Е. С. Еремкина отмечает, что анализ работ, посвященных изучению оппозиции «свой/чужой», позволяет сделать вывод об ее универсальности, многоплановости, способности к реализации различными знаками культуры, в том числе и языковыми [32, с. 60].

Семантическая оппозиция «свое/чужое» пространство в учебниках РРЯ вербализована в ЛСГ «Населенные пункты» («свое» пространство: РРЯ5 – *родина, отечество*; РРЯ9 – *родина, отечество, отчизна*; «чужое» пространство: РРЯ9 – *заграница, граница, чужбина*), в учебниках РРЯ и РКИ в ЛСГ «Жилые постройки человека, помещения в них, их части» (РРЯ и РКИ свое пространство – *дом*; РРЯ5 и РРЯ9 – *избушка, терем*).

В учебниках РРЯ и РКИ содержатся и номинации пространства, не конкретизированного как «свое/чужое»: *город, государство* и под. Их употребление не связано с вербализацией кода культуры, слова выражают свое основное языковое значение, ценностные характеристики не выражены.

Номинации, называющие «свое» пространство, в учебниках РРЯ системно отражают пространственный код культуры, что подтверждается использованием в предложениях настоящего постоянного (гномического) времени и синтаксических конструкций со значением тождества: *Отечество – земля отцов* (конструкция со значением характеристики) как символ *животворности места, жизнеспособности рода (родина)* и права народа на

наследственное владение (отчизна). *Отечество – свой край* (конструкция со значением тождества), *где нет чужих* (ср.: *чужбина*); *отечество дает* (настоящее гномическое время) *силу и питает* (настоящее гномическое время), *при этом само нуждается в защите от врагов* (РРЯ9). «Свое» пространство оказывает исключительно положительное влияние на человека (это «символ животворности места», оно «дает силу и питает»).

Понятие о «своем» пространстве в учебниках РРЯ не напрямую соотносится с географическими границами населенного пункта или государства, его границы – это границы человеческой памяти об эмоционально значимых для человека местах и событиях, делающих их таковыми: *Родина складывается* (настоящее гномическое время) *из конкретных и зримых вещей: изб, деревень, рек, песен, сказок, живописных и архитектурных красот*. *Родина – это не очертание на карте* (конструкция со значением тождества), *лежащее в железных обручах меридианов, как выразился один поэт, но, может быть, скорее, это береза под окном* (конструкция со значением тождества), *по выражению того же поэта* (РРЯ5).

В текстах из учебников РКИ интересным представляется тот факт, что отношение к дому соотносится с характером человека: (о Водолее как знаке зодиака – М. С.) *Хочет идти своей дорогой в жизни. Домашняя жизнь хаотичная, часто меняет дома* (РКИ1). В синтагматике выражена положительная оценка дома: *Моя семья живет в солнечной Барселоне, в небольшом уютном доме с бассейном* (РКИ 2.1). Подчеркивается, что наличие собственного дома приносит человеку счастье и эмоциональный комфорт: *Мне очень нравится жить в собственном доме, я очень счастлив!* (РКИ3); *Но я хочу сказать, что теперь праздник для меня – это тихий вечер дома* (конструкция со значением тождества), *когда мне не нужно никому дарить подарки и никого поздравлять* (РКИ3).

Безусловно, каждый человек в «своем» пространстве ощущает себя максимально комфортно и безопасно, для русского человека дом – это безопасное место, где всегда можно найти понимание и поддержку, в связи с чем именно в «своем» пространстве русские люди готовы раскрыться и поделиться частью своего внутреннего мира: *И если ты мало знаешь русских, ты начинаешь думать, что они недружелюбные, и ты им не нравишься. Но когда ты*

приходишь (настоящее гномическое время) **к человеку в дом, ты видишь** (настоящее гномическое время), **что он совсем другой: открытый, веселый и очень гостеприимный** (конструкция со значением характеристики) (РКИЗ).

«Чужому» пространству в учебниках соответствуют следующие слова: РРЯ9 – *заграница, граница, чужбина*; РКИ1, РКИЗ – *заграница*.

В текстах из учебника РРЯ9 национальная самоидентификация русского человека в «чужом» пространстве представлена как предмет гордости: *Вот спросят меня за границей, кто я? Отвечу – русский* (РРЯ9). В анализируемом контексте пунктуационное оформление предложения, содержащего ответ, подчеркивает скорую смену событий, т. е. ответ произносится тут же, без лишних раздумий. Следующий контекст из РРЯ9 иллюстрирует, что оценка извне менее важна для русского человека, чем оценка соотечественников: *Пускай наших пейзажистов не знает заграница. Чтобы не проходить мимо Серова, надо быть русским* (сост. именное сказуемое, включающее в себя категорию состояния со значением долженствования) (РРЯ9).

В РКИЗ в речи россиянина подчеркнуто, что «свое» пространство не хуже, а лучше чужого: *Я вас совсем не понимаю. Зачем нужно тратить много денег на отдых за границей, если можно прекрасно отдыхать и в своей стране, как это делаю я?!* (РКИЗ). Анализируемый отрывок взят из диалога жителей разных

стран, в котором жители Швеции и Польши делятся своими впечатлениями о зарубежных поездках, а русский человек рассказывает об отдыхе в Карелии.

Совершенно другой образ «чужого» пространства у русского человека создается в учебнике РКИ1, где «чужое» пространство показано как место, к которому русский человек стремится, куда вкладывает деньги: *Богатые россияне тратят* (настоящее гномическое время) *большие деньги на дорогие часы и автомобили, роскошные дома в России и за границей. Часто они готовы много заплатить за образование детей за границей или за иностранный «паспорт инвестора»* (РКИ1).

На периферии оппозиции «свое/чужое» находятся ЛСГ, элементы которых называют пространство, которое может восприниматься как «свое» или «чужое» в зависимости от образа жизни человека, его мировоззрения, социального положения. К таким ЛСГ относятся в учебниках в РРЯ и РКИ «Учебные заведения, учреждения науки», «Учреждения, связанные со сферой культуры», «Постройки и учреждения религии», «Учреждения торговли и общественного питания»; только в учебниках РКИ – «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха». Так как отношение человека к элементам данных ЛСГ характеризует его внутренний мир, сопоставим частотность элементов этих ЛСГ (таблица).

Частотность номинаций, входящих в ЛСГ «Учебные заведения, учреждения науки», «Учреждения, связанные со сферой культуры», «Постройки и учреждения религии»; только в учебниках РКИ – «Учреждения торговли и общественного питания», «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха»

Лексико-семантическая группа	РКИ1	РКИ2	РКИЗ	РРЯ5	РРЯ9
Учебные заведения, учреждения науки	31	69	78	16	10
Учреждения, связанные со сферой культуры	28	25	29	6	9
Постройки и учреждения религии	6	3	10	1	3
Учреждения торговли и общественного питания	26	46	53	2	4
Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха	5	9	34	0	0

Анализ частотности показал, что в учебниках РКИ все перечисленные ЛСГ значительно более частотны, чем в учебниках РРЯ. Обратим внимание на то, что в РКИ2 и РКИЗ ЛСГ «Учебные заведения, учреждения науки» имеет частотность выше более чем в 2 раза по сравнению с РКИ1. При этом частотность ЛСГ «Учреждения и помещения сферы развлечений

и отдыха» в РКИЗ в 3 раза выше, чем в РКИ1 и РКИ2. Рассмотрим некоторые контексты из учебников РРЯ и РКИ, чтобы проследить разницу в восприятии различных номинаций.

Элементы ЛСГ «Учебные заведения, учреждения науки» в учебниках РРЯ имеют низкую частотность, однако их употребление связано с выражением кодов культуры, нередко эти

номинации используются в расширительном, метафорическом значении (Пространственный и биоморфный коды культуры: **Зеленые патрули создаются** (настоящее гномическое время) **в школах, оздоровительных лагерях, высших учебных заведениях, чтобы бороться с нарушителями законов об охране природы, принимать активное участие в озеленении городов и поселков, распространять знания о значении природы в жизни людей** (РРЯ5); пространственный и духовный коды культуры: **Родная земля – это первая школа мужества, находчивости, пытливости** (констр. со значением тождества) (РРЯ9); пространственный и интеллектуальный коды культуры: **Подросток идет** (настоящее гномическое время) **в школу. Юноша шагает** (настоящее гномическое время) **в институт или в университет. Целое море слов, шумный океан речи подхватывает его там, за широкими дверями** (РРЯ5).

В учебниках РКИ номинации, входящие в данную ЛСГ, частотны, но не связаны с воплощением мировоззренческих констант и, что представляется неожиданным, в РКИ1 используются в контекстах, формирующих негативный образ этих учреждений вообще и России в частности: **Или взять, например, школу: только 3% детей ходят туда с удовольствием, но ходить туда должны все** (РКИ1); **Раньше здесь были советские институты, и даже институт Андрея Сахарова. Может быть, атомную бомбу делали? В Суриковском институте в Москве просто ужас** (РКИ1). В РКИ2 видим нейтральные контексты: **После 9-го класса ученики могут продолжать учиться в средней школе еще два года или пойти в техникум/училище/колледж** (РКИ2.1). В РКИ3 находим упоминание о выдающемся русском режиссере Андрее Тарковском, в данном контексте, кстати, неуместно употреблено разговорное слово **девушка**, что противоречит нормам русского литературного языка: **В 1954 году Андрей поехал в Москву, потому что хотел учиться там. Когда Тарковский учился в университете «ВГИК», он познакомился с девушкой, которую звали Ирма Рауш** (РКИ3).

Высокая частотность в учебниках РКИ ЛСГ «Учреждения торговли и общественного питания» и само наличие ЛСГ «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха» объясняются одной из задач изучения языка как иностранного – обеспечением освоения навыка ориентации в пространстве. Однако

анализ контекстов, в которых используются номинации из названных ЛСГ, и состав ЛСГ «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха», в которую входят такие слова, как **ночной клуб, казино, баня**, приводят нас к мысли о том, что с их помощью создается образ России как общества потребления, в котором товарно-рыночные отношения важнее, чем человеческие, а финансовое состояние человека выступает в качестве мерила его успеха. В РКИ1 находим контекст, где подчеркивается бедность русских людей: **Большинство бедных людей рабочие и пенсионеры, деревенские жители и мигранты, работающие на стройках, в магазинах или убирающие улицы в городах. Удивительно, что среди бедных есть учителя и даже врачи** (фрагмент из текста, в котором описывается финансовое и социальное положение граждан России. – М. С.) (РКИ1). Представляется неуместным и использование анекдота про казино, который с высокой долей вероятности может быть неправильно воспринят иностранцем (в России запрещены азартные игры): **– А где наш главный бухгалтер?/ – Он пошел в казино./ – Как?! В рабочее время?/ – Да, это его последний шанс сдать годовой баланс** (РКИ1). В РКИ2 и РКИ3 содержится большое количество нейтральных контекстов, в которых упоминаются учреждения торговли и места отдыха при описании повседневных занятий.

В учебниках РКИ нередко слова из ЛСГ «Учреждения религии» и «Учреждения и помещения сферы развлечений и отдыха» употребляются в одном контексте, что неправомерно сближает духовную сферу, потребительские интересы и отдых в ночном клубе: **Перед нашим сумасшедшим домом ночной клуб с необычной программой, а за нашим домом – монастырь с церковью. Это самый необычный дом между небом и землей!** (РКИ1); **Там так много рынков, кафе, ресторанов и магазинов! Я купила несколько ваз и картин. А еще мы посетили несколько храмов и монастырей** (описание Тайланда. – М. С.) (РКИ3).

В учебниках РРЯ, напротив, пространственные номинации из сферы религии находятся в одном синтагматическом ряду с другими духовными достояниями: **Ты можешь быть химиком, электриком, партийным работником, футболистом, писателем, генералом, но если ты русский человек, ты обязан знать, что такое «Слово о полку Игореве», церковь Покрова на Нерли, Куликовская битва, рублевская «Троица»,**

Кирилло-Белозерский монастырь, Крутицкий терем, устюжская чернь, вологодское кружево, **Киж**, **Остромирово евангелие**, **Владимирская Божья Матерь** (РРЯ9). Номинации, называющие места торговли также употребляются в тесной связи с культурой: слово *лавка* в РРЯ9 упоминается в контексте, где описывается ассоциативный ряд предметов, связанных с А. С. Пушкиным: *Под ними я прочитал: «Пушкин». Это «П», похожее на наши ворота, было точно такое же, как и толстое золотое «П» на мясной лавке, и все буквы были те же: я только что выучился читать по вывескам. <...> Потом «Пушкин» связался во мне с зимой, со снегом на нашем дворе, с сарайчиком, где стояли мои лубяные салазки, с собачкой «Цыганкой».*

Семантические оппозиции «узость/широта» и «ограниченность/неограниченность»

В учебниках РРЯ и РКИ пространственный код культуры в аспекте семантических оппозиций «узость/широта» и «ограниченность/неограниченность» вербализован элементами ЛСГ «Пространство, место» (РРЯ9: *местечко*; РРЯ5: *угол, уголок*; РКИЗ: *уголок*), «Характеристики пространства и времени» (РРЯ5: *широта, величина, глубина*; РРЯ9: *простор, ширь*; РКИ1: *ширина*).

Анализ ЛСГ, содержащих номинации пространств, дифференцированных по «узости/широте» и «ограниченности/неограниченности», показал, что семантика ограниченности (узости) пространства пересекается с семантикой периферийности, отдаленности от центра (в РРЯ9: *местечко*; РРЯ5: *угол, уголок*; РКИЗ: *уголок*), при этом семантика неограниченности (широты) автономна (РРЯ9: *простор, ширь*; РРЯ5: *широта, величина, глубина*; РКИ1: *ширина*).

Среди слов, именующих узкое/ограниченное пространство, только слово *уголок* соотносится с кодом культуры, поскольку слово *угол* употребляется в своем основном значении, не имеет выраженной оценочности, не иллюстрирует ценности: *Нет, у меня даже кухни нет. Есть только угол, где стоят плита и холодильник* (РКИ2.1). В РКИЗ и РРЯ5 слово *уголок* обладает положительной оценочностью, которая выражена через уменьшительно-ласкательный суффикс *-ок-*, слово *уголок* употребляется в контексте с синтаксической конструкцией характеристики, где подчеркнута уникальность называемого места, его быта и традиций: *Замо-*

скворечье – необыкновенный район (констр. со значением характеристики)! *Это уголок старой Москвы с узкими пешеходными улочками, невысокими домами, великолепными храмами и церквями* (РКИЗ). *Кружева плели во многих уголках России – в Ельце и Рязани, Вятке и Мценске... Местные мастерицы создавали свой, особый вид кружевных узоров* (РРЯ5). В контекстах из РРЯ5 и РРЯ9 семантика отдаленности, сочетающаяся с семантикой ограниченности, подчеркивает широту России, так как отмечается, что представители съехались из всех уголков (т. е. этих «уголков» много и находятся они на большом расстоянии друг от друга): *А как, по-вашему, правильно: «Съехались представители (из всех – со всех) уголков нашей страны»?* (РРЯ9).

В учебниках РРЯ5 и РРЯ9 широта русских просторов и размах мероприятий соотносятся с широтой души (эту связь отмечали такие исследователи, как А. Д. Шмелев [33], Н. Л. Шамне, М. В. Макарова [34] и др.): *Россия одарила нас бескрайними просторами, ширью уходящих равнин, вольно пронизываемых взором да ветром, зовущих в легкий, далекий путь. И просторы эти раскрыли наши души и дали им ширину, вольность и легкость, каких нет у других народов. Русскому духу присуща духовная свобода, внутренняя ширь* (конструкция со значением характеристики), *осязание неизведанных, небывалых возможностей* (РРЯ9); *Слоган зимней Олимпиады-2014 в Сочи раскрывает широту национального характера россиян, он адресован каждому человеку, близок и понятен ему* (РРЯ5).

Слова *величина* и *глубина* в РРЯ5 и РРЯ9 не являются выразителями кодов культуры: *Потом пулей вылетела из них, легонько задев мои пальцы хвостом, и пропала в темно-зеленой глубине* (РРЯ5); *Высоко-высоко, в сереньком, чуть размытом над далеким Енисеем небе различил две мерцающие звездочки, величиной с семечко таежного цветка майника* (РРЯ9).

Семантика широты и неограниченности в учебниках РКИ не соотносится с вербальным воплощением пространственного кода культуры, слова функционируют в основных значениях: *Американский инженер-миллионер Норман Никсон начинает строить «Корабль Свободы» – самый большой в мире корабль, мобильный город, длина которого будет более километра, ширина – 300 метров, вес – 2 700 000 тонн* (РКИ1).

Заключение

Анализ ЛСГ предметной лексики, вербализующей пространственный код культуры в аспекте оппозиции «свое/чужое» пространство, «ограниченность/неограниченность», «узость/широта» пространства из учебников русского языка как родного и иностранного, показал, что пространственный код культуры выражает как общечеловеческие, универсальные ценности, так и национальные ценности русской культуры. Специфика функционирования слов, вербализующих код культуры, грамматически выражена в синтаксических конструкциях со значением тождества и характеристики, в использовании глаголов в форме настоящего постоянного (гномического) времени, такие слова имеют выраженную положительную или отрицательную оценочность.

Пространственный код культуры в учебниках РРЯ и РКИ в рамках оппозиции «свое/чужое» пространство вербализован в словах: *дом, заграница*. К словам, которые воплощают национальные ценности русской культуры в рамках оппозиции «свое/чужое» пространство, относятся *родина, отечество, отчизна*. Эти слова используются только в учебниках РРЯ, они являются национально маркированными и транслируют специфическое представление русского человека: родное пространство – источник силы и величайшая ценность, отчизну принято защищать, ею принято гордиться.

В учебниках РКИ в качестве «своего» пространства выступает *дом*, представление о нем в рамках пространственного кода культуры носит универсальный характер (*уютный, собственный, тихий*). В РРЯ отражено более широкое понимание «своего» пространства, связанное с такими ключевыми словами русской культуры, как коллективность и соборность.

«Чужому» пространству соответствуют слова *заграница, граница, чужбина*. Согласно результатам исследования контекстов из учебников РРЯ, для носителей русской культуры мнение соотечественников в вопросах искусства является более значимым, чем внешняя оценка. Национальная самоидентификация русского человека в «чужом» пространстве носит принципиальный характер: тем, что ты русский, люди гордятся.

В учебниках РКИ фокус внимания смещен с духовно-нравственной стороны жизни на описание быта и материально-коммерческих от-

ношений, отражающих ценности современного общества потребления. Высокая частотность лексики, называющей общественные места (*театр, школа, кино, кафе, церковь*), может быть объяснена одной из задач курса изучения русского языка как иностранного – развитием умения ориентироваться в окружающем пространстве, однако контексты их употребления и наличие таких слов, как *казино* и *ночной клуб*, все же вызывают вопросы.

В рамках оппозиций «широта/узость» и «ограниченность/неограниченность» пространств слово *уголок* в учебниках РРЯ и РКИ выступает как воплощение пространственного кода культуры. Семантика «узости» и «ограниченности» соотносится с положительной оценочностью. Системно выражено пересечение семантики «ограниченности» и «отдаленности», в контекстах подчеркнута уникальность отдаленных небольших населенных пунктов. Национально специфичные для русской культуры характеристики «узости» пространств не выявлены.

В учебниках РРЯ «широта» и «неограниченность» пространств (*простор, широта, ширина*) соотносится с шириной человеческой души. Такое представление является национально специфичным, свойственным русской культуре. В учебниках РКИ слово *ширина* не выступает в качестве вербального воплощения кода культуры.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.
2. Красных В. В. Роль и функции языка как объекта современных интегративных исследований (психолингвистический, лингвокультурологический, психолингвокультурологический и комплексный общегуманитарный подходы) // Вопросы психолингвистики. 2015. № 24. С. 90–97. EDN: TXIXAL
3. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. С. 776–782.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология (Теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та Дружбы народов, 1997. 331 с.
5. Воркачев С. Г. Вербализация символа: блазонирование в государственной геральдике постсоветских республик // Жанры речи, 2022. Т. 17, № 2 (34). С. 133–139. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-2-34-133-139>, EDN: RALENK

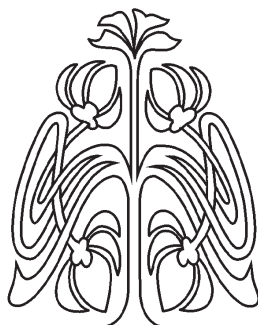

6. Ковшова М. Л., Губков Д. Б. Культурная семантика языковых знаков: теория и эксперимент // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 181–189. https://doi.org/10.52452/19931778_2024_4_181, EDN: JYBMRW
7. Гудков Д. Б. Коды русской культуры: проблемы описания // Мир русского слова. 2005. № 1–2. С. 25–30. EDN: JLBXDDQ
8. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. 336 с.
9. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис, 2016. 496 с.
10. Телия В. Н., Опарина Е. О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. № 1 (56). С. 145–148. EDN: NCWNVX
11. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.
12. Гуценко С. К. Функциональные типы широкого настоящего // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 118–122. EDN: TUDTWW
13. Мякишева О. В. Пространственная семантика и ее роль в создании газетного текста // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). С. 73–83. EDN: YHCWXB
14. Згировская О. Г. Рациональное и эмоциональное в пространственном коде русской культуры // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019 : сб. тр. Междунар. науч. конф., посвященной памяти профессора П. А. Леканта (Москва, 19 ноября 2019 г.) / редкол. : Н. Б. Самсонов [и др.]. М. : ИИУ МГОУ, 2019. С. 183–186. EDN: UXITYA
15. Воробьев В. В., Фаткуллина Ф. Г., Кужугет Ш. Ю. Лингвокультурологическое описание пространственного кода культуры (на материале русского и тувинского языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 4. С. 153–170 <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.11>, EDN: EWHQRH
16. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М. : Гнозис, 2001. 269 с.
17. Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 289–299.
18. Поречная В. И. Исследование особенностей репрезентации пространственного кода культуры в политическом дискурсе (на материале заголовков статей журнала «Коммерсант Власть») // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 1 (17). С. 185–194. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-1-185-194>, EDN: UPVLMY
19. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 444 с.
20. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
21. Мякишева О. В., Суркова М. В. Образ России в учебниках русского языка // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 3 (39). С. 245–251. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-245-251>, EDN: DMMRFD.
22. Русский родной язык. 5 класс : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / [О. М. Александрова и др.]. 3-е изд. М. : Просвещение, 2019. 176 с.
23. Русский родной язык. 9 класс : учеб. пособие для общеобразоват. организаций / [О. М. Александрова и др.]. М. : Просвещение, 2018. 128 с.
24. Поехали! Русский язык для взрослых. Базовый курс : учебник. Часть 2.2. 8-е изд., испр. и доп. СПб. : Златоуст, 2020. 200 с.
25. Долматова О. А., Новачац Е. М. Точка Ру А2, часть 1. М. : Перо, 2019. 148 с.
26. Долматова О. А., Новачац Е. М. Точка Ру А2, часть 2. М. : Бюлер О. А., 2020. 201 с.
27. Я люблю русский язык. Часть 2. Liden and denz, 2017. 190 с.
28. Стернин И. А. К теории речевых культур носителя языка // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 22–29. EDN: LAULGV
29. Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 17–27.
30. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений : в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Ин-т русского языка РАН, 2002. 762 с.
31. Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
32. Еремкина Е. С. Оппозиция «свой – чужой» как универсальная категория сознания // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2022. № 2 (47). С. 56–63. <https://doi.org/10.24412/2227-1384-2022-247-56-63>, EDN: TKSRTL
33. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
34. Шамне Н. Л., Макарова М. В. Лингвокультурные характеристики языковых средств выражения субкатегорий близость / дальность в русском и немецком языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 114–119. EDN: PCAFFR

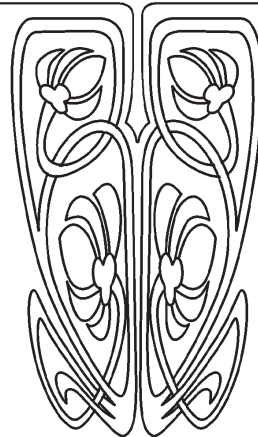
Поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 10.02.2026
 The article was submitted 23.09.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 10.02.2026

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 238–244

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 238–244

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-238-244>

EDN: ZPDSWJ

Информация о конференции
УДК [81'1:005.745](470.44-25)(06)

Международная научная конференция «Язык и общество в синхронии и диахронии»

О. И. Дмитриева , О. Ю. Крючкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дмитриева Ольга Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской филологии на базе ГЭЛ, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4757-8750>

Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Аннотация. В ходе конференции рассматривались актуальные проблемы взаимодействия языка и общества, динамические языковые процессы, вопросы парадигмального состояния современной лингвистики, проблемы ее метаязыка, проблематика и методические подходы в отдельных отраслях языкознания, применение новых методик и инструментов в лингвистических исследованиях. В секции «Стилистическая система языка» рассмотрены особенности стилистического оформления текстов в разных сферах общения. В секции «Особенности литературной разговорной речи и нелитературных форм устного общения» заслушаны доклады, посвященные специфике русской диалектной речи, ее сопоставлению с иными формами коммуникации, использованию разговорных единиц в отдельных субкультурах, проникновению разговорных и нелитературных элементов в публичную и профессиональную речь, в культурные тексты; рассматривались явления интерференции в устной русской речи в ситуациях с иноязычной средой ее бытования. В докладах секции «Жанровая организация устной и письменной речи» анализировались речевые жанры разных коммуникативных сфер. В секции «Языковая репрезентация картины мира» обсуждались вопросы концептуализации и категоризации знаний о мире средствами различных языковых уровней и подсистем, объективация картины мира в разных коммуникативных сферах. В секции «Специфика различных видов институционального и межличностного общения» были представлены доклады, посвященные анализу коммуникативных тактик и стратегий, речевым особенностям публичного и непубличного общения. Секция «Художественная речь» включала доклады о языковой специфике современных и классических художественных текстов. Секция «Корпусная лингвистика» была посвящена проблемам создания и использования в научных целях лингвистических корпусов. На заседаниях научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка» рассмотрены динамические процессы в области словообразования и лексики русского языка в структурном, семантическом, сопоставительном аспектах, теоретические проблемы словообразовательной деривации.

Ключевые слова: научные парадигмы, устная речь, жанры речи, дискурс, языковая картина мира, художественная речь, корпусная лингвистика, словообразование

Для цитирования: Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Международная научная конференция «Язык и общество в синхронии и диахронии» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 238–244. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-238-244>, EDN: ZPDSWJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Conference Proceedings

International scientific conference “Language and Society in Synchrony and Diachrony”

O. I. Dmitrieva , O. Yu. Kryuchkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga I. Dmitrieva, oidmitrieva55@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4757-8750>

Olga Yu. Kryuchkova, vpks@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2814-4095>

Abstract. The conference addressed topical issues of interaction between language and society, dynamic linguistic processes, issues of the paradigmatic state of modern linguistics, problems of its metalanguage, problems and methodological approaches in certain branches of linguistics, the use of new techniques and tools in linguistic research. In the section “Stylistic system of language” the peculiarities of stylistic design of texts in different spheres of communication are considered. The section “Peculiarities of literary colloquial speech and non-literary forms of oral communication” featured reports on the specific nature of the Russian dialect speech, its comparison with other forms of communication, the use of colloquial units in certain subcultures, the penetration of colloquial and non-literary elements into public and professional speech, and cultural texts; the phenomena of interference in Russian speech in situations with a foreign language environment of its existence were considered. The reports of the section “Genre organization of oral and written speech” analyzed speech genres of different communicative spheres. In the section “Linguistic representation of the worldview”, the issues of conceptualization and categorization of knowledge about the world by means of various linguistic levels and subsystems, objectification of the worldview in various communicative spheres were discussed. In the section “Specific characteristics of various types of institutional and interpersonal communication”, reports were presented on the analysis of communicative tactics and strategies, speech features of public and non-public communication. The section “Artistic speech” included reports on the specific linguistic traits of modern and classical literary texts. The “Corpus linguistics” section was devoted to the problems of creating and using linguistic corpora for scientific purposes. Dynamic processes of the Russian language in the field of word formation and vocabulary in structural, semantic, and comparative aspects, as well as theoretical problems of word-formation derivation, were considered at the meetings of the scientific seminar “Development of the word-formation and lexical system of the Russian language”.

Keywords: scientific paradigms, oral speech, genres of speech, discourse, linguistic worldview, artistic speech, corpus linguistics, word formation

For citation: Dmitrieva O. I., Kryuchkova O. Yu. International scientific conference “Language and Society in Synchrony and Diachrony”. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 238–244 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-238-244>, EDN: ZPDSWJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

13–15 ноября 2025 г. в Институте филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского прошла вторая Международная научная конференция «Язык и общество в синхронии и диахронии», посвященная памяти профессора Лидии Ивановны Баранниковой и профессора Валентина Евсеевича Гольдина (первая конференция этой тематики проводилась в 2005 г. (см.: [1, 2]). В дни конференции прошло два пленарных заседания, семь тематических секций, а также заседания X Международного научного семинара «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка».

Пленарные заседания

В докладах О. Ю. Крючковой (Саратов), О. И. Дмитриевой (Саратов), А. П. Романенко (Саратов) было проанализировано научное на-

следие Л. И. Баранниковой и В. Е. Гольдина, отмечены их вклад в лингвистическую науку, востребованность концепций и научного метода известных представителей саратовской лингвистической школы для развития современного языкознания.

Проблемам современного парадигмального состояния лингвистики и ее метаязыка были посвящены доклады М. А. Кравченко (Ростовна-Дону) и О. А. Волошиной (Москва; Китай, Шэньчжэнь), в которых отмечена тенденция к формированию интегральной научной парадигмы в современной лингвистике на основе синтеза идей системостроения и антропоцентризма, подчеркнута необходимость унификации метаязыка лингвистики для построения единой понятийно-терминологической базы описания разноструктурных языков. Обзор важнейших достижений и перспектив развития российской психолингвистики был сделан Е. Ю. Мягковой (Тверь). М. А. Стернина

(Воронеж) рассмотрела потенциал сопоставительно-параметрического метода лингвистических исследований, разрабатываемого в Воронежской теоретико-лингвистической школе. В докладе *И. В. Евсеевой* (Красноярск) очерчен круг проблемных вопросов лингвистической имиджологии, охарактеризованы основные понятия формирующегося направления. Вопрос о соотношении национально-культурных традиций и структурных языковых особенностей был рассмотрен на материале сопоставления японского и английского языков *В. М. Алпатовым* (Москва). Проблема представления диалектного лексикона в словарях академических словарей русского литературного языка стала темой доклада *С. А. Мызникова* (Москва). В докладе *Н. В. Уфимцевой* (Москва) на материале ассоциативных словарей были рассмотрены ядерные элементы языкового сознания носителей русского языка. *В. К. Харченко* (Белгород) проанализировала намеренные искажения грамматических норм в русской разговорной речи («игровое испытание грамматики» носителями языка), причины данного явления. В докладе *Л. Ю. Щипициной* и *О. С. Голоты* (Архангельск) представлены размышления над статусом виртуальной выставки, которую авторы определили как пример «пластичного» жанра, востребованного в разных (социолингвистических) типах дискурса.

Секция «Стилистическая система языка»

В докладах *И. А. Измestьевой* (Тольятти) и *Е. В. Вороновой* (Москва) обсуждались особенности дипломатического этикета в России начала XVIII (в посланиях Петра I) и во франкоязычных странах. *А. Б. Бушевым* (Тверь) рассмотрены стилистические и риторические особенности спонтанного электронного дискурса, представлена классификация его разновидностей. *Т. А. Милёхиной* (Саратов) выявлены стилистические и прагматические особенности политической пропаганды в российских политических ток-шоу 2014–2025 гг. *Е. Н. Подтележникова* (Воронеж) представила результаты сопоставительного анализа русскоязычного и англоязычного короткометражных мультфильмов на естественно-научную тему, отметив специфику стратегий, направленных на интериоризацию научного знания.

Секция «Особенности литературной разговорной речи и нелитературных форм устного общения»

В ряде докладов рассмотрены структурно-семантические особенности русских народных говоров: системные отношения в диалектной лексике вторичных говоров (*Т. Е. Баженова*, Самара); лексика выражения эмоций в севернорусском говоре (*Т. Н. Медведева*, Саратов); семантические особенности глагола желать в рассказах диалектоносителей о личном прошлом опыте (*А. Е. Рулева*, Томск); модели словообразования в лексико-семантической группе терминов родства в архангельских говорах (*И. Б. Качинская*, Москва); фонетические и морфологические тенденции в современном говоре (*Т. И. Мурзаева*, Саратов).

Докладчики анализировали отдельные жанры диалектной речи: *А. Н. Жандарова* (Саратов) – жанр кулинарного рецепта, *С. В. Волошина* (Томск) – жанр устного автобиографического рассказа, *О. А. Казакевич* (Томск) – автобиографические рассказы жителей сибирских сел о праздновании Дня речника.

Реликты архаического сознания в диалектном дискурсе были показаны в докладе *И. А. Букринской* и *О. Е. Кармаковой* (Москва) на материале рассказов о гадании на суженого и действии любовной магии; в докладе *Н. В. Свешниковой* (Саратов) – на материале мифологической лексики.

В докладах *Ю. В. Каменской* (Саратов), *Е. А. Древошень* (Саратов) явления диалектной речи (параметры самоидентификации, функционирование прецедентных единиц) освещались в сопоставительном аспекте, в сравнении с их объективацией в других формах коммуникации (литературно-разговорной речи и др.).

Особенности использования русской разговорной речи представителями отдельных субкультур рассмотрены *Э. А. Салиховым* (Уфа) – в сленге современных «кладоискателей», *Д. С. Кремер* (Саратов) – в дискурсе подростка старшего школьного возраста. Процессам проникновения разговорных и нелитературных элементов в публичную и профессиональную речь был посвящен доклад *Е. П. Захаровой* (Саратов), в современную российскую и белорусскую рэп-поэзию – доклад *Е. В. Локтевич* (Беларусь, Минск).

Явления интерференции в русской речи в условиях иноязычного окружения стали темой

работ *Е. А. Оглезневой* (Томск), *А. А. Десятирковой* (Китай, Хэйхэ), *Н. П. Панжиева* (Узбекистан, Термез).

Секция «Жанровая организация устной и письменной речи»

В докладе *В. В. Дементьева* была представлена интержанровая методика исследования вторичных речевых жанров. Анализу специфики отдельных жанров были посвящены доклады *А. Н. Байкуловой* и *Е. Н. Малашенковой* (Саратов) – пожелание (в непосредственной коммуникации и в веб-среде), *Н. А. Зюзьковой* (Томск) – воспоминание (на материале речи сельских жителей), *А. О. Киреевой* (Томск) – отказ (на материале диалектной речи), *Т. В. Нестеровой* (Москва) – поздравление как эпистолярный жанр. В выступлениях *О. Н. Дубровской* (Саратов), *Т. В. Харламовой* (Саратов), *А. Ю. Болотовой* (Ростов-на-Дону), *Е. А. Сорокиной* (Бийск) рассматривалась жанровая специфика современного медиадискурса и интернет-среды. Исторические аспекты формирования жанровой системы научного, делового и эпистолярного дискурсов были обозначены в докладах *Н. А. Данилиной* (Саратов), *Е. А. Ким* (Тюмень), *Л. Б. Гурьяновой* (Пенза). К анализу жанровой системы профессиональной речи логопеда обратилась *О. В. Кощеева* (Саратов). Вопросам языковой репрезентации ценностных доминант и концептуальных моделей в разных жанровых формах были посвящены доклады *А. Р. Нигметулиной* (Саратов) и *Э. Ф. Тугушевой* (Саратов).

Секция «Языковая репрезентация картины мира»

Проблемы языковой репрезентации картины мира рассматривались докладчиками на материале разных типов языковых единиц, разных языков, разных периодов развития одного языка, на материале отдельных типов дискурса. В докладе *Т. М. Рогожниковой* (Уфа) обсуждались предиктивные инструменты для анализа воздействующего потенциала вербальных моделей разной сложности. *Л. А. Бушуевой* (Нижний Новгород) аргументирована неодинаковая концептуализация эмоционального внутреннего мира человека посредством функционирующих в русском дискурсе лексем *ненависть* и *хейт*. *Л. А. Инютиной* (Новосибирск) проанализирована роль топонимов в языковой объекти-

зации пространства Сибири в XVII–XVIII вв. *А. И. Ковригина* и *И. Н. Горячева* (Москва) рассмотрели особенности испаноязычной пространственной картины мира, репрезентированной в структуре многозначных глаголов перемещения. *Е. А. Окулова* (Санкт-Петербург) представила диахронический анализ метафоризации концепта CONFIDENCE в английском языке. *Е. А. Северина* (Саратов) проанализировала характер семантической деривации в лексико-семантической группе «Сверхъестественные существа в религиозных культурах» в русском языке XI–XXI вв. Доклад *Л. В. Балашовой* и *К. И. Кирилловой* (Саратов) был посвящен использованию локальной бытийно-динамической модели метафоризации при характеристике страны-оппонента в современных общественно-политических массмедиа США и РФ. *Е. В. Маринова* (Нижний Новгород) на материале терминологии цифрового общества показала развитие новых представлений о границах реальности, иерархию ценностей в цифровом мире, переосмысление оппозиции «человек – машина».

В докладе *О. В. Мякшевой* (Саратов) обсуждались языковые механизмы современной рекламы, влияющие на ценностную картину мира общества. *Н. Г. Шаповалова* (Саратов) проанализировала комплекс лингвокреативных средств, используемых современными сценаристами для воплощения архетипа героя-трикстера. *Н. М. Орлова* (Саратов) показала динамику семантической структуры библейского концепта «чечевичная похлебка». *Е. Г. Дмитриева* (Волгоград) выявила две основные функции эмотивов *надежда*, *надеяться*, *упование* и *уповать* в русских житийных текстах XII–XXI вв. – характерологическую и дидактическую, формирующую у читателей представления о добродетели смирения как части религиозно-нравственного идеала. Предметом анализа в докладе *М. В. Сурковой* (Саратов) стал образ России, неодинаково представленный в учебниках русского языка – как родного и как иностранного. Доклад *П. У. Бакирова* (Узбекистан, Термез) был посвящен проблеме языковых универсалий в пословичном фонде разносистемных языков. *Л. С. Ефремова* и *Г. В. Лашкова* (Саратов) рассмотрели динамику ряда фразеологических единиц английского языка. В докладе *Жэнь Цзялу* (Китай, Шэньчжэнь) на материале сопоставления русских и ан-

глийских фразеологизмов показана специфика национальных языковых картин мира. *Н. А. Илюхина* и *В. Д. Шевченко* (Самара) рассмотрели семантическое своеобразие модели опосредованной передачи значения степени признака в русском языке. *О. А. Починяева* (Самара) охарактеризовала прагматическую ценность разделительных конструкций в моделировании картины мира. В докладе *Н. О. Золотовой* и *Л. К. Ворошиловой* (Тверь) была рассмотрена динамика ассоциативных связей медицинских терминов у студентов-медиков – от младших курсов к старшим. *Д. В. Бхонсле* (Саратов) представлен сравнительный анализ структуры и принципов формирования лексико-семантического поля «актёрская игра» в терминологии индийского танца и европейского балета. *А. В. Рудаковой* (Воронеж) по результатам свободного ассоциативного эксперимента охарактеризованы психолингвистические значения новейших для русского языка наименований обуви и одежды. В докладе *Е. В. Старостиной* (Саратов) обоснована эффективность комплексной исследовательской методологии – сочетание экспериментальных и корпусных данных при изучении вербальных ассоциаций.

Секция «Специфика различных видов институционального и межличностного общения»

На примере языка искусства в докладе *Г. В. Векшина* (Москва) был представлен функционально-доминантный подход к описанию универсальных языков общения как семиотических подсистем культуры. *М. А. Кормилицына* и *А. В. Дегальцева* (Саратов) обратились к актуальной проблеме медиатизации жизненного пространства современного общества. В докладе *Чжан Цзяси* (Ростов-на-Дону) рассмотрен феномен неофеминитивности – наименования женщин по профессии и роду занятий – в современной русскоязычной медиакоммуникации. *М. В. Золотарев* (Саратов) обратился к анализу явления интертекстуальности в сетевом дискурсе о культурном наследии. Доклады *Н. В. Бхатти* и *Е. Ю. Харитоновой* (Москва), *О. С. Незнаевой* (Саратов), *Т. В. Веселковой* (Саратов) были посвящены исследованию речевых педагогических тактик как инструмента эффективной учебной коммуникации, в том числе в работе со студентами-инофонами. Тактика сомнения в научном дискурсе рассмотрена *М. Ю. Мироновой* (Санкт-Петербург).

Объектом исследования *Т. В. Есиповой* (Саратов) стала языковая личность известного лингвиста *К. Ф. Седова*. Доклад *М. Э. Зверева* (Москва) был посвящен истории изучения фонетической ритмологии.

Секция «Художественная речь»

Одной из проблем, обозначившихся в ходе работы секции, стало исследование языковых и культурных примет в динамике литературного процесса. В докладе *З. С. Санджу-Гаряевой* (Саратов) они выявлялись на материале прозы *Ю. Трифонова* 60–70-х годов XX в., у *Н. Д. Стрельниковой* (Санкт-Петербург) – в текстах романов новейшего времени, у *А. Е. Пинчуковой* (Москва) – в новом литературном жанре нон-фикшен.

Большая часть докладов была посвящена анализу особенностей функционирования отдельных средств языка в художественной речи: системы подчинительных скреп на примере условных союзов в драматургии *А. Н. Островского* (*Н. С. Ганцовская* и *Цинь Лидун*, Кострома), образных средств с дендронимическим компонентом в поэтических текстах *И. А. Бунина* (*Н. А. Бородина*, Елец), системной организации глагольной лексики в латинском оригинале одного из произведений *Ф. Петрарки* и его русском переводе (*О. Р. Жуков*, Саратов) и *А. В. Зибаяев*, Сургут), единиц лексико-тематической группы «музыкальные инструменты» (*А. А. Зеленева*, Москва), морфемария языка поэзии *А. В. Жигулина* (*Е. В. Нагорная*, Воронеж), сложных слов в поэтических текстах *А. Тарковского* (*Чжан Сяофэй*, Казань), речевой конкретизации концепта «смерть» в поэзии *Ю. Левитанского* (*З. М. Дусматова*, Томск). В докладе *А. В. Дегальцевой* (Саратов) был показан лингвокреативный прием разрушения целостной структуры адвербиальной единицы и ее переосмысления в качестве именной словоформы в прозаических и поэтических текстах. О лингвокреативной роли языковой игры в произведениях современной детской литературы говорилось в докладе *С. А. Семеновской* (Саратов).

И. Г. Родионова (Пенза) обозначила компоненты ценностного осмысления детства как психолого-педагогического и философского феномена в произведениях *А. Лиханова*. *И. А. Тарасова* (Саратов) на материале стихотворений *Г. Иванова* 1930–1950-х гг. про-

демонстрировала способы трансформации первичных жанров в поэтическом тексте и их эстетические функции.

Секция «Корпусная лингвистика»

В секции обсуждались проблемы создания и использования в научных целях лингвистических корпусов. О. Ю. Крючковой (Саратов) был охарактеризован вклад В.Е. Гольдина в развитие корпусной диалектологии. В докладе А. И. Бурановой, О. Ю. Крючковой, Е. И. Рогожиной (Саратов) освещено состояние Саратовского диалектного корпуса в настоящее время. Доклад Е. Ю. Балашовой (Санкт-Петербург) был посвящен теоретическим и практическим аспектам жанрового аннотирования электронных корпусов текстов – на примере многоязычного параллельного корпуса ООН (UN Corpus). Е. Г. Трещевой (США, Цинциннати) обсуждались проблемы автоматической обработки текста в составе текстосодержащих артефактов, относящихся к области информационных технологий. И. А. Афанасьев (Москва) представил новый метод (Python-библиотека) для сравнения близкородственных языков (идиомов, лектов), отметив его преимущества и недостатки. В докладе В. К. Голубевой (Беларусь, Минск) рассматривался потенциал Национального корпуса русского языка для выявления и дифференциации грамматических синонимов – на материале средств выражения адвербиального признака в русском языке. Е. И. Рогожина (Саратов) представила результаты анализа лексики *стиляга* и ее производных на основе использования компьютерного инструментария.

Научный семинар «Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка»

Семинар проводился в СГУ уже в десятый раз (некоторые результаты работы участников семинара см. в [3–5]), и в 2025 г. – в рамках конференции «Язык и общество в синхронии и диахронии». Это закономерно, поскольку многие концептуальные идеи семинара соотносятся с идеями Л. И. Баранниковой и В. Е. Гольдина.

Традиционно одним из направлений деятельности семинара является исследование словообразовательной динамики языка. Доклад

Н. Г. Николаевой (Казань) был посвящен анализу малопродуктивных именных словообразовательных моделей в Казанском Евангелии IV в. И. В. Ерофеева (Казань) на материале древнерусских летописей показала специфику функционирования конфиксальных дериватов с начальным *без-*. Динамика дифференциации синонимичных словообразовательных типов в границах одной словообразовательной модели была рассмотрена в докладе Ю. Г. Кадькалова (Саратов). Интересным направлением стало исследование динамики словообразовательных процессов в пространстве русских говоров: слов одной словообразовательной ниши словообразовательных типов «глагол + уш/а», «прилагательное + уш/а», «существительное + уш/а» (доклад А. А. Лушпей, Кемерово) и субстантивов в смоленских говорах (доклад Е. С. Луньковой, Смоленск). Вопросам сопоставительного изучения семантико-словообразовательных категорий в разных языках были посвящены доклады Т. А. Александровой (Саратов) и Д. К. Полякова (Москва).

Проблемы лексической динамики в языковой диахронии рассматривались в ряде докладов: О. А. Горбань (Волгоград) обозначила особенности функционирования глаголов со значением *поститься* и их производных в русском и церковнославянском языках; И. А. Сафонова (Волгоград) показала специфику метафорической репрезентации слухового восприятия; Е. М. Шентухина (Волгоград) на материале дипломатических писем В. Н. Татищева представила средства выражения побудительности.

Ряд докладов был посвящен исследованию неологических процессов. А. А. Безрукова (Самара) показала особенности состава и структуры словообразовательных гнезд с элементами *кибер-*, *крипто-*, *фиджитал-* в русском языке новейшего времени. Е. В. Маринова (Нижний Новгород) затронула вопрос о когнитивной обусловленности актуализации неологической конфиксальной модели образования прилагательных *без-*(*бес-*) – *-н-* в терминологии цифрового общества. Проблема выявления аксиологического потенциала словообразовательных аффиксов и его реализации в современных медийных текстах было посвящено выступление Л. В. Рацибурской (Нижний Новгород). Л. Л. Федорова (Москва) продемонстрировала активность ряда моделей

образования сложных слов в современных окказиональных производных. В. Е. Замальдинов (Нижний Новгород) затронул проблему словообразовательного потенциала антропонимов. В докладе Д. Г. Орловой (Саратов) был отражен взгляд на проблему словообразовательного варьирования как тенденцию неологизации глагольной лексики. Сопоставительный анализ неологизмов, представленных в русских и китайских словарях, был дан в докладе Хуэй Ланьсинь (Ростов-на-Дону). Т. В. Нестерова (Москва) рассмотрела проблему отражения активных словообразовательных и лексических процессов в орфографическом словаре. И. А. Меркулова (Воронеж) в выступлении на тему «Может ли морфемика быть неморфемной?» предложила совместное размышление о языке как системе возможностей, которые могут быть не реализованы полностью. Еще одной научной проблемой семинара традиционно являются процессы в области современной аббревиации. Этой проблематике были посвящены выступления ученых из Донецка – В. И. Теркулова и его коллег и учеников А. И. Бровца, В. А. Рязановой, А. А. Лялюк, К. Ю. Емельяновой, Е. Н. Станкус, А. А. Алтуховой, Е. В. Разумной, А. К. Сытник, А. В. Чистоклетовой. В них затрагивались вопросы типологии компрессионных процессов в языке,

формальные и семантические характеристики аббревиатур разных типов, прескриптивизации произношения и склонения аббревиатур.

По итогам конференции готовится сборник ее материалов.

Список литературы

1. Язык и общество в синхронии и диахронии : труды и материалы Междунар. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Лидии Ивановны Баранниковой (Саратов, 15–16 ноября 2005 г.) / сост. В. Е. Гольдин, О. Ю. Крючкова, С. П. Хижняк. Саратов : Научная книга, 2005. 453 с. EDN: QRVHTT
2. Дмитриева О. И., Крючкова О. Ю. Международная научная конференция «Язык и общество в синхронии и диахронии» // Русский язык в научном освещении. 2006. № 2 (12). С. 242–249. EDN: HYZSFF
3. Динамические аспекты русского словообразования / под ред. О. И. Дмитриевой, О. Ю. Крючковой. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. 228 с.
4. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке / отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. М. : Изд-во Московского ун-та, 2024. 322 с.
5. Дмитриева О. И. Саратовская дериватологическая школа: проблематика, результаты, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 177–187. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-12>, EDN: EXXREA

Поступила в редакцию 26.01.2026; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 26.01.2026; accepted for publication 10.02.2026